

"Тайна стонущей пещеры (с илл.)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Африкан Шебалов

Тайна стонущей пещеры

Ночная катастрофа

Была теплая весенняя ночь. Над спящей землей торопливо и бесшумно плыли редкие косматые тучи.

По временам сквозь них проглядывал лунный серпик. Тогда все вокруг озарялось мягким серебристым светом. Плоские, будто вырезанные из черного картона, силуэты Крымских гор сразу приобретали форму и объем. Но туча снова закрывала месяц, и краски меркли, затухали, окрестности затягивались таинственной темной завесой.

Все было погружено в глубокий сон. Только густое тяжелое море медленно ворочалось. На отлогий берег лениво и вяло набегали мягкие сонные волны прибоя. Пенясь, они лизали галечный пляж плоскими языками и, что-то глухо бормоча, медленно отступали обратно. От этого казалось, что море живое; оно дремлет и в полусне вздыхает протяжно и беспокойно.

Вдруг где-то далеко от берега, в темноте между небом и землей промигал огонек. Это сторожевой корабль доложил, что на морской границе все спокойно.

Вдоль извилистой линии берега также кое-где золотились огоньки. Здесь не спали те, кто оберегал отдых советских людей.

...В полночь к северным склонам гор подступил туман. Чуть заметный ветерок гнал его на юго-восток. Растекаясь, туман полз к вершинам гор, заволакивая курчавые шапки деревьев.

Ветер крепчал. Туман длинными лоскутами стал прорываться через седловины гор на южную сторону.

В четыре часа утра над морем появился самолет. Он летел без света, с приглушенными моторами. Как коршун, планируя, он добрался до берега, развернулся и заскользил вдоль неровной гряды гор. Внизу, сквозь белую массу тумана, кое-где проглядывала темными окнами земля. Постепенно снижаясь, самолет сделал два больших круга. Внезапно от него отделилась черная точка... другая, третья, четвертая...

На земле уже знали о появлении нарушителя. Радиолокаторы засекли самолет на подходе к берегу, по радио и проводам понеслись слова команд, и за несколько десятков километров от берега с аэродрома взмыли вверх два реактивных истребителя. Они развернулись и, как стрела, пущенная по прямой, стремительно помчались навстречу непрошенному ночному гостю.

Летчик, командир вражеского самолета, поздно понял, что он обнаружен. Снизу, с боков, ударили ослепительные штыки света. На миг летчик увидел уходящий к земле купол парашюта. Но в следующее мгновение он плотно зажмурил слезящиеся глаза, закрыл их ладонью левой руки. В наушниках раздавались панические голоса второго пилота и штурмана.

Самолет взревел моторами и заметался влево-вправо, пытаясь вырваться из скрещения лучей. Но это ему не удалось. Яркий свет проникал даже сквозь тесно сомкнутые веки, которые ни на секунду нельзя было открыть, чтобы хоть взглянуть на доску приборов. Вдруг свет сразу погас. Слепленный летчик прислушался к визгливым выкрикам штурмана:

— Истребители справа!.. Самолеты...

Повинуясь инстинктивно этому указанию, еще ничего не видя, командир бросил машину в пике, затем резко влево, а сам сжался в комок, дрожащей похолодевшей спиной ощущая, что вот-вот его машина и он сам будут прошиты очередями пулеметов.

Самолет спускался все ниже и ниже. Но выстрелов не было. Советские истребители, сбавляя скорость, зашли в хвост самолету — нарушителю, повисли над ним. Это означало: идти на посадку.

Видя, что истребители огня не открывают, нарушитель решил спастись бегством. Самолет нырнул в плотную пелену тумана и резко изменил направление.

Несколько секунд он шел без всякой ориентировки. Вдруг раздался оглушительный удар. Левой плоскостью самолет зацепился за отвесную скалу. Плоскость отвалилась, как картонная, и, беспомощно ударяясь о камни, рассыпаясь на куски, самолет рухнул вниз. Почти одновременно раздалась два взрыва. Метнулись вверх огромные снопы пламени. Они осветили опушку леса и покатое каменистое подножие горы.

А над горами долго еще со свистом резали воздух стреловидные крылья истребителей.

Все произошло в течение нескольких минут; город, вблизи которого разыгралась ночная драма, безмятежно спал, набираясь сил к новому трудовому дню...

...Из пяти человек команды в живых остался только штурман, далеко отброшенный взрывом от догоравших обломков самолета. Плача, он умолял советских пограничников сохранить ему жизнь и рассказал, что в горах самолет выбросил на парашютах трех человек и мешок с грузом. Кто эти люди, что в мешке, штурман не знал; не знал, зачем их доставили сюда. Сам он человек маленький, он только исполнитель. Больше штурман ничего не сказал.

А к месту выброски нарушителей уже спешили с нескольких сторон группы пограничников с собаками.

Изменчива погода в районе Крымских гор. Часто бывает так: ярко светит солнце, голубое небо, насколько хватает глаз, — безоблачно, чисто. Но вот на горизонте, где-то над Сивашем, появляется одинокая туча. Не уронив ни капли влаги на пересохшую степь, спокойно и медленно проплывает она через весь полуостров к подкове Крымских гор. Упрется в склоны и, будто сердясь на преграду, закружится, сгустится в цвете и начинает с ворчанием взбираться

по склонам вверх. Медленно, но упрямо ползет она к перевалу все выше и выше, пока не сбросит свой груз: не изольется обильным дождем. Остатки тучи прорвутся к морю, а по склонам гор заторопятся в низину, к маленьким крымским речушкам тысячи мелких ручейков. И вот уже снова над горами солнце и голубое, умытое небо.

Так было и в это утро. Ночью на безмолвные горы напал туман; к утру он рассеялся, но появилась туча, хлынул дождь.

В густой чаще леса, утопая по щиколотку в прелой лежалой листве, торопливо шел старик с небольшой рыжеватой бородкой. Голову его покрывала нахлобученная до бровей истасканная солдатская шапка. Старик был одет в потрепанный ватник, обут в кирзовые солдатские сапоги. Он нес большую плетеную из куги корзинку, тщательно укрытую сверху синей полосатой тряпкой.

Старик, видимо, заблудился. Он беспокойно осматривался по сторонам, по временам останавливался, сдерживая дыхание, прислушивался. Но кроме редких порывов ветра, шумевшего листвою деревьев, и шипения дождя, ничего не было слышно.

Постояв минуту, путник снова пускался дальше, тяжело, с хрипом дыша, как загнанная лошадь. На дождь он не обращал внимания.

Весна в этом году выдалась ранняя. К концу марта, как-то сразу, за три дня, деревья на горах покрылись листвою, но по утрам еще бывало очень прохладно.

Промокший и продрогший путник шел, не глядя под ноги. Метров триста он брел по руслу небольшого ручья, прямо по воде, потом круто изменил направление.

Заметно светало. Внезапно старик застыл на месте. Чутким ухом он уловил слева какой-то металлический звук и рванулся в этом направлении.

Через несколько десятков метров лес кончился, обрезанный асфальтированным шоссе, за которым шел крутой спуск, поросший густым кустарником.

Старик вышел на опушку в тот момент, когда по шоссе вниз проезжал грузовик. В кузове его стояли ящик и две железные бочки. Машина была уже далеко: как ни кричи, в такой дождь шофер не услышит.

Несколько секунд путник зорко осматривал склон горы и за кустарником метров на двести внизу разглядел полотно шоссе, которое делало крутой поворот. Не по-стариковски бойко, в два прыжка он перемахнул дорогу и, ломая кустарник, напролом ринулся вниз.

Он опередил машину, сделавшую большой крюк, и спрятался за густой куст на новом повороте шоссе.

Сквозь сизую сетку дождя фары машины желтели слабым, как от керосиновой лампы, светом. В кабине сидели женщина с ребенком на руках и шофер — белокурый паренек.

Когда машина, сбавив скорость, стала поворачивать по шоссе, старик выскочил из укрытия и по-обезьяньи легко и проворно забрался в кузов. Большой ящик загораживал заднее окно кабины. Старик опасно метнул взглядом по сторонам, на минуту закрыл глаза и с облегчением выдохнул из груди воздух. Потом поставил корзину, с головой завернулся в брезент, оказавшийся в кузове, лег на бок, прижав корзину к ящику, и замер.

Километров пятнадцать машина шла, петляя на частых поворотах. Горы остались позади. Дождь кончился. Первые лучи солнца осветили живописную долину.

Старик сбросил брезент с плеч и, поеживаясь от холода, посмотрел по сторонам. Справа в полутора километрах мелькнули домики какой-то деревеньки. На повороте дороги старик спрыгнул с грузовика.

Так молоденький шофер и не узнал, что в кузове своей машины он вез пассажира.

Проводив глазами грузовик, путник снова глубоко вздохнул, перешагнул кювет и зашел в кусты на берегу маленькой речки. На поляне он поставил на землю корзину, сел на камень, закурил и осмотрелся по сторонам. Еще не жаркое мартовское солнце поднималось над горами. Кусты шиповника с молодой нежной листвой слабо колыхались от ветра.

Старик смял и отбросил окурок, устало опустил веки. С минуту он о чем-то думал, хмурия брови, потом открыл глаза, тихо и зло проговорил:

— Так тебе и надо! Осёл, совсем не в тот район выбросил! А я теперь добираться до другой стороны полуострова...

Резким движением он сдвинул на затылок мокрую шапку: открылся чистый, без морщинки лоб и зачесанные назад светло-русые волосы. Бросив шапку себе под ноги, «старик» стал отклеивать фальшивую бороду.

Витя Сбитнев

Жарким летним вечером Витя Сбитнев, четырнадцатилетний плечистый подросток, в который раз перебирал содержимое своего рюкзака.

— Труссы, полотенце, рубашка, одеяло, — шептал он, перекладывая вещи.

— А зубную пасту и щетку забыл! — вскрикнула младшая сестренка Валя и метнулась от стола на кухню, к умывальнику.

— Хитрая эта Валька! В другое время что ни скажи — не слушается, а тут крутится, помогает. Ну, да все равно третьеклассников в такой поход не берут — напрасно подлаживается, — ворчал Витя, — а может, обрадовалась, что я ухожу, некому будет жучить?

— На, на! — толкнул его в бок трехлетний братишка Мишенька. В руках малыша были клещи и пестрый котенок. Он тоже решил помогать брату в сборах.

— Зачем мне котенок? Брось его! А щипцы положи на место! — прикрикнул Витя и покосился в сторону матери, склонившейся над швейной машинкой. Из куска парусины она шила сыну мешочек для сбора минералов.

Витя взял у сестры зубную щетку и тюбик пасты, не поблагодарив, молча сунул в рюкзак и подошел к матери.

— Вот и готово, — выпрямилась та и, оборвав нитки, подала сыну мешочек. — На сколько дней поход?

— На шесть, — настороженно взглянул Витя в усталое лицо матери. У нее дрогнули брови, и он торопливо добавил: — Керосину я купил, в чулане стоит. Плитку принес из ремонта, починил

калитку. Вчера переложил черепицу на крыше, теперь в дождь не будет на кухне протекать. Так что... — он окинул комнату взглядом, как бы убеждаясь, что в доме все в порядке. — А эти шесть дней... Я ведь скоро, всего только на шесть дней. А тут Валька останется, — он сердито посмотрел на сестренку, словно приказывал взглядом поддержать его.

По лицу матери пробежала теплая улыбка.

— Ладно уж, отправляйся, — она любовно оглядела широкоплечего сына, обняла его за спину. Витя, стесняясь ласки, неловко отстранился, но лицо его просветлело.

— Только будь осторожней там, а то, я знаю, тебе все нипочем.

— Что я, маленький, что ли, — насупился снова Витя и покосился на сестренку. — Или сам не понимаю.

— Да, чуть не забыла, — поднялась мать, — в Заветном когда будете?

— Дня через два.

— Зайди к бабушке Василисе. Вот ей челнок для машинки, нитки «мулине» и вязальный крючок. Давно купила, а переслать не с кем.

Она вынула из ящика машинки небольшой сверток и передала сыну:

— Скажи, пусть приезжает к нам погостить. Дяде Пете и тете Марусе привет передавай.

Витя в знак согласия молча кивал головой. Вдруг он оживился:

— Мама, помнишь, бабушка рассказывала о какой-то таинственной пещере. Где она? Там, у Заветного?

— Какая пещера?

— Ну, которая будто бы стонет...

— А-а, есть у них такая. Помню. Даже приходилось слышать, как она воет. А тебе зачем?

— Ну я просто так спросил. Может, на экскурсию туда пойдем. Ведь мы по маршруту будем осматривать пещеры.

— В эту пещеру экскурсий не бывает. Люди не ходят в нее — опасно, сказала мать и стала убирать швейную машину.

Витя прищурился, что-то обдумывая. В его серых, под выцветшими бровями, глазах появилось сожаление. Неужели долгожданный поход пройдет без всяких приключений?

Мысль о походе возникла еще зимой. Новая учительница географии Вера Алексеевна Озерова так увлекательно рассказывала о Крымских горах, что весь урок шестиклассники сидели не шелохнувшись. Сама Вера Алексеевна еще школьницей, а затем студенткой исходила эти горы по всем маршрутам. В каникулы она обещала сводить ребят в туристский поход. И вот это время пришло.

Несколько дней ребята возились в пионерской комнате: готовили коробки гербариев и минералов, чертили маршрут похода. Был проведен сбор отряда на тему: «Пионер, знай свой

край!» На сбора распределили обязанности. Дома будущие туристы собирали нехитрый багаж, шили себе рюкзаки, кто из наволочки или парусины, а кое-кто разыскал и запыленные солдатские вещевые мешки, принесенные еще с войны отцом или братом.

Витя лежал на кровати и широко раскрытыми глазами смотрел в потолок. Он видел себя то блуждающим по страшному подземелью, то представлял, что находит в горах залежи бесценных ископаемых и его портрет печатают в газетах. Как за всякой знаменитостью, за ним бегают толпы ребят, а из Кремля ему присылают благодарность.

В темноте, посапывая, сладко спала Валька. Но Вите казалось, что это не дыхание сестренки, а шуршание ветвей в непролазной чаще дикого леса, откуда вот-вот должен броситься на него страшный зверь. Зверь действительно появляется и делает огромный прыжок, но Витя успевает отскочить в сторону.

«Это же тигр! — удивляется он. — Откуда тигр взялся? Ведь в Крыму их нет!?»

— «Нет, нет!» — дважды подтвердили старинные стенные часы, но их сипловатого голоса Витя уже не слышал.

Утром Витя поднялся поздно. Мать уже ушла на швейную фабрику, где работала закройщицей.

На выключенной электрической плитке посвистывал чайник. Комната была наполнена аппетитным запахом кофе.

Витя быстро оделся, наскоро закусил, разбудил Вальку и, схватив пустые ведра, сбежал к колонке за водой.

— Ну, я отправляюсь. Смотри у меня, чтобы в доме порядок был! — по-хозяйски строго наказывал он заспанной Вальке.

С тех пор как умер отец, на плечи Вити легли многие неребьячи заботы. Мать целыми днями на работе, и Витя стал чувствовать себя главой семьи, хозяином. Молчаливое одобрение матери со временем окончательно укрепило в нем это чувство.

Витя расправил складки клетчатой ковбойки, ту же затянул ремень, надел на плечи вещевой мешок. Валька только что умылась и торопливо терла лицо мохнатым полотенцем. Витя посмотрел на детскую кроватку, в которой спал братишка:

— Буди Мишку — в детсад пора. И смотри у меня тут, по улицам меньше болтайся!

— Ну вот еще... Что я, ребенок, что ли?

— Знаю я вашего брата! Сам такой был. Ребенок... Вот вернусь — проверю. Он надел фуражку и

не спеша направился к двери.

Вася Коркин

Возле школы толпилась уже кучка ребят — человек десять. Они с интересом слушали Олега Шумейкина — сухощавого, быстроглазого мальчика. В руках Олега была желтая, как бублик, палка с гнутой ручкой.

— Турист ходить должен по-особенному, не как обыкновенные люди. Ступать нужно на носки, а ноги — чтоб всегда согнутые. Так они лучше за землю цепляться будут, — авторитетно говорил Шумейкин. Он прошелся перед ребятами, неестественно приседая. — Вы в походе держитесь ко мне поближе, я вас быстро научу... — Олег хотел еще что-то сказать, но увидел Сбитнева и побежал ему навстречу.

— Знаешь, Витя, по-моему, зря Вера Алексеевна берет в поход девчонок. Наплачемся мы с ними. Будут охать да ахать, — растянул он в насмешливой улыбке большой рот, прилаживаясь к шагу Сбитнева. Шумейкин ростом ниже Сбитнева. Цветная клетчатая ковбойка, такая же, как у Сбитнева, висит на его угловатых плечах мешком.

Сбитнев ничего не ответил.

— А я, знаешь, с собой палку взял; специально у бабушки выпросил. Во всех книжках туристов с палками рисуют.

— Ты бы еще костыли у своего деда отобрал, — коротко бросил Сбитнев.

Шумейкин только передернул плечами и виновато взглянул на товарища.

К школе группами и в одиночку подходили все новые пионеры.

— Ребята, а куда же делся Коркин? — спросила хохотушка Оля Пахомова. — Он ведь тут был.

— Вот его рюкзак, а Вася побежал домой за шляпой, — ответила Галя Пурыгина, — хрупкая на вид девочка с бледным, совсем незагорелым лицом.

Кое-кто засмеялся, потому что Вася Коркин вечно что-нибудь терял или забывал.

Но вот показался и он сам, в новой соломенной шляпе на круглой голове. Невысокий, толстенький, он весь был увешан походными вещами: двумя термосами, флягой, полевой сумкой и фотоаппаратом «Любитель» на непомерно длинном ремешке. Впереди мальчика бежала лохматая собачонка. Коркин на ходу рассеянно ощупывал свои карманы, как бы убеждаясь, все ли в них цело.

— Ну, Вася, все взял? — спросила Оля Пахомова.

— Кажется, все, — улыбнулся Коркин и вдруг растерянно заморгал синими глазами. — А где же очки? Вот балда, на столе оставил! Я сейчас, ребята, крикнул он и под смех пионеров вперевалку затрусил обратно.

На повороте улицы Коркин увидел учительницу Веру Алексеевну и свою мать. В одной руке Вера Алексеевна несла рюкзак, в другой широкополую белую шляпу. Она, чуть наклонив голову, прислушивалась к словам Коркиной. Светлая коса золотым жгутом обвивала голову. Вера Алексеевна шла легко и быстро, хотя ей приходилось приноравливаться к тяжелому шагу своей спутницы.

Мария Ивановна Коркина что-то взволнованно говорила учительнице, теребя в руках плетеную сумочку.

Вася хотел было незаметно перебежать на другую сторону улицы, но мать уже заметила его.

— Ягодка моя, передумал?! — радостно бросилась она навстречу сыну.

— Что передумал? Это я очки солнечные забыл, — бормотнул Коркин, стараясь обойти мать стороной, и поздоровался с учительницей.

Мария Ивановна горестно вздохнула. Она проводила сына взглядом и повернулась к учительнице:

— Просто не знаю, что со мной будет. Шутка ли? Отпустить ребенка пешком в горы, где нет ни машин, ни трамваев, — одни только камни, пропасти! Все время на ветру, на солнце! А если солнечный удар? А если дождь? Долго ли схватить насморк или даже грипп?

— Ничего, Мария Ивановна, с вашим Васей не случится, только закалится и наберется здоровья. К нам в Крым дети едут из разных мест Советского Союза — из Москвы, Ленинграда, Сибири, Урала, и все остаются живы и невредимы.

— Я, конечно, понимаю, товарищ классный руководитель. Но ведь разные есть матери. Другая, может быть, и рада, что отправляет с глаз долой своего ребенка. А я душой изболеюсь. Ведь дитя совсем — каких-нибудь тринадцать лет.

Вера Алексеевна невольно улынулась.

— Вы хоть следите там за ним, товарищ классный руководитель, чтобы он витамины принимал по расписанию, не ел всухомятку и вообще... А то ведь он сам ничего-ничего не понимает. Он может даже сырой воды напиться!

Возле школы стоял уже голубой автобус из турбазы, и ребята со смехом и гомоном толпились у его закрытых дверей.

— Все собрались? — громко спросила Вера Алексеевна.

— Все. Коркин только домой побежал за очками, а Сбитнев в пионерской комнате — за коробкой для минералов пошел, — ответил Олег Шумейкин.

— Ну, что ж, тогда давайте усаживаться, — Вера Алексеевна подала руку подошедшему шоферу. — Здравствуйте, Григорий Ильич.

Водитель неторопливо сел в кабину, открыл дверь автобуса. Толкаясь, ребята стали занимать места.

— Девочки, ко мне!

— Люба, где моя панамка?

— Ребята, мешки сюда кладите, в одну кучу.

— Эх, красота, прокатимся!

Из общего шума и смеха вырвался сердитый голос Шумейкина:

— Эй, ты, куда лезешь? Занято место, не видишь? Это для Сбитнева!

Сбитнев захлопнул высокую двустворчатую дверь пионерской комнаты, повернул в замке ключ, с разбегу ловко вскочил на перила и проехался вниз. На лестничной площадке он услышал со двора гудок автомобиля и голос Шумейкина: — Сби-итнев! Ви-итя!

— Да иду же, иду! Чего разорался? — недовольно нахмурив брови, крикнул Сбитнев в открытое окно и, перепрыгивая через две ступеньки, помчался вниз по лестнице.

Возле автобуса стояли Вася Коркин и Мария Ивановна. Около их ног лежал вещевой мешок. Мария Ивановна наглухо застегивала сыну ворот рубашки.

— Ты ж смотри, ягодка, будь осторожен в горах — там сквозняки! И воды сырой не пей из крана, — назидательно говорила она.

— Откуда там кран, мама?

— Не учи! — категорически оборвала Коркина сына. — Сама знаю, что там есть, а чего нет!

Мальчик нетерпеливо покосился на окна автобуса.

— Вот тебе еще деньги — пригодятся.

Мария Ивановна вложила в карман Васиной курточки деньги и застегнула пуговицу.

Поровнявшись с Коркиной, Сбитнев бросил презрительный взгляд на своего одноклассника.

— Поцеловаться не забудь, Ягодка!

Мария Ивановна изменилась в лице:

— И этот сорви-голова с вами едет?

Она прижала к себе сына, словно хотела оградить его от ужасной опасности.

Смущенный Коркин робко стал освобождаться из ее рук. Сбитнев, не обращая внимания на замечание Марии Ивановны, вскочил в автобус.

— Ты, детка, от него подальше держись, — сказала Мария Ивановна и, испуганно вскрикнув, отшатнулась: из выхлопной трубы автобуса прямо в нее выстрелило сизоватым дымом.

— Коркин, пора садиться! — выглянула из окна автобуса Вера Алексеевна.

— Уже, уже отправляю, товарищ классный руководитель, — засуетилась Мария Ивановна и опять бросилась к сыну:

— Учти, я обязательно тебя проведу в этом, как его, Приветном или Заветном. Машину у отца выпрошу, а приеду. Ну, иди уж, — засунула она зачем-то в полевую сумку сына свой цветастый зонтик. Мальчик не заметил этого, он с радостью схватил рюкзак и, уронив зонтик, побежал к двери автобуса.

Едва он вскочил на ступеньки, дверь мягко захлопнулась. Переваливаясь с боку на бок, автобус выбрался со двора школы на улицу.

Коркин, освобожденный от опеки матери, облегченно вздохнул и тут же у дверей в изнеможении опустился на пол.

— Фу-у, — расстегнул он ворот рубашки. Блаженно улыбаясь, посмотрел на Сбитнева и Шумейкина, сидящих на первой скамье.

— Вась, а как же ты без мамы в походе будешь? — язвительно подмигнул Олег Шумейкин.

— Кого-чего? — невпопад переспросил Коркин, рассеянно ощупывая самого себя.

Ребята засмеялись.

Но Коркин не обратил на них внимания. Он вдруг застыл в неподвижности, глаза его округлились и часто-часто заморгали.

— Ап-аппа-арат... Аппарат забыл! — выдавил он из себя и схватился за голову: — А Тузик где?.. Остановите! Остановите! — Коркин бросился к шоферу, но тут же повис на ремешках фотоаппарата, зажатого дверьми.

— Тпру-у, буланый, постромки порвешь! — подхватил его Сбитнев. Автобус взорвался смехом. Громче всех, как всегда, смеялась Оля Пахомова. Она упала на колени к подружке Гале

Пурыгиной и беззвучно тряслась мелкой дрожью. По ее пухлым красным щекам катились слезы.

Автобус остановился. В открытую дверь, прямо на руки Коркину вскочил лохматый Тузик. Он крутился, повизгивал и старался лизнуть мальчика в лицо.

Шумейкин поднялся с места, картинно развел руками и продекламировал:

— Друзья встречаются вновь!

— А чего? Собака — друг человека, — спокойно ответил Коркин, поглаживая Тузика.

— Так то — собака, а это что? — мочалка!

— Тузик — умный пес. Он нас в походе охранять будет.

— Скажите пожалуйста, охранять! Тоже волкодава нашел. Это не овчарка случайно? — захихикал Олег.

— Нет, это ищейка. Он хорошо блох ищет, — крикнул кто-то сзади.

Все снова весело рассмеялись.

Коркин спустил Тузика с рук. Тот радостно завертел головой, завилял хвостом и мягким влажным языком лизнул руку Олега.

— Пошел вон, дрянь! — отдернул руку Шумейкин и брезгливо вытер ее о штаны.

Вера Алексеевна обернулась к ребятам и строго сказала:

— Перестаньте озорничать. Вася, садись на место.

— Вася, к нам! — позвала Коркина Галя Пурыгина.

В сопровождении Тузика Вася неуклюже пробрался к задним скамьям и втиснулся между Галей и Олей.

— Видал? Ягодка опять к девчонкам примостился, — наклонился Олег к Сбитневу.

— Да хватит тебе. Сиди уж! — оборвал его тот.

Через несколько минут город остался позади. Замелькали телеграфные столбы с белыми стаканчиками наверху, по обеим сторонам дороги поплыли пышные сады. То и дело пробегали назад густые аллеи тополей. Но ребята нетерпеливо поглядывали вперед, где синели еще далекие Крымские горы.

Три задачи

Полковник госбезопасности Коркин, добродушный на вид, полнеющий мужчина с сединой на висках и в усах, на службу ходил пешком. Эта двухкилометровая прогулка по оживленным улицам очень нравилась ему. Он любил наблюдать за утренней жизнью города.

Гремели автомашины, визжали на поворотах улиц переполненные трамваи, по тротуарам в разных направлениях торопились на работу люди. Многие из них были полковнику Коркину в

лицо хорошо знакомы, хоть он и не знал ни фамилий их, ни имен, не знал, где они работают. Просто они встречались ему каждое утро вот уже много месяцев кряду, и он мысленно улыбался им, как старым знакомым, с удовольствием отмечая про себя, что и их глаза также теплели при встрече с ним. Кое с кем он сталкивался ежедневно на одном и том же месте. Например, седенький быстрый старичок, с бородкой клинышком (по виду бухгалтер), встречался ему постоянно на углу, возле аптеки; полная девушка-блондинка в дымчатых очках (наверное, медсестра) — на перекрестке улиц, где заворачивает трамвай. Маленькая подвижная говорливая женщина и коренастый молчаливый мужчина (им полковник не сумел подобрать специальностей) ходили всегда вместе. Мужчина — спокойно и веско, широкими шагами, а женщина — мелкой семенящей походкой. Кто они — муж и жена или соседи-сослуживцы, Коркин не знал. Но они всегда встречались ему возле большого универмага. Было и еще несколько человек, место встречи с которыми Коркин заранее предвидел.

Полковник Коркин даже волновался за своих неизвестных знакомых. Бывает, не встретит кого-нибудь и удивится, взглянет на часы, посмотрит на другую сторону улицы. «Что он, опаздывает, заболел?» — встревожится полковник. И если через квартал-два увидит запоздавшего, улыбнется в усы и про себя похвалит: «Ага, торопишься? Молодец! Дисциплину соблюдаешь!»

Сегодня утро солнечное. На синем небе ни одного облачка — день обещает быть жарким.

Возле почтамта полковника Коркина догнал лейтенант госбезопасности, молоденький, стройный, с красивым восточным лицом.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— А, Сафар, здравствуй, — полковник подал руку. — Что это ты сегодня пешком? Обычно на трамвае едешь.

— Проветриться решил, Сергей Илларионович.

— Правильно решил. Утром очень полезно пробежаться, ноги поразмять. А то, я слышал, ты больше задаешь им работы по вечерам: танцуешь много.

— Я ведь холостяк, товарищ полковник, — смущенно развел руками лейтенант.

— Понятно. А не сходить ли тебе, Сафар, для разминки в туристский поход? Как считаешь? Я вот много постарше тебя, а и то два раза бродил по нашим горам. Лучшего отдыха не найти. У меня сын Васька пошел сегодня вершины штурмовать. Правда, из-за этого мы с ним целый бой против матери выдержали.

— Я и сам, Сергей Илларионович, давно собираюсь полазить по Крымским горам, — загорелся лейтенант. — Отпуск получу и отправлюсь. Уже и на турбазе договорился. Я ведь совсем еще не знаю Крыма. Говорят, в горах очень красиво?

— Сходи, увидишь... А танцевать... Танцевать не вредно, только этому занятию надо уделять ровно столько времени, сколько оно заслуживает, — с улыбкой закончил полковник уже перед дверями управления.

...Едва полковник Коркин сел за стол, как затрещал телефон.

— Да-да, — спокойно проговорил полковник в трубку. Но по мере того как он слушал, с лица его сходили улыбка и выражение добродушия. На лбу и у рта появились морщины, взгляд стал

напряженным, все лицо вдруг постарело.

— Все в том же квадрате? — переспросил полковник и нажал кнопку на столе.

— Попросите сюда майора Силантьева, — сказал он вошедшему дежурному.

— Майор Силантьев здесь, в приемной.

— Пусть войдет.

На пороге кабинета появился высокий худощавый офицер с папкой в руке.

— Только что доложили с радиоузла, что в квадрате «13а» пеленгатор вновь засек работу коротковолнового передатчика. Что вы на это скажете, Иван Ефимович? — спросил полковник после того, как майор, поздоровавшись, сел в кресло перед столом.

— Опять «Сыч»? Второй раз? На том же месте? — нахмурил брови Силантьев.

— Да, в той же самой точке, как и неделю назад, где ваша опергруппа не смогла тогда его обнаружить.

— Как я вам уже докладывал, в ту ночь мы тщательно обследовали весь район, но безрезультатно. Вторичные поиски днем также ничего не дали. В этом квадратном километре мы не обнаружили ничего похожего на след человека, хотя почва после дождя была мягкой. Не взяли следа и служебные собаки.

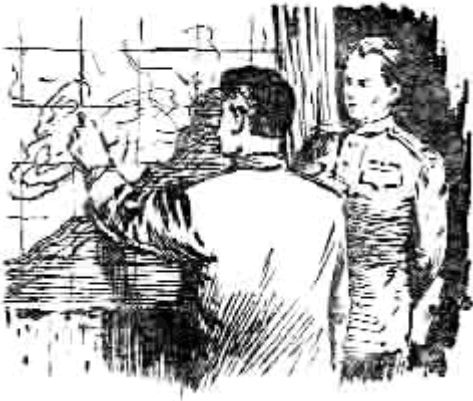
— Видать, опытный волк, — медленно проговорил полковник. — Местность, говорите, совершенно нехоженная? — спросил он, хотя сам знал этот район не хуже майора.

— Так точно! По рельефу типичное плато, кое-где отдельные камни, небольшие участки леса и кустарников.

Полковник встал из-за стола, подошел к стенке, завешенной белой шелковой шторой, и потянул за шнур. Раздвинувшись в стороны, шторы открыли огромную карту Крыма, разграфленную на множество больших и маленьких квадратов. На карте были обозначены не только леса и кустарники, но и каждая еле заметная складка местности и даже отдельные крупные камни.

Несколько минут полковник и майор молча смотрели на квадрат, помеченный буквой «а».

Оба они давно служили вместе, хорошо изучили друг друга, жили одними мыслями и интересами. Полковник Коркин знал, что по старой, выработанной годами привычке Силантьев, встретясь с трудной задачей, обдумает ее, последовательно развивая ход дела, потом тщательно взвесит все «за» и «против» и тогда уже выскажет свои соображения. Именно так майор поступил и теперь.

— То, что рация находится в этом квадрате, — бесспорно: пеленгатор ошибиться не мог, — произнес майор. — Но где человек? Это остается загадкой. Предположить, что он пользуется специальным приспособлением для передвижения или обрабатывает свои следы химикатами, невозможно: хоть какую-то вмятину на земле или царапину, а должен бы оставить. Мы не обнаружили даже этого. Кроме того, «Сыч» должен сообразить, что после первой же передачи его рации район будет взят под наблюдение. Второй раз заявиться сюда он не рискнул бы. Остается одно: «Сыч» по-видимому, пользуется для передачи коаксиальным кабелем [1] — Антенна находится где-то в этом районе, а передатчик — за несколько километров. Но мы не могли тогда обнаружить ни антенны, ни признаков кабеля.

— Да-а, этот «Сыч», видать, нашел себе хорошее дупло, — сказал полковник. — Он передал сегодня шифром те же два слова: «Жду брата». Опять та же загадка. Зачем ему нужен «брат»? Что они намереваются сделать?.. — полковник задумчиво постучал пальцами по карте, привычным движением оттянул ворот кителя. Затем перевел взгляд на Силантьева:

вернуться

1

Коаксиальный кабель — кабель со специальной многослойной изоляцией. С помощью этого кабеля можно передавать без потерь высокочастотные колебания на большие расстояния.

— Я, пожалуй, склонен согласиться с вашим выводом. Ведь кабель он мог проложить за месяц до передачи или еще раньше. Какие населенные пункты находятся вблизи этого квадрата?

— Ближе других — село Заветное. Там колхоз имени Ленина. По тропке всего три километра. Можно предполагать, что «Сыч» под видом переселенца обосновался в этом колхозе. Недавно туда прибыла новая группа переселенцев.

— Район нужно еще раз тщательно обследовать. Этим займетесь вы лично, приказал полковник. — Кроме того, в село Заветное пошлите опытного работника. Пожалуй, капитана Шарого. Но как его поселить незаметно, чтобы не спугнуть «Сыча» раньше времени, если он там окажется?

— Можно послать как агента по сбору цветного металла или каким-нибудь уполномоченным, можно послать от туристской станции.

— Вот это верно. Кстати, сегодня пошел на Заветное отряд пионеров из седьмой школы. Пусть

догоняет их и идет вместе с ними. А председателем колхоза там, в Заветном, моя хорошая знакомая, старая коммунистка Елизавета Петровна Фомина. Она его устроит и в людях поможет разобраться, — закончил полковник. — Ну, а как дело с «Кованым каблуком»?

— Я как раз шел на доклад к вам по этому вопросу, — поднялся майор, но полковник жестом разрешил ему сидеть.

— Вчера вечером школьники деревни Солнечная нашли под валуном у речки синий ватник, солдатскую шапку и парик — бороду и усы. Старший лейтенант Морозов утром выезжал туда и установил, что костюм принадлежит «Кованому каблуку», хоть за эти три месяца он порядочно попортился от сырости.

Коркин и Силантьев снова подошли к карте.

— Десант с самолета был выброшен здесь, — указал майор на гористый участок, далеко от квадрата, который они недавно рассматривали. — Здесь, в этом лесу, во время перестрелки был убит первый диверсант, в это ущелье свалился другой. Парашют со взрывчаткой был найден возле этой скалы, указывал майор. — Следы «Кованого каблука» идут в лесу вниз по склону, на север. Здесь он бежал по ручью, затем круто свернул влево и вышел на дорогу. Значит, услышал шум автомобиля. Тут он бежал наперерез машине — на кустах остались обрывки одежды. Он сумел быстро достичь шоссе и сесть в машину. Застава перехвата, очевидно, стала на эту дорогу позже. Дождь смыл следы машины. «Кованый каблук» проскочил до деревни Солнечная, — указал майор далеко на север, — здесь он и оставил свой маскарадный костюм.

— И на этом нить опять обрывается?

— К сожалению, да.

— Наша медлительность непростительна. Десант был выброшен в конце марта, а сейчас июнь на исходе. «Кованый каблук» уже три с лишним месяца на нашей земле, а мы не можем напасть на его след. Мы до сих пор так и не знаем, с какой целью были заброшены тогда к нам парашютисты, где они хотели применить взрывчатку.

В комнату вошел дежурный:

— Товарищ полковник, получен пакет от пограничников, — доложил он и подал запечатанный конверт.

Отпустив дежурного, полковник Коркин сел за стол, вскрыл конверт и прочел: «В 8 ч. 36 м. пограничный патруль обнаружил в бухте «Глубокая» в расщелине между скал, под водой, легкий водолазный скафандр и большой прорезиненный мешок. Нарушитель вышел на берег 6-8 часов тому назад. Следы ведут к железнодорожному полустанку Тихому. Начальник заставы капитан Заруткин».

— Не хватало еще этого подводного осьминога, — с сердцем проговорил полковник, подавая донесение майору. — Второе нарушение границы за такой короткий срок! Мне кажется, три задачи, стоящие перед нами, имеют один ответ. И «Кованый каблук», и этот неуловимый радист, и сегодняшней «водолаз» посланы сюда с одной целью... — Коркин минуту помолчал. — Вот что, Иван Ефимович, сейчас же поезжайте к Заруткину, разберитесь там совместно. Необходимо во что бы то ни стало задержать нового нарушителя. А об остальном мы здесь подумаем.

Капризный телефон

Село Богатое расположено на холмах, поросших кудрявым кустарником. Чем дальше на север, тем холмы все ниже, долины все просторнее, а самый горизонт отбит ровной, как под линейку, чертой: там начинается крымская степь.

На юг холмы постепенно переходят в горы, покрытые густым лесом, сочную зелень которого кое-где пререзают оранжевые скалы.

Утопающие в зелени домики прижались к склону холма. Сквозь виноградные лозы окна в цветных наличниках смотрят на большой пруд, сразу же за дорогой.

В небольшом домике сельсовета окна открыты настежь. За письменным столом дежурная — щуплая старушка с поднятыми на лоб очками. Она вяжет чулок и в такт движению узловатых пальцев, беззвучно шевеля губами, считает петли. Кругом тишина.

От резкого звонка телефона старушка испуганно вздрогнула.

— Але! Але! — схватила она трубку. — Да ты кричи сильнее! Артисты?.. Какие артисты? А-а, по горам ходят... Нету таких! — прошамкала старушка и обернулась на шум за окном. На шоссе, против окна, остановился автобус.

— Эй-эй, миленький! Погоди чуток. Вот тут какие-то приехали!..

Старушка положила на стол трубку и, подхватив клубок шерстяных ниток с недовязанным носком, высунулась в окно.

— Эй, миленькие, кто вы такие? — крикнула она ребятам, которые высыпали из автобуса.

— Вам что, бабушка? — отозвался Сбитнев.

— Вы, случаем, не те, что по горам лазят?

— Ну, туристы мы, а что?

— Во-во! Вас, видно, и спрашивают в телефоне. С базы какой-то звонят, старшего требуют.

Олег Шумейкин подбежал к Вере Алексеевне.

— Вас к телефону, Вера Алексеевна!

Учительница удивленно подняла брови:

— Сейчас иду.

Она осмотрелась вокруг и распорядилась:

— Вещи складывайте вот там, на лужайке у валуна!

— А искупаться можно? — спросил раскрасневшийся, потный Коркин.

— Искупаемся, ребята, позже, все вместе. Смотрите мне! — погрозила Вера Алексеевна и поднялась на крыльцо сельсовета.

Витя Сбитнев хмуро поглядел ей вслед и недовольно пробормотал:

— Подумаешь, «все вместе»...

— Что?.. — заглянул ему в лицо Шумейкин.

Но Сбитнев молча поднял с земли рюкзак и пошел к лобастому валуну, который врос в землю посередине большой зеленой поляны. Шумейкин догнал его.

— Видал? Ягодка совсем уже распарился, а что с ним в походе будет? Турист! — пренебрежительно засмеялся он.

Сбитнев бросил мешок на землю и уселся на камень. Вслед за ним к камню собрался весь отряд. Коркин снял с себя термосы, сумку, фотоаппарат и с облегчением смахнул рукавом пот со лба.

— Пойдем, Ягодка, окунемся! — прищурился Сбитнев, поднимаясь с валуна.

Коркин растерянно посмотрел на товарища.

— Может быть, позже, а? Все вместе?..

— Скажи — учительницы испугался, — криво усмехнулся Витя, — трусишка ты, я так и знал.

— Кого-чего? — растерялся Коркин. — Я... а я не против! Пойдем!

Он решительно шагнул за Сбитневым к пруду. Рядом с ними семенил Тузик.

Коркин и побаивался молчаливого, своевольного Сбитнева, самого сильного мальчика в классе, и, сам не зная почему, уважал Витю, искал его дружбы.

Из открытого окна сельсовета доносился громкий голос Веры Алексеевны.

— Хорошо! Хорошо! Понятно... Петр Иванович! Алло! Алло! Турбаза! Турбаза! Ну и связь у вас... Петр Иванович, где мы встретимся? У лесничества? Петр Иванович, имейте в виду: ждать не буду. Сами понимаете, у меня дети... А почему он должен идти с нами? Кто этот человек?.. Геолог?.. Алло! Алло!..

Вера Алексеевна несколько раз дунула в трубку, но ответа так и не дождалась.

— Что, опять не работает? — спросила старушка. — Беда с ним. То целую неделю ничего, а то вдруг заупрямится и день-деньской молчит. Ка-апризный телефон!

Присев на корточки, Сбитнев уже ополоснул лицо, когда сквозь кусты на берегу пруда продрался Коркин.

— Фу, жарко! — отдувался он: — А ты чего не раздеваешься?

— Учительница не разрешает, — ответил Витя, «разыгрывая» Коркина. Но Вася не заметил иронии.

— Ничего, давай! Мы быстро! — он потащил с себя рубашку.

— Купайся сам, если хочешь, а я не буду, — Витя замахнулся и низко над водой бросил плоский камень.

Пересчитав всплески, он закончил:

— Я совсем и не собирался купаться.

— А зачем тогда меня звал?

— Так, для моциона. Думаю, пусть проветрится парень, может, похудеет немного, — все тем же пренебрежительным тоном проговорил Сбитнев.

— Нехорошо обманывать, — обиделся Коркин, — нечестно; в седьмой класс перешел и в комсомол собираешься вступать.

— Ладно тебе, уже надулся, — примиряюще ответил Витя. — Пошли, сейчас строиться будут.

Ребята встретили мальчиков осуждающими взглядами.

— Зря вы, ребята, Вера Алексеевна ругаться будет, — сказала Галя.

— А тебе что? — встретился с ее глазами Сбитнев.

Девочка почему-то смутилась и опустила голову.

— Мы и не купались совсем, — заверил ребят Коркин. — Витя просто так...

— Рассказывай! — перебила его Оля. — Вон, у него даже волосы мокрые.

Шумейкин в сторонке под кустом уже сидел перед раскрытым рюкзаком и смачно жевал колбасу.

— Я, как звеньевой, за самовольный уход делаю тебе, Коркин, персональное замечание! — начальственно сказал он, делая вид, что не заметил Сбитнева.

— Ну и пускай, — спокойно ответил Коркин и пристроился на траве возле ребят. К нему подбежал весь мокрый Тузик, но, учуяв запах колбасы, кинулся к Шумейкину, заискивающе завилял хвостом и вдруг, встряхнув мокрой шерстью, обдал мальчика дождем брызг.

— Пошел вон, «друг человека»! — взвизгнул Олег.

Ребята рассмеялись.

— Ты на него не кричи, — серьезно проговорил Коркин, — у него от этого память пропадает.

— Подумаешь, память! У него и мозгов-то нет.

— Это ученый пес, он может всякие фокусы показывать, — невозмутимо продолжал Коркин.

— Нашел академика — фокусника!

— А что! Ну-ка, Тузик, покажи, как себя Шумейкин ведет. Кажу! Оп!

Тузик встал на задние лапы, задрал кверху влажный черный носик и важно повел из стороны в сторону головой. Ребята закатились смехом.

— Точно, Шумейкин-задавака! — сквозь смех выдавила Оля Пахомова.

Ободренный Коркин снова приказал Тузику:

— Теперь покажи, как Олег отвечает урок. Ну!

— О-о-у-у, — жалобно затянул Тузик.

Вместе со всеми хохотал и Сбитнев. Это особенно обидело Шумейкина.

— Я не позволю над собой насмеяться! — запальчиво крикнул он, потрясая рукой с куском колбасы.

Тузик примерился, подпрыгнул, ловко выхватил колбасу и скрылся за камнем. Багровый от злости, Шумейкин вскочил на ноги.

— Я тебе, Ягодка, это припомню! А пса твоего поганого все равно камнем пришибу!

— Тише, Вера Алексеевна идет! — прошипел Ваня Горелов.

Шум сразу прекратился.

Вера Алексеевна пробежала несколько шагов рядом с отъезжавшим автобусом, что-то крикнула шоферу и подошла к ребятам. Она строго посмотрела на Коркина, потом на Сбитнева.

«Видела», — насупился Сбитнев.

— Ну вот, ребята, отсюда мы начинаем поход. Разбирайте вещи, сейчас искупаемся — и в путь.

Зинка

Шли по шоссе. Возле родника, который бил из высокой глыбистой горы, остановились напиться и запастись водой.

Коркин набрал воды в термос и только поднес ко рту, как Шумейкин вырвал термос из его рук:

— Дай-ка сюда!

Олег побежал через дорогу, туда, где в тени дерева с группой ребят остановилась Вера Алексеевна.

— Водички хотите, Вера Алексеевна? — подал он ей термос Коркина. — Родниковая, для вас набрал!

И пока учительница пила, Шумейкин стоял рядом с видом скромного ученика.

— Спасибо, Олег...

Шумейкин угодливо улыбнулся, выплеснул остатки воды и вернулся к роднику.

— Эй, Ягодка, лови — швырнул он пустой термос Васе и, фальшиво насвистывая, отошел к Сбитневу.

Скрипя тормозами, на шоссе остановился большой желто-красный автобус, какие ходят по трассе на Южный берег Крыма. Несколько пассажиров с кружками в руках бросились к источнику. Последней из автобуса выскочила щупленькая девочка лет тринадцати в красном белым горошком платьице и с бутылкой в руках. На гладко причесанной головке две жиденькие льняные косички с голубыми бантиками торчали в разные стороны.

Опередив взрослых, девочка первая подбежала к источнику, но воды не набрала: увидев пионеров, она подпрыгнула, выронила из рук бутылку, бросилась к Сбитневу и с криком «Витя!» ткнулась носом и губами ему в щеку. Потом отскочила на два шага, замерла и радостно и удивленно заморгала круглыми голубыми глазами.

— Зинка! Чижик! Откуда ты взялась? — удивился в свою очередь Сбитнев.

Зинка тряхнула головой, рассмеялась так звонко, что присела, и скороговоркой затараторила:

— Вот так встреча! Я за семенами для школьного питомника ездила. А ты здорово подрос! Я уже перешла в шестой класс. Ты куда едешь? Может быть, к нам в Заветное? Вот бы хорошо! Я тоже домой.

Она положительно не могла стоять на месте: все подпрыгивала, будто ей пятки жгло. То хлопала в ладоши, то теребила косички, то поправляла короткое платьице. Руки ее не знали покоя, лицо беспрерывно меняло выражение.

Изумленные ребята молча смотрели на нее. А пассажиры автобуса, набравшие воду, добродушно улыбались. Они, видимо, уже успели познакомиться со своей бойкой попутчицей.

— Мы в туристский поход идем по горам. И в Заветном у вас тоже побываем, послезавтра придем. Я бабушке несу кое-что, мама передала, — ответил Сбитнев.

— Придешь? Вот красота! Я тебе питомник покажу, с Мишкой Тимирязевым познакомлю.

Знаешь, у бабушки ноги прибалывают, поэтому мне торопиться надо. Мы такой раннеспелый персик вывели — ахнешь! — снова застрекотала Зинка.

— Цокотуха, набирай быстрее, а то автобус уйдет, — с усмешкой проговорил высокий усатый пассажир, завинчивая свой термос.

— Как это уйдет? Вот еще! — Зина подхватила с земли бутылку и стала ополаскивать ее, а сама, повернув лицо к Сбитневу, продолжала:

— Мы вчера на море ходили купаться. Далеко очень, но зато наплавались, наныряться — всю ночь голова болела. Хотите, мы вас с музыкой встретим? У нас свой школьный оркестр. Митька на трубе играет — ахнешь! — Она набрала в бутылку воды, тряхнула мокрой рукой: — Ой, и холодна! Как у нас в ущельной речке, куда коза дяди Егора свалилась.

— Слушай, Зинка, — перебил ее Сбитнев и подошел к ней поближе, — ты знаешь, где там у вас пещера, которая стонет?

— А как же! Конечно, знаю. Только она далеко от деревни. И туда никто не ходит — страшно! Ее давно хотели камнями заложить, да все никак не замуруют.

На шоссе протяжно загудел автобус. Несколько голосов закричало: «Зина, Зинка!»

— Сейчас, сейчас, — отмахнулась она. — Поговорить не дадут, — и снова Сбитневу: — Я тебе покажу эту пещеру. Но чур в нее не ходить. Уговор? Позавчера она так стонала! так стонала!.. А вас, вот увидишь, оркестр будет встречать, — крикнула она и понеслась к автобусу, мелькая стоптанными подошвами сандалий.

Когда автобус проезжал мимо ребят, они увидели, что Зинка стоит между рядами кресел, жестикулирует и что-то быстро-быстро рассказывает. Пассажиры весело смеялись.

— Ну и девочка, прямо пулемет, — первым очнулся Коркин. — Кто это такая?

— Сестренка моя двоюродная, из Заветного, — ответил Сбитнев.

— Наговорила десять ведер за секунду, — съязвил Шумейкин, но Сбитнев так повел на него глазами, что он сразу осекся.

Встреча в лесу

Отряд свернул с шоссе и пошел по тропинке между кустарниками.

Какая-то птичка, прыгая с сучка на сучок, тоненько и протяжно прокричала: — Иду-у-ут, иду-у-ут! — и понеслась в лес предупреждать всех об опасности.

Первый привал сделали на лесной опушке.

Коркин с радостью сбросил тяжелый рюкзак.

— Ребята, кто хочет закусить, идите сюда. Мама мне столько надавала — еле тащу. Несколько человек, в том числе и Олег Шумейкин, уселись вокруг Васиного рюкзака, и вскоре его вес значительно убавился. Коркин, как гостеприимный хозяин, предлагал то одно, то другое. Хватило на всех и по стаканчику горячего какао из объемистого термоса. Когда угощение кончилось, Шумейкин забрался под густой куст орешника и с аппетитом поел еще из своего рюкзака.

Ребята разбрелись по поляне.

— Ой, девочки, сюда! Какой жучок! — закричала Маша Окунева. Возле нее сразу столпилось несколько человек.

— Подумаешь, жучок! Обыкновенная обжорка, — снисходительно проговорил Шумейкин.

— Что-то я названия такого не знаю — и не слышала, — неуверенно возразила Галя Пурыгина.

— Ты еще много чего не знаешь. Это страшный вредитель огородов, воодушевился Олег. — Обжорка заберется в кочан капусты, выест у него всю середку, отложив несколько сотен яичек и вылезает с другого бока. За день один жук может испортить десяток головок капусты, — вдохновенно говорил Олег пораженным слушателям. Они смотрели на Шумейкина с уважением. Но тут подошел Коркин, поглядел на Жука.

— Ох, и здоров же ты врать! Это красотел — полезный жук. Он уничтожает вредных гусениц. А ты что плетешь? Сам ты обжорка. — Ребята рассмеялись. Все знали, что Олег любит покушать, и слова Коркина попали в цель.

Через полчаса отряд построился. Вера Алексеевна проверила лямки рюкзаков, заставила Коркина переложить из обширных карманов в мешок все, кроме носового платка и очков.

...Длинной цепочкой петляли по кустарнику, шли узкой тропкой между высокими холмами. Здесь кончалась предгорная гряда, совсем недалеко маячили загадочные, таинственные горы.

Олег шагал рядом с учительницей в голове колонны. Сбитнева Вера Алексеевна поставила замыкающим — следить, чтобы никто не отстал.

Витя с интересом осматривался по сторонам и не заметил, как нагнал Олю, Галю и Ваню Горелова.

— А ты, Ваня, хотел бы быть путешественником? — услышал Сбитнев голос Оли Пахомовой.

— Хотел бы, — ответил мальчик.

— И я тоже, — мечтательно проговорила Галя Пурыгина. — Представляете, идешь, где ни один человек не проходил, первый все узнаешь, открываешь, как Пржевальский или Миклухо-Маклай. Здорово!

— Конечно, здорово. Только, знаешь, — посетовала Оля, — когда мы вырастем, то и путешествовать негде будет, на карте не останется белых пятен. Антарктику — и ту уже изучают. А недавно я читала, что один индеец забрался на вершину Эвереста. А это самая высокая гора на земном шаре!

— Ну и что из того, что земли все открыты, а что в них таится, это еще не всюду знают, — с воодушевлением заговорила всегда скромная, тихая Галя Пурыгина. — Помнишь, Вера Алексеевна рассказывала, как пионеры помогли геологам найти каменный уголь. Они ведь, как и мы, просто пошли в поход, чтобы узнать свой край, и сделали такое открытие! Может быть, у нас в Крымских горах еще не такие богатства есть. Их только разыскать нужно. Хорошо бы найти золото или алмазы, — вздохнула она.

— В Крыму ни алмазов, ни золота нет, — заметил Ваня. — Их в Сибири добывают.

— Ну, я это так, к примеру, говорю, что золото. Я лично золото не признаю. Мне что железка какая-нибудь, что золото. Ведь само оно счастья людям не приносит. А вот найти бы залежи атомной энергии — это было бы открытие, — вновь вздохнула Галя.

— Атомная энергия делается из урана.

— Ну, все равно, уран. Я читала, что атомной энергией можно переделывать климат. Ну, к примеру, в тундре будет климат, как у нас на юге. Там, где были только чахлый кустарник да мох, станут выращивать сады, виноградники.

— Погодой будут управлять, — перебил ее Ваня. — Представляете: вышел в поле агроном, видит, что пшеницу поливать надо — и тут атомная энергия. Взял и включил дождик на три часа. Потом взял и передвинул тучу с полей на огороды или сады... Тогда и на другие планеты запросто летать будут, добавил он неожиданно.

— Ты полетел бы на Марс? — спросила Оля.

— Конечно, полетел бы.

— И я тоже. Интересно узнать, какие там люди? На каком языке говорят, есть ли там пионерские лагеря?.. И вообще какая там жизнь.

Сбитнев молча шагал сзади. Разговор ребят об открытиях сразу перенес и его в мир мечтаний. Уже за много дней до похода он только и думал, что об открытиях. Перечитал о Крымских горах все брошюры, какие только нашлись в школьной библиотеке, брал даже геологию и очень удивился, когда узнал, что на земле так много разных минералов.

«Неужели изо всего этого богатства не удастся ничего найти?» — Он огляделся по сторонам. Но кругом были обычные скучные холмы, покрытые густой травой и кустарником. Даже простых камней не видно, какие уж тут ископаемые!

«Счастливые, — с завистью подумал он о пионерах, которые нашли уголь. — А наши горы наверняка уже все изучены»... — и вдруг — он даже остановился на секунду — его осенила блестящая мысль: «Стонущая пещера! Вот где надо искать! Мать называет пещеру опасным местом, Зинка говорит, что люди в нее не ходят. Конечно, в этой пещере что-нибудь да есть».

Сбитнев попытался припомнить из книг, какие ископаемые находили люди в пещерах, но вспоминались только клады и сокровища, зарытые пиратами и разбойниками.

«На первый раз не мешало бы найти хоть клад», — подумал он и назвал себя растяпой за то, что ни разу не спросил в библиотеке книгу о пещерах.

— Ваня, а какой он, уран? — снова услышал Сбитнев голос Гали Пурыгиной.

— Ну, как тебе сказать, это руда такая. Понимаешь? Конечно, раз руда, то она, наверно, такая... В общем металлическая, — неуверенно ответил Ваня.

— Это я затем спрашиваю, что, может быть, нам попадет в горах уран, а какого он цвета, как его отличить?

— Точно я не знаю, — честно признался мальчик. — Давай спросим у Васи Коркина, он все знает. Его отец энциклопедию даже выписывает. Я видел, как Вася читал ее.

«Нашли авторитет», — усмехнулся Сбитнев и подогнал ребят:

— Эй, открыватели, поторапливайтесь, а то отстанете и в трех кустах заплутаетесь!

Тропа сворачивала в густой лес и выводила на дорогу. Ветви деревьев, смыкаясь кронами, образовали здесь своеобразный туннель. Воздух был влажный и прохладный.

Некоторое время шли дорогой, по которой из лесу вывозились дрова. Разбитые колесами машин колеи засохли после дождей твердыми гривками.

Вера Алексеевна шла впереди отряда, часто оглядывалась, наблюдая за пионерами. Иногда она останавливалась и пропускала мимо себя всю группу, внимательно осматривая каждого. Вместе с ней с важным видом останавливался и Олег Шумейкин.

Вскоре дорога свернула вправо, и отряд снова пошел по узкой тропке.

Через некоторое время вышли на большую поляну.

— Сейчас, ребята, увидим интересные каменные столбы и висячие камни, — сказала Вера Алексеевна.

Отряд обогнул пышно разросшийся куст кизила и пошел вдоль ручья, журчащего далеко внизу на дне оврага.

— К берегу близко не подходите — может обвалиться, — предупредила учительница.

Ручей прорыл себе в рыхлой почве глубокое русло. Отвесные берега трехметровой высоты были из песка и гальки. От малейшего сотрясения они шумно осыпались.

На самой кромке берега ребята увидели два больших каменных столба, похожих на снежных баб, каких лепят дети зимой. Камни имели «голова», круглые и массивные. У одного «голова» была открыта. У другого на макушке красовался островерхий каменный колпак.

Дальше по берегу ручья стоял огромный валун. Галька по бокам его осыпалась, и, наполовину оголенный, он навис над оврагом. На его верхушке чудом держался громадный треугольный камень. Он опирался на валун лишь небольшой, с ладонь, частью, а весь был на воздухе, накренился к ручью и, казалось, вот-вот с грохотом полетит вниз.

— Вера Алексеевна, а этот камень кто сюда положил? — удивился Ваня Горелов.

— Никто. Это тоже дело рук природы. Туристы называют такие камни висячими. Когда-то верхний камень лежал в грунте. Постепенно ветер и дождь разрушили мягкую почву под ним, и он оказался вот в таком положении. Видите, как ручей постоянно расширяет свое русло — берега осыпаются. Когда-нибудь и этот камень свалится вниз вместе со своей основой.

— Почему же камень не скатывается в овраг? — спросила потихоньку Оля у Вани Горелова.

— Они, наверное, уже приросли друг к другу, — предположил Ваня.

Ребята с интересом осмотрели странное сооружение природы и вернулись к каменным бабам. Только Сбитнев остался у висячего камня. Он внимательно обследовал место, где камень опирался на валун, потом навалился на него. Камень чуть качнулся. «Столкнуть его, вот бы загремел!» — мелькнула озорная мысль. Сбитнев стал раскачивать камень.

Остальные ребята толпились около каменных столбов, ощупывали их шершавую поверхность. Вася Коркин возился с фотоаппаратом, собираясь сфотографировать эту сцену для отрядного альбома. Вдруг раздался грохот, и все увидели, что висячий камень исчез. Снизу, от ручья поднималось рыжеватое облако пыли. Ребята с криком бросились к месту обвала. Заглянув вниз, они, к своему ужасу, разглядели Сбитнева, который, сопя и встряхиваясь, выбирался из-под щебня.

— Сбитнев упал!

— Разбился!

— Витю засыпало! — раздались голоса.

Кусты на противоположном берегу неожиданно раздвинулись, и к ручью прыгнул коренастый человек с большим мешком за плечами.

Сбитнев в это время выпрямился и поднял глаза вверх. На краю обрыва стояла Вера Алексеевна. Лицо ее было бледно. Она глядела на мальчика большими испуганными глазами.

Сбитнев покраснел, отвернулся и вздрогнул: сзади к нему подходил скуластый, рябоватый мужчина.

— Ушибся? — тревожно спросил рябой.

— Нет, ничего. Я на ноги упал, — пробормотал Витя, с удивлением разглядывая незнакомца.

— Что ж ты так неосторожно, — нахмурил тот клочкастые брови, поднял фуражку Сбитнева, отряхнул ее о колени и нахлобучил Вите на голову.

— Ну и растяпа ты, парень.

Сбитнев хотел ответить дерзостью, но промолчал, только сердито глянул на пышный, как у молодого парня, чуб незнакомца, выбивавшийся набок из-под клетчатой кепки.

Мужчина, видимо, разгадал Витины намерения, но, вместо того чтобы рассердиться, заговорщически подмигнул. У Сбитнева мгновенно пропала всякая неприязнь к нему.

— Ну, ладно, идем уж! — сказал незнакомец. — Попадет тебе от инструктора!

— Это не инструктор, а учительница. Вера Алексеевна.

Они пошли по дну оврага. Саднило ушибленное колено, но Сбитнев старался не подавать виду, что ему больно. Пройдя несколько метров, взобрались по висячим корням дерева наверх.

— Принимайте парашютиста, Вера Алексеевна, — весело улыбаясь, сказал незнакомец и положил Сбитневу на плечо руку. Но Витя недовольно убрал плечо.

— Спасибо вам, — ответила учительница.

— Вы, Вера Алексеевна, поостороже с ними. Такими вещами не шутят! — участливо и серьезно проговорил незнакомец.

Вера Алексеевна осмотрела Сбитнева с ног до головы.

— Каким образом ты оказался в овраге?

— Валун поехал вниз, я не успел отскочить, — пробурчал Витя.

Вокруг пострадавшего столпились ребята. К Сбитневу пробивалась Оля Пахомова с раскрытой походной аптечкой в руках. Галя Пурыгина, прячась за спины товарищей, смотрела на Витю одновременно и радостными и тревожными глазами.

— Я предупреждала, чтобы никто не подходил близко к оврагу. Ты почему меня не послушал?

Витя молчал, исподлобья поглядывая на учительницу.

— Определенно он нарочно столкнул камень, — сказал возмущенно Коркин.

Вера Алексеевна построила отряд и перед строем объявила Сбитневу выговор за нарушение дисциплины в походе.

— Да, в наших местах осторожность необходима, — сказал незнакомец, когда разошлись ребята. — Горы имеют свои законы. Их надо знать.

— Вы геолог? — спросила учительница, оглядев объемистый мешок и плоскую кожаную сумку, лежавшую у ног незнакомца.

— Да, геолог. Матвеев Иван Иванович, — представился тот. — А за этого орла не беспокойтесь. Парень отделался легким испугом... Видать, попутчиками будем, — перешел Матвеев на другое. — Я человек компанейский, а работать приходится все больше в одиночку, — сощурил он в улыбке глаза под мохнатыми бровями.

— Вера Алексеевна, фотографироваться с нами, — позвал Коркин.

— Садитесь здесь, в центре, Вера Алексеевна, — засуетился Шумейкин и сам уселся рядом с учительницей.

— Сбитнев, а ты почему не с нами? — обернулась учительница к Вите, стоявшему в стороне. — Становись-ка.

Сбитнев, кусая стебель какой-то травинки, нахмурился, но все же подошел и встал с краю.

— А вы что же? Идите тоже к нам, — позвала Оля Пахомова геолога.

— Нет уж, увольте. Я еще не дорос до пионерского возраста, — засмеялся Иван Иванович. — Лучше я вас сфотографирую. Ну-ка, говори, какую дать выдержку? — подошел он к Коркину.

Вася с радостью отдал аппарат геологу и сел у ног Сбитнева. Рядом с ним устроился Тузик.

Матвеев осмотрел группу:

— Э-э, так не годится! Что за постные лица? А ну, всем улыбаться под мою команду! Раз, два, три! — он нажал кнопку. — Вот это другое дело. Готово! Посылай снимок в пионерский журнал — обязательно напечатают, — передал он аппарат Коркину и, взглянув на Витю, опять чуть заметно подмигнул ему.

Снова двинулись по еле приметной дорожке. Сбитнев опять шел последним, рядом с Матвеевым.

— Я сразу догадался, что вы геолог. Я тоже очень люблю геологию. Хочу образцы набрать для школьной коллекции.

— Очень хорошо. Чем смогу — помогу, — пообещал Матвеев, — у вас маршрут какой?

— Через перевал, — до села Заветного, а потом машиной дальше. Пещеры осматривать.

Геолог прищурился, что-то обдумывая. Потом встрепенулся:

— Так-так... Ну, что ж, пойдем вперед. Что-то там народ сучает.

Сбитнев видел, как Галя Пурыгина украдкой поглядывала на него. Ей, видимо, хотелось подождать его, сказать что-то, но она не решалась. Наконец, она толкнула соседа — Коркина. Вася оглянулся и пошел навстречу Вите:

— Ты чего прихрамываешь? Ушиб ногу? Давай сюда рюкзак — понесу.

— Без тебя, Ягодка, обойдутся. Со своим мешком справляйся, — грубо отрезал Сбитнев. Ему было досадно, что какой-то «маменькин сынок» жалеет его. Однако на душе стало легче.

Вскоре Вера Алексеевна остановилась. Пропустив ребят, она дождалась Сбитнева и пошла рядом с ним.

«Сейчас опять будет читать нотации», — нахмурился Витя, но учительница очень миролюбиво и даже участливо сказала.

— Счастье, что камень впереди тебя покотился. А могло бы случиться гораздо хуже. — И

добавила с сожалением: — Эх, досадно: не увидят теперь туристы всячий камень. Такие сооружения природы Довольно редко встречаются.

Сбитнев покраснел до кончиков ушей. Он вспомнил, с каким любопытством осматривал сам эти камни. Вот так же интересовался ими и каждый другой турист. А теперь люди будут равнодушно проходить мимо этого места. Он Сбитнев — обокрал их, отнял у них минуты радостного удивления. И все это из-за желания испытать свою силу и увидеть, как будет падать камень. Сбитнев виновато покосился на учительницу, но Вера Алексеевна, кажется, не замечала его настроения. Она посмотрела на часы:

— Скоро будет лесничество. Там устроим большой привал и обед.

Домик лесника

Небольшой белый домик лесника прижимался к могучему ореховому дереву и поэтому казался издали совсем маленьким, игрушечным.

Возле сарая, за домом, темнела куча нарубленных дров, еще дальше зеленел сад, за которым сплошной стеной теснились огромные деревья. Они уходили вверх по склону горы.

На порог домика вышла невысокая полная женщина с румяным лицом. Вся она была какая-то круглая, налитая. Темные, с глянцем волосы ее были зачесаны назад и скручены на затылке в плотный узел. На женщине был синий фартук в искорку. Руки ее были выпачканы мукой.

— Вот и гости к нам, а то уже целую неделю никого не было, — радостно произнесла она певучим голосом, щуря живые, черные и блестящие, как антрацит, глаза. Вытирая о фартук руки, она легко сбежала со ступенек навстречу отряду.

— Незваные гости всегда некстати, — пошутил Матвеев. — Стряпать помешали?

— Нет, что вы, я всегда гостям рада. Здравствуйте, Верочка, — пропела женщина учительнице и повернулась к ребятам. — Ох, миленькие мои, устали-то, небось, намаялись... Идите сюда, в холодочек, под орешник, снимайте мешки, отдыхайте, — говорила она, обнимая то одного, то другого.

Она как-то сразу все замечала: кому лямки жмут, кто дышит тяжело, кому натерло ногу, и для каждого находила совет и ласковое слово. От нее веяло чем-то добрым, домашним, материнским.

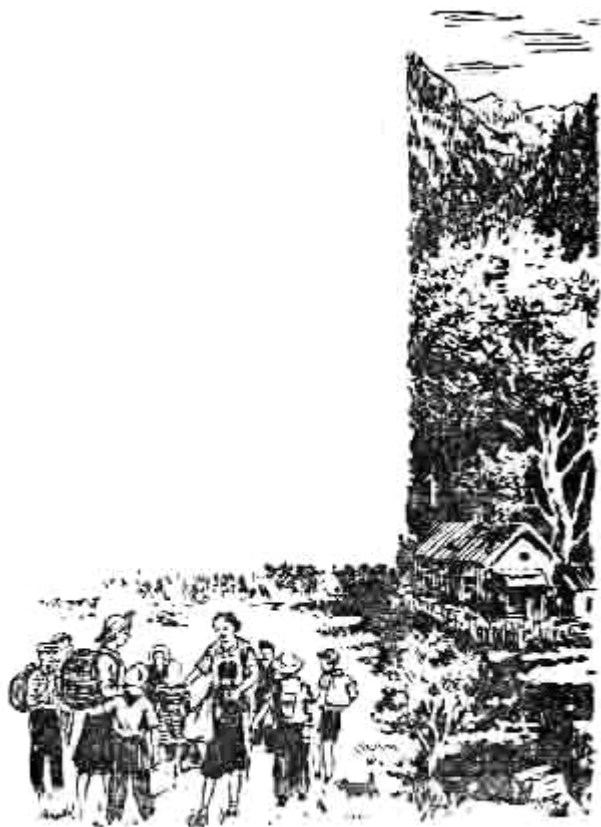
— Мы, тетенька, не устали. Мы всего только семь километров прошли, — сказал Вася Коркин.

— Вот-вот — семь километров — как не устать! Ишь, как вспотел! Давай-ка мешок помогу снять. А вы сбрасывайте рубашонки, разувайтесь, солнце-то вон как поднялось, — ласкала она лучистыми глазами ребят. Потом куда-то исчезла и через минуту появилась из-за дома с эмалированным ведром, которое больше чем до половины было наполнено молоком.

— А ну-ка холодненького молочка с погребочка, выпейте с дороги, небось, пить хочется? Коровка у нас, слава богу, хорошая, по девятнадцать литров в день дает. А куда нам его двоим с Егор Егорычем? А вы пейте, пейте, кружечки-то у вас есть? — заботливо говорила она и без всякого перехода закончила: — А меня зовите тетей Глашей.

Тетя Глаша радостно суетилась и угощала ребят как хлебосольная хозяйка и соскучившийся по людям человек.

Вера Алексеевна сняла рюкзак, проверила глазами все ли ребята собрались, назначила троих готовить обед. К ней подошел Матвеев.

— Вы надолго здесь задержитесь? — спросил он.

— Часа на два-три. Пообедаем, отдохнем, а потом пойдем через каньон к голубому озеру.

— Ну, а я пока по склону горы поброжу. Такая уж наша работа: ходить да искать. Я вас догоню.

Через час тетя Глаша вместе с выделенными дежурными приготовила на плите, сложенной во дворе, сытный обед: лапшу и гречневую кашу с мясными консервами. Обед на воздухе ребятам показался особенно вкусным.

Когда были помыты все ложки и котелки, тетя Глаша вынесла из дома бутылку молока с красной соской на горлышке.

— А ну, кто будет кормить Сиротку? — она смеющимся взглядом окинула примолкших ребят.

— Пойдемте со мной!

За домом был огород с изгородью из жердей. За огородом ребята увидели небольшую зеленую полянку, обнесенную плетнем. Поляна была пуста. Только невысокий куст посредине слабо шевелился, по-видимому, от ветра.

— Сиро-отка, Сиро-отка-а! — ласково растягивая слова, позвала тетя Глаша, открыв калитку из прутьев.

Из-под куста выскочило маленькое, похожее на крошечного теленка, животное со светлыми пятнами на боках. Оно было ростом чуть побольше кошки, но на необыкновенно высоких и очень тонких ножках. Увидев в руках тети Глаши бутылку, животное доверчиво подбежало и

потянулось точеной мордочкой к соске.

— Какой красивенький! — ахнула Оля.

— Кто же это такой?!

— А ножки-то какие тонкие, как прутики.

— Как они не поломаются?!

— А почему у него нет хвоста? — вразнобой загалдели изумленные ребята.

— Это косуленок, — ответила тетя Глаша, — десятый день у нас живет, уже привык и кличку свою знает. Егор Егорыч нашел в лесу, наверное от матери отстал. Вот подрастет здесь, научится сам все кушать, мы его снова в лес отпустим. У нас уже две косули воспитывались и один олененок. Одна косуля, Милочка, почти целый год жила, очень к нам привыкла. Мы ее отпустили уже в лес, а она, как обед — бежит за угощением, и часто ночевать оставалась на этой поляночке. Большая уже была, а нас не забывала. Только вот этим летом не стала приходить. Егор Егорыч недавно видел ее в лесу.

— А как же он ее узнал?

— Узнал, узнал. Егор Егорыч разбирается. Говорит: «Поднял я с лежки косулю. Она бежать. Я ее сразу узнал — кричу: «Милочка, Милочка!» Остановилась, глядит на меня, а не подходит. Смотрю, а с ней два косуленка. Ну, я уж не стал их больше тревожить».

— А давно ли Милочка сама была дитя-дитем. Вот так же к соске тянулась, — закончила тетя Глаша.

Ребята сгрудились у ограды, отнимали друг у Друга бутылку. Каждый хотел покормить Сиротку из своих рук.

Сиротка деловито сосала соску, смотрела на ребят крупными, удивительно красивыми глазами и, как бы прислушиваясь к разговору, шевелила большими стоячими ушами. Иногда косуля переставала сосать, грациозно, как балерина, переступала ножками, поворачивала голову, осматривая ребят. Мелкая атласная шерстка на ее длинной шее отливала золотом.

Откуда-то из-под ног у ребят вывернулся Тузик. Ребята испугались, что он укусит косулю или напугает ее лаем. Но Сиротка доверчиво потянулась к собачонке мордочкой, принюхиваясь, потом вновь принялась за молоко. Тузик, шевеля черными ноздрями, обнюхал Сиротку со всех сторон и спокойно лег возле нее, положив на вытянутые лапы косматую голову.

Ребята дотрагивались до ушей Сиротки, гладили вздрагивающую спинку. Сиротка не убежала.

Пока ребята были заняты косуленком, Шумейкин незаметно прошел вдоль ограды к саду и, оглядевшись, перелез через невысокий забор. Черешня низко опустила пышные ветви, отяжеленные крупными, сочными, еще не совсем вызревшими плодами. Олег встал на камень и стал поспешно обрывать черешни. Пряча ягоды за пазуху и в карманы, он прислушивался и поминутно косился в ту сторону, откуда доносился гомон ребят.

— Ну как живете, тетя Глаша? — спросила учительница лесничиху, которая, оставив ребят с Сироткой, вернулась к дому.

— Скучно. Как дочка уехала в город, пусто стало в доме. На той неделе были лесорубы из «Большевика», заходили охотники — вот и все. Егор Егорыч день-деньской на ногах, делом своим занят в лесу, так что, сами посудите, не с кем словом перекинуться.

Она минуту помолчала.

— Я уже и привыкла здесь за семнадцать лет, а вот как дочка уехала, тяжело стало. Приемник у нас, все новости слышу, и музыка есть, а по людям скучаю, особенно вот по таким, — кивнула она головой на ребят, все еще толпившихся возле Сиротки.

Через два часа отряд снова двинулся в путь.

Тетя Глаша далеко проводила ребят. Одному поправляла мешок, другому советовала, как надо ходить в горах, и все говорила, говорила. Потом простилась и пошла к сторожке, то и дело оглядываясь на шумную компанию.

Лес становился все гуще. Тропа исчезла, и отряд пошел без дороги. Теперь по обеим сторонам поднимались высоченные буковые деревья. Их кроны были так густы, что внизу было полутемно и прохладно. Лишь кое-где сквозь зеленую толщу пробивались, словно пучки света от карманных фонариков, тонкие солнечные лучи. Вверху слабо шумели листья, а на земле было совсем тихо.

Идти становилось все труднее. Под ногами пружинил толстый слой лежалой листвы, от нее тянуло сыростью и прелью. То и дело попадались целые залежи сушняка; их приходилось обходить стороной. Иногда сучья под неосторожной ногой ломались с громким, похожим на выстрел, треском.

Ребятам казалось, что здесь никогда не ходили люди. Вековой дикий лес пугал своей тишиной. Но впереди спокойно и уверенно шла Вера Алексеевна, обходя буреломы, выбирая более легкий путь.

Местами между деревьев вздымались серые известняки, изрезанные глубокими, косыми трещинами. Кое-где камни громоздились огромными кучами. Голые, покрытые лишь редкими клочьями черного мха, они напоминали окаменевших животных.

Подъем становился все круче. Теперь остановки приходилось делать через каждые пятьсот-шестьсот метров.

На одном из привалов ребята попросили Веру Алексеевну рассказать о том, как попали в лес камни.

— Это, ребята, сложный геологический процесс, — сказала Вера Алексеевна, и лицо ее сразу оживилось, как всегда, когда ей случалось рассказывать о природе. Глаза заблестели, на смуглых щеках появился румянец.

Из рассказа учительницы ребята узнали, что Крым когда-то был морским дном, а Крымские горы за миллионы лет выросли под водой из раковин моллюсков и оседавшей извести.

— А в этих горах нет никаких полезных ископаемых? — спросила Оля Пахомова.

— Почему же? Тут есть мрамор, исландский шпат, много хорошего строительного материала: инкерманский камень, ракушечник, глина, пески... Известняк, например, применяется для плавки чугуна.

— А руды нет?

— Железная руда добывается на Керченском полуострове, а здесь, в горах, таких руд вы не найдете.

Оля вздохнула и посмотрела на Ваню и Галю разочарованно, как бы говоря: «А мы мечтали...»

Сбитнев перехватил ее взгляд и улыбнулся, но и самому Вите стало вдруг грустно.

...Вскоре лес стал редеть. Отряд вышел на тропу. Она огибала дикие нагромождения сероватых камней, кустарник, росший отдельными гнездами. Тут и там ребята видели глубокие овраги с крутыми берегами, заросшими ползучими растениями и редкими дубами.

Отряд спустился вниз и продолжал свой путь по дну одного из таких оврагов. Вымытое дождями каменное дно было твердое, и идти здесь было легко. Через несколько минут овраг кончился. Вышли на небольшую зеленую поляну и сразу свернули в узкую щель, прорезавшую массив горы.

Помогая друг другу спускаться с камня на камень, добрались до ручья на дне щели и пошли вдоль него. Слева и справа в нескольких метрах друг от друга уходили высоко вверх неровные стены расщелины. Чем выше, тем просвет между ними становился уже. И где-то там, высоко-высоко, голубела полоска неба.

Отряд остановился.

Ребята, запрокинув головы, с восхищением осматривали нависшие над ними громады скал. Кое-кого даже пугала эта страшная глубина.

«А что если стены сомкнутся?» — мелькнуло не у одного в голове. Казалось, это ловушка и хотелось бежать отсюда скорее, пока она не захлопнулась. Ребята даже переговаривались шепотом.

Сбитнев, вскарабкавшись на большой камень, возбужденно осматривал стены расщелины и, наконец, увидел вверху темное отверстие пещеры.

— Эх, вот бы забраться туда! — прошептал он.

Оля Пахомова, словно разделяя чувства Сбитнева, вдруг задорно крикнула:

— Э-э-э-гей!

Узкий каменный коридор тотчас же откликнулся звонким многократным эхом. Тузик тьякнул на этот чужой голос, и эхо повторило его лай.

Тузик загавкал громко и яростно.

— Тю, дурной, на себя лаешь, — прикрикнул Коркин на собачонку. Ребята рассмеялись. Сразу пропали робость и оцепенение. Каждый нашел себе дело. Коркин раскрыл фотоаппарат, группа ребят вместе с учительницей осматривала известняковые стены гигантской расщелины.

Сбитнев снова впился глазами в пещеру. «Интересно, бывал там кто-нибудь? — думал он. — И кто ее выдолбил? Может быть, первобытные люди? А может выкопало какое-нибудь доисторическое животное...»

Только Шумейкина не трогали красоты природы. Он украдкой ел черешню и что-то сосредоточенно обдумывал. Выплюнув косточку, Олег подошел к Сбитневу:

— Хочешь? Только тебе. Первый сорт! — предложил он Вите горсть черешни. И когда Сбитнев взял, добавил:

— А ты зря с Ягодкой купаться ходил. Вот увидишь, он все равно учительнице наябедничает. Он же как девчонка. Вон, посмотри!

Вася, окруженный тремя девочками, рассматривал в лупу какое-то растение.

— Какая красивая травка! — заглянула через плечо Коркина Оля Пахомова.

— Не травка, а «Капиллус Венерис», или, по-русски, «Волос Венеры», — авторитетно поправил ее Коркин. — Очень редкий экземпляр. Только у нас в Крыму встречается. Из семейства папоротниковых.

— А может, из семейства ягодковых? — захихикал Шумейкин. Забыв осторожность, он картинно опустил в рот за стемпельки две черешни.

Коркин с недоумением заморгал, чуть было не произнес свое «кого-чего», потом заметил в руках Сбитнева и Шумейкина черешни.

— У лесника наворовали? У тети Глаши?

Шумейкин быстро нашелся:

— У тети Глаши... И выдумает такое! — он взглянул на Сбитнева, глаза его забежали, он коротко рассмеялся:

— У меня полный мешок этого добра! Думаешь, только тебе мать всякой всячины в дорогу надавала?.. Эх, ты, Ягодка! Лучше за собой посматривай.

К ребятам подошла учительница.

— Вера Алексеевна, а в ту пещеру кто-нибудь лазил? — показал Сбитнев наверх.

— Да, там бывают туристы. Я сама на веревке сверху спускалась в нее. Там два небольших зала.

Сбитнев еще раз взглянул по стене вверх, мысленно измерил расстояние от края каньона до пещеры и впервые с уважением посмотрел на учительницу.

Вера Алексеевна поднялась с камня.

— Ну, ребята, пошли на выход!

Пока шли вдоль ручейка, Сбитнев для школьной коллекции отбил несколько кусочков известняка от стен каньона. Перепрыгивая с камня на камень, он догнал отряд. На повороте его дожидался Шумейкин.

— Видел, как давеча Ягодка окрысился? Я же говорил тебе, что это фрукт! Помнишь, ты случайно в классе окно разбил. Ну, футбольным мячом? Это он тогда директору школы донес! Точно! Прочитать бы его!

— Да никто не доносил. Я сам пошел и сказал, — недовольно возразил Сбитнев. — И охота тебе все про Ваську бубнить...

Отряд задержался у большого камня, загородившего выход из каньона.

Вера Алексеевна первая поднялась на камень, с ее помощью взобрались несколько ребят и стали помогать остальным.

Вера Алексеевна втащила на камень Шумейкина и протянула руку Сбитневу.

— Не надо, я сам, — сказал Сбитнев. Он цепко схватился за плоский край камня, подтянулся и, найдя опору для ноги, легко поднялся на камень.

Коркин, наблюдавший за ним, передал Тузика Гале Пурыгиной и попытался проделать то же. Кряхтя, он чуть-чуть подтянулся на руках, но тут же сорвался.

— Давай уж руку, спортсмен! — небрежно сказал Сбитнев.

— Постой, я еще раз попробую.

Сбитнев с улыбкой наблюдал, как Коркин неуклюже карабкался вверх, и, видя, что у него ничего не получается, вытащил его за руку.

— Жидковат ты, Коркин. Тренироваться надо?

— Мешок тяжелый — мешает. А без него — я запросто.

— Мешок? Сам ты как мешок с опилками, — косясь на учительницу, наклонился Сбитнев к уху Коркина.

Видя, что Коркин не на шутку расстроился. Вера Алексеевна решила утешить его:

— Ничего, Вася. Я в первом походе тоже такой была. Некоторые куда сильнее выглядели, а настоящих туристов из них так и не вышло.

— Значит, желанья не было, — строптиво сказал Сбитнев.

— Возможно, желанья, а может быть, кое-чего другого, — возразила учительница и объявила:

— Сейчас привал на пятнадцать минут, а потом к голубому озеру.

Голубое озеро

Снова отряд шагает лесом. Под ногами шуршит прошлогодняя листва; сквозь нее кое-где пробиваются редкие травинки с тонкими, бледными стеблями. На земле мигают солнечные зайчики; если долго смотреть на них, начинает казаться, что земля колыхнется под ногами, как палуба большого корабля.

Матвеев, который догнал отряд сразу же после выхода из каньона, шел впереди, шутил, посмеивался. Ребята совсем освоились с геологом.

Лес становился все гуще. Справа и слева стали подниматься лесистые склоны гор. Отряд проходил ущельем, которое тянулось поперек горного массива.

Вера Алексеевна отступила на обочину тропки и, как она это часто делала, пропустила мимо себя всех ребят.

— Не растягивайтесь, не растягивайтесь, — подгоняла она последних, — а ты, Витя, посматривай, чтобы никто не отходил далеко.

Вскоре вышли на большую поляну, где стоял старый шалаш. Десятка полтора полусгнивших жердей были составлены конусом. Несколько куч таких жердей белели, как кости, в густой, буйно разросшейся траве. От всего веяло запустением.

— Здесь была одна из стоянок партизан, — сказала Вера Алексеевна, когда отряд собрался на поляне.

Ребята разошлись, внимательно осматривая все вокруг. Каждый втайне надеялся найти хоть какой-нибудь предмет сурового партизанского обихода.

— Ребята, сюда! — позвал Ваня Горелов.

Все бросились к нему. Ваня стоял возле толстого, обросшего косматым зеленым мохом дуба, по локоть запустив руку в дупло.

— Что там? Что ты нашел? — раздались возбужденные голоса.

Ваня выбрасывал из дупла сухие, слежавшиеся листья, потом зашуршал чем-то и вынул полную горсть орехов.

— Я думал, наган или гранаты, а это партизанский склад орехов. Ох, и много.

— Это белка запасла в прошлом году на зиму, да, видно, забыла про них, уверенно, со знанием дела сказал Коркин.

Ребята безобидно посмеялись над разочарованным Ваней и с удовольствием воспользовались запасами рассеянной хозяйки-белочки.

...Часа через два отряд подошел к небольшому овальному озеру, лежавшему в ущелье между горами.

Под плоским утесом, почти у самого берега озера, стояли четыре шалаша, позванивая на ветру пересохшими листьями.

— Вот здесь и заночуем, — сказала Вера Алексеевна.

Ребята, облегченно отдуваясь, сбрасывали с плеч мешки, суетились около шалашей и нетерпеливо поглядывали на озеро.

Матвеев снял свой объемистый рюкзак и с трудом подвесил его высоко на толстый обломанный сук дикой груши, стоявшей в стороне.

— А мешок у вас, видно, потяжелее наших, — посочувствовала геологу Вера Алексеевна.

— Соразмерно комплекции; да и не на прогулку вышел, — отшутился Матвеев и, вздохнув, добавил:

— Такая уж наша работенка.

В лагере закипела работа: пионеры таскали свежие ветви, заново перекрывали шалаша, делали настилы внутри них, чтобы мягче было спать.

Прошло немного времени, и бивуак был готов. Разморенные жарой, ребята с удовольствием искупались в озере.

Солнце стояло еще высоко. Пионеры разбрелись по кустарнику вокруг озера. Коркин, Шумейкин и Сбитнев вырезали себе ореховые удилица и привязали к ним лески с крючками. На них с завистью поглядывал Ваня Горелов: у него не было снасти.

Вера Алексеевна осматривала шалаша. К ней подошел Матвеев с молотком в руке:

— Разбрелась малышня собирать мошек-букашек. Пойду и я разомнусь немного. Тут недалеко одна осыпь есть. Давно собираюсь: может, попадетя что интересное.

— К ужину не опаздывайте, — сказала Вера Алексеевна.

— Я быстро вернусь, за часок управлюсь.

Сбитнев, услышав этот разговор, бросил удочку и подошел к учительнице.

— Вера Алексеевна, можно и мне пойти? Я бы для школьной коллекции тоже набрал образцов.

— Я не возражаю, вот не знаю, как Иван Иванович, — сказала учительница.

Матвеев нахмурился.

— И охота тебе ноги бить? Удил бы рыбу, отдыхал. И так столько протопали пешком.

— Я совсем не устал. Честное слово.

— Ну, как хочешь. Мне все равно, — не очень любезно согласился Матвеев и направился в лес.

— Ванюшка, бери мою удочку, рыбачь, пока я вернусь, — сказал Сбитнев просиявшему Ване Горелову и заспешил вслед за Матвеевым.

Вера Алексеевна, обходя густые кусты, пошла по направлению звонких ребячьих голосов, доносившихся из зарослей.

Шумейкин, Коркин и Ваня Горелов накопили червей, перешли на противоположную сторону озера и стали рыбачить.

Усевшись недалеко друг от друга, они молча смотрели на неподвижные пробки-поплавки. Олег скоро потерял терпение и перебрался на новое место, в густой камыш, где, по его мнению, обязательно должна была водиться рыба.

Первому посчастливилось Коркину, который закинул леску возле затонувшей коряги. Ваня Горелов заметил, что от поплавок Коркина расходятся круги.

— Клюет! Клюет! — зашептал он.

Но Коркин не слышал. Он сидел, прижав ногой удилице, и задумчиво смотрел в глубину озера, где отражались густой камыш, берег с шалашами; вниз кронами стояли деревья, на них опрокинулась огромная, поросшая лесом гора. И в самой глубине по синему небу медленно плыло одинокое белое облако. Вот облако почему-то сморщилось и затанцевало на месте, то сжимаясь, то расплываясь...

— Клюет, Вася, клюет! — яростно шипел Ваня, а когда пробка плавно пошла в глубину, не выдержал и заорал:

— Тяни, разиня!

Коркин вздрогнул, растерянно поискал глазами поплавок и, еще ничего не соображая, вскочил, рванул удилице. Прут перегнулся. С замиранием сердца Коркин тянул удочку вверх, чувствуя, как что-то живое, неподатливое сопротивляется ему. Наконец там, откуда выползла леска, забурлила вода, и, сверкнув в воздухе золотом, на траву шлепнулся большой карась. Возле него с восторженным лаем закружился Тузик.

— Вот он, карасик. Здоровый! — ликовал Коркин, поднимая бьющуюся рыбу над головой. Синие глаза его на круглом добродушном лице сияли.

— Не сказал бы тебе, — был бы карасик!.. Спал сидел, а еще хвалишься, поддел «разиню» Ваня.

— Я просто так, задумался, — оправдывался Коркин.

Он отцепил рыбу с крючка, закинул удочку и, держа прут в вытянутой руке, замер в ожидании. Через минуту поплавок снова запрыгал. Коркин впился глазами в пробку, напрягся каждым мускулом, как бегун на старте, словно ждал только сигнала, чтобы сорваться с места. В это время что-то свистнуло над головой, и прямо на его поплавок шлепнулась чужая леска. Коркин, не оглядываясь, отчаянно замахал за спиной рукою, но поплавок вдруг поплыл к берегу и взвился на воздух.

— Ты чего это мою леску тянешь?! Клюет же! — обернулся Вася к Шумейкину.

— Не видишь, что ли?.. Лески запутались.

— А чего ты лезешь, когда у меня клюет, — голос у Васи дрогнул, лицо покраснело.

— Не одному же тебе ловить!

— Так и лови себе на своем месте! Что ты сюда прибежал?!

— Ах, извините — не спросился! А если там рыбы нет! — Шумейкин закинул свою удочку и бросил через плечо:

— Сматывайся, Ягодка, не мешай!

Коркин обиженно засопел, взглянул сердито на Шумейкина, но не стал оспаривать своего места. Он молча отошел к камышу, туда, где недавно стоял Олег, забросил удочку и почти тотчас же поймал второго карася.

Пока Коркин насаживал рыбу на кулан, за его спиной опять появился Шумейкин. В восторге от удачи Вася уже забыл обиду. Он вернулся к коряге и, будто нарочно, через минуту поймал еще одну рыбу.

— Ты что, издеваешься, что ли? — обозлился Шумейкин. — Ты чего мою рыбу к себе переманиваешь?

— Это ты от нее убегаешь, — добродушно ответил Коркин. — Терпенье надо иметь, а не метаться туда-сюда, — и, как заядлый рыбак, великодушно посоветовал: — Потом, знаешь, рыба, она не дура, ее надо знать, как приманивать. На червяка обязательно поплевать нужно — верное средство.

Он дважды плюнул на наживку и забросил удочку.

— Ты, кисельная Ягодка, замолчи лучше, а то я Витьке только слово скажу... — начал было Шумейкин и осекся: его поплавок запрыгал на воде. Шумейкин заторопился, дернул раньше времени. Крючок был пуст.

— Выдержки нет. Надо было подождать немножко, пусть бы вниз потянула, тогда и подсекай, — поучительно сказал Коркин.

— Замолчишь ты?! А то я как потяну тебя вот этим удилицем! — распетушился было щуплый Шумейкин. Но, смерив глазами круглого спокойного Коркина, утих и снова забросил удочку.

— Есть! — раздался радостный возглас Вани Горелова. Шумейкин скосил глаза и увидел, что Ваня снимает с крючка большого карася. В ту же минуту дрогнул и его поплавок.

Шумейкин потянул удилице и убедился, что на крючке что-то есть. Он дернул сильнее. Что-то большое, бело-зеленое сорвалось с крючка, мелькнуло в воздухе и плюхнулось в траву. Шумейкин подбежал и обмер: выпучив глаза, на него смотрела огромная лягушка.

— Зараза! — расสวิрепел Шумейкин и пинком отбросил лягушку в кусты.

Рядом, свалившись в траву, хохотали Ваня Горелов и Коркин. Шумейкин повернулся к ним спиной и, морщась, стал торопливо насаживать на крючок червя. В глазах у него стояли слезы...

Первого карася он поймал, когда на кукане Коркина их был уже целый десяток.

Начался хороший вечерний клев. Ребята только успевали снимать жирных карасей, молча, размеренно, взмахивали удилищами.

...Матвеев упругой походкой быстро поднимался в гору. Он словно и не замечал Витю, выбирал самый трудный, крутой подъем. Цепляясь за сучья и стволы деревьев, за камни, геолог легко и по-кошачьи бесшумно взбирался по неровному склону. Чувствовалась в нем большая тренировка и недюжинная сила.

Сбитнев едва успевал за Матвеевым. Мокрая ковбойка прилипла к спине, струйки соленого пота текли из-под кепки на лицо, в рот. Отдуваясь, напрягаясь всем телом, Витя упрямо лез вслед за геологом. Он ни за что не согласился бы отстать, признать себя слабее.

Так они карабкались минут двадцать. Наконец, лес кончился, открылась поросшая сочной травой поляна, круто уходящая вверх, к отвесной стене известняка. Метров на пятьдесят правее впереди стена кончалась, сливаясь с крутым скатом.

Матвеев на секунду остановился, скользнул по сторонам быстрым взглядом и пошел наискосок через поляну.

Сбитнев поплелся вслед за ним. Из-под куста выскочило какое-то животное с пятнами на боку и испуганно метнулось вниз, к лесу. Мальчик узнал молодую косулю. Но Матвеев на животное не обратил никакого внимания; он шел, не останавливаясь, подминая траву тяжелыми ботинками, туда, где кончалась стена.

— Иван Иванович, где же эта осыпь, далеко еще? — с трудом догнав геолога, спросил Сбитнев.

— Что? Какая осыпь?.. Ах, да, осыпь. Нет, вот сейчас тут, близко, — как бы очнувшись,

недружелюбно проговорил Матвеев.

Он на мгновение повернулся к мальчику, и Сбитнев увидел мрачное лицо и острые, отчужденные глаза. Видимо, геолог думал сейчас совсем не о камнях и не об осыпи.

Они молча дошли до стены, остановились.

— Вон, видишь, камни, — указал Матвеев вперед на обвалившийся край ската, — возьми молоток, поковырайся там, а я сейчас вернусь.

Он подтолкнул мальчика и, проводив его глазами, быстро поднялся наверх, на вершину плато.

Перед ним раскинулось обширное, слегка изрезанное плоскогорье. Там и тут виднелись огромные круглые ямы, напоминавшие воронки. Только у каждой из них было плоское дно. Покатые склоны воронок были покрыты сочным кустарником. Ущелье, на дне которого остался отряд, в километре впереди заканчивалось, упираясь в высокую хмурую гору.

Матвеев находился на вершине плоскогорья, перед главной грядой Крымских гор. Влево и вправо до самого горизонта тянулось изрезанное морщинами нагорье с темными заплатами кустарников. С южной стороны плоскогорья цепочкой выстроились горы. Вокруг некоторых из них кучились облака.

Геолог долго ощупывал взглядом каждую из гор. Глубокое ущелье между горами застилало курчавое облако. Когда, наконец, в облаке появился просвет, Матвеев увидел внизу кусочек моря и белое здание санатория. Это, по-видимому, его обрадовало: геолог быстро перевел взгляд левее, без труда отыскал теперь невысокую двугорбую гору, которая отсюда казалась небольшим холмиком, облегченно вздохнул и неторопливо закурил папиросу.

Сбитнев между тем бродил среди больших каменных глыб, подбирая разные камушки. На одном из камней он увидел четкий отпечаток ребристой раковины. Мальчик осторожно отбил кусок камня молотком.

— Ну, как успехи, геолог? — услышал Витя приветливый голос.

Перед ним стоял Матвеев с обычной улыбкой на губах.

— Вот набрал несколько образцов, посмотрите, — полез было в карман Витя.

— Потом, потом, — отмахнулся Матвеев. Заметив недовольство Сбитнева, он объяснил: — Возвращаться надо, понимаешь? Солнце, видишь, садится.

Геолог посмотрел на крутой склон, по которому они недавно поднимались, и предложил:

— Пройдем немного вперед, может быть, там спуск легче.

Они вышли на ту часть плоскогорья, которая полого спускалась в сторону моря, и пошли вниз. Пробравшись сквозь густой кустарник, Матвеев и Сбитнев очутились на большой поляне и замерли в изумлении: на краю поляны в этом диком, нехоженном месте возвышался деревянный обелиск со звездой на вершине. Подойдя ближе, Витя прочитал:

«Ване Пронину, пионеру-партизану, отдавшему жизнь за Советскую Родину».

— Вы не знаете, что он сделал? — с волнением спросил Сбитнев.

— Не знаю.

Геолог пристально смотрел на обелиск. Брови его сошлись на переносице. Он резко обернулся, окинул взглядом поляну:

— Знакомые места...

Потом, словно спохватившись, сдернул с головы кепку:

— Почтим память героя.

Сбитнев снял фуражку, с уважением взглянул на Матвеева:

— Вы тоже здесь партизанили?

— Да, пришлось, — геолог надвинул кепку на лоб: — Идем, а то, небось, учительница беспокоится.

У костра

Сумерки надвигались быстро. Едва скрылось солнце, как все вокруг поблекло, посерело. Лишь на западе, над зубчатой вершиной горы, небо было окрашено в нежно-розовый цвет.

Возле крайнего шалаша возвышалась большая куча сушняка, собранного ребятами еще засветло.

На небе высыпали первые звезды, из-за далекой горы выплыл ущербный, похожий на ломтик спелой дыни, месяц.

На площадке перед шалашами хозяйничали костровой Миша Черепанов и Коркин, которого назначили на сегодняшний вечер поваром. Желтые языки пламени лизали ведро, обмазанное глиной, швыряли вверх мелкие трескучие искры. С каждой минутой становилось все темнее. Мир ограничился небольшим, освещенным светом костра, участком.

Ребята расположились кружком вокруг огня. Каждый был занят своим делом. Галя Пурыгина и Оля Пахомова помогали Коркину чистить рыбу и картофель. Кто записывал впечатления дня в дневник, кто оформлял гербарий, какие-то пометки делала в толстой тетради Вера Алексеевна. Человек семь ребят уселись в тесный кружок, в середине которого, под звонкий смех, ходил на задних лапах Тузик, выпрашивая подачки.

Все были так увлечены своими занятиями и забавами, что не заметили, как у костра появился высокий кряжистый старик с ружьем за плечами.

— Добрый вечер, — приветствовал он ребят мягким хриповатым баском. Почуял дымок и думаю: «Дай, зайду». Как знал, что на уху попаду, — старик улыбнулся в прокуренные обвисшие усы.

— Егор Егорович! Здравствуйте, — быстро поднялась учительница.

— А-а, Вера Алексеевна... Опять в наши края? Теперь уже с питомцами ходишь? — пожал ей руку Егор Егорович и оглядел ребят хитровато:

— Ну, как, орлы? Принимаете в свою компанию?

— Принимаем, принимаем! Пожалуйста! — вразной закричали ребята. Они сразу догадались, что это лесник: такой же ласковый и простой, как и тетя Глаша.

Егор Егорович неторопливо снял ружье и сел. Не спеша вынул из кармана жестяную коробку из-под зубного порошка, набил табаком трубку. Прикурил от горящего прутика и снова окинул любопытные лица ребят взглядом, который как бы говорил: «Ох, и знаю же я кое-что интересное»...

— Ну, что же вы, скворцы — то щебетали, смеялись, а то сразу притихли. Помешал, что ли?

— Нет, не помешали, — оживились ребята. — Мы у вас сегодня дома были, обедали у тети Глаши и Сиротку из соски молоком поили.

— Ишь ты, все уже знаете. Любит тетя Глаша вашего брата, — засмеялся Егор Егорович.

В стороне зашуршали ветви, и на поляну вышел Сбитнев.

— А вы, дядя Егор, не боитесь ходить ночью по лесу? — спросила Галя Пурыгина лесника, а сама косилась на подходившего Сбитнева. — Лес-то вон какой большой да темный!

— Чего мне бояться? — ласково улыбнулся старик. — Я в этих лесах каждый кустик знаю. Сколько уж лет работаю, и партизанить тут пришлось.

Витя Сбитнев внимательно посмотрел на лесника.

— Где же ты Ивана Ивановича потерял? — спросила его учительница.

— Он там, за кустами задержался, — кивнул назад Сбитнев. — Сказал, что через минутку подойдет.

Витя выложил из карманов принесенные камни и подсел к леснику:

— Вы про партизан сказали. А Ваню Пронина вы не знали?..

— Ваню? — Егор Егорович пристально посмотрел в глаза Сбитневу. Лицо старика потемнело, словно тень на него набежала.

— Ну да, Ваню Пронина! — живо подтвердил Сбитнев, чувствуя, что сейчас они узнают, за что поставлен памятник герою-пионеру.

Егор Егорович взглянул на учительницу, минуту помолчал.

— В нашем отряде он был. Погиб здесь недалеко. У Хмурой горы...

— Я только что был там, возле памятника. На нем так и написано: «Пионеру-партизану Ване Пронину, отдавшему жизнь за Советскую Родину!..» я точно запомнил, — горячо подхватил Сбитнев.

Ребята насторожились и придвинулись к старому леснику, глядя на него с молчаливым ожиданием.

— Расскажите нам про Ваню, — попросил Коркин. Он только что опустил в ведро очищенную рыбу и был сейчас свободен от хозяйственных забот.

— Расскажите, дядя Егор, расскажите, — поддержали его ребята.

Егор Егорович снова переглянулся с учительницей, задумчиво погладил сивые усы:

— Было это, дети, не так уж и давно, а сейчас всего и не припомнишь, медленно начал он и, помолчав немного, продолжал. — Был Ваня самым простым деревенским пареньком, пионером. Ничем от других ребят не отличался. Ходил в школу, помогал матери по дому. Бегал купаться. Гонял голубей. Пел песни, весне радовался, солнцу... А потом пришли в наши места фашисты. В тот день кончилась для Вани беззаботная жизнь.

Отец его, как и многие мужчины из деревни, ушел в партизаны, и Ваня остался с матерью. Деревня была в горах, у леса, к ней вела только одна неторная дорога. Фашисты в деревню долго не заглядывали. Но однажды нагрянули на машинах. Жители бросились в лес.

Вместе с оккупантами появился в селе Сенька Чуб, сын казачьего есаула, кулака, которого мы расстреляли в двадцать первом году за контрреволюцию.

Подлый и страшный был этот Сенька. Вор и бандит, он ненавидел Советскую власть и не раз сидел в тюрьме. Когда началась война, он, подлец, решил, что настало его время. Сенька дезертировал из Советской Армии и стал предателем, продался гитлеровцам. В нашей деревне он выдавал фашистам коммунистов и комсомольцев. А особую злобу имел на отца Вани Пронина: это он самый казачьего есаула-то изловил. Грозился, что в отместку за своего отца выведет под корень все семейство Прониных.

Егор Егорович минуту молчал, дымил трубкой, потом продолжал:

— Подчистую фашисты спалили деревню, даже ни одного сарая не оставили.

Вместе с другими сельчанами убежали от фашистов в лес и Ваня с матерью. Только позадержались они чего-то и отстали от своих. Видел Ваня, как пылали хаты, спешил уйти подальше, да мать-то хворала, не в силах была быстро двигаться. Кое-как добрела до пустой лесной сторожки, а дальше уже идти не сумела. Упала, метаться начала, пить попросила. Побежал Ваня к роднику за водой, а когда вернулся, глядит — возле сторожки фашисты. Он кинулся назад, в кусты и видел, как выволокли звери на улицу мать и Сенька Чуб своими руками задушил ее...

Егор Егорович затянулся, но трубка только жалобно пискнула. Лесник звучно сглотнул какой-то ком в горле, откашлялся и обвел ребят затуманившимся взглядом:

— Не помнил дальше Ваня, как блуждал в лесу. На четвертый день наткнулись на него партизаны-разведчики и принесли в отряд, где он и встретился с отцом.

Егор Егорович снова прикурил трубку от прутика, окутался клубами сизого дыма.

— Наш партизанский отряд к тому времени окреп и сильно досаждал фашистам. В двух деревнях мы гарнизоны уничтожили, разгромили три колонны автомобилей. Ну, потом — резали связь, рвали мосты. Гитлеровцы решили разделаться с нами: направили в лес большую карательную экспедицию. Проводником у них был Сенька Чуб.

Четверо суток гонялись фашисты по нашему следу, бомбили с самолетов. Выставляли мы заслоны, да где там... Много партизан легло.

В отряде были больные и раненые, которых приходилось переносить на руках. Измучили нас постоянные переходы, голод и усталость валили с ног. А враги вцепились в хвост — никак не

оторваться.

Отряду грозила неминуемая гибель. И спас партизан Ваня.

Поднялись мы вот здесь, у Хмурой горы, на плато, а гитлеровцы следом, как тараканы, лезут, строчат из автоматов.

Командир приказал отцу Вани и молодому партизану Савченко — был у нас такой кудрявый весельчак и плясун — остаться у кромки плато прикрывать отход отряда.

Тут все и произошло.

Плоскогорье спускается вниз. Справа и слева раскинулись могучие леса, а между ними начинается Хмурая гора. Отряд свернул в лес, оставили на опушке для наблюдения и связи одного партизана, Шмелева. Он-то потом обо всем и рассказал.

Укрылся Шмелев в кустах и видел, как отстреливались двое партизан от наседавших немцев. Сверху-то было удобно бить. Они перебежали с места на место и садили в два автомата. Несколько гранат спустили на голову врагам, в самую гущу. Но вот упал Савченко, прижался кудрявой головой к камню и не шевельнулся больше. Отец Вани укрылся за большим камнем, продолжал отстреливаться, как вдруг у него заело автомат. А в это время из-за камня появился Сенька Чуб с парабеллумом в руке. Ванин отец вскочил и ударил прикладом по голове предателя, но тот успел выстрелить. Споткнулся партизан, перевалился через камень и покотился вниз по склону. А на плато уже вылезали фашисты.

Офицер ихний ткнул пистолетом в бок оглушенного Сеньку и закричал так, что даже Шмелев расслышал:

— Шнель, шнель! Где партизан? Ходи!

Чуб показал рукой на поляну вперед. Глянул туда и Шмелев и обмер: стоит посреди поляны у большого камня Ваня. Видать, не захотел бросить отца остался. Ваня смотрел на фашистов и медленно пятился назад.

«Ну, сейчас бросится в лес — и погиб отряд», — подумал тогда Шмелев.

Офицер что-то крикнул, и несколько фашистов побежали к Ване. Мальчик повернул было в лес, куда скрылся отряд, и вдруг метнулся в противоположную сторону, через поляну. Солдаты, гремя оружием, ринулись за ним: видно, решили взять живым.

Оглянулся на них Ваня, еще быстрее побежал и что было силы закричал:

— Тика-а-айте! Тика-а-айте! Фаши-и-сты!

Совсем немного осталось ему добежать до кустов, но один долговязый фашист дал очередь из автомата. Упал Ваня метрах в пяти от опушки, крикнул в последний раз: «Тикайте!» А каратели развернулись и всей лавиной устремились по его пути в лес, но только партизаны-то уходили в другую сторону.

— Так за отряд отдал свою жизнь пионер Ваня Пронин, — медленно и сурово закончил Егор Егорович и, низко опустив голову, задымил трубкой.

Не шелохнувшись, молча смотрели ребята на сгорбленную фигуру лесника. У многих в глазах стояли слезы.

— Вот это герой! А ты, Вася, смог бы так? — тронув за рукав Коркина, шепотом спросила Галя Пурыгина.

— Кого-чего? — запинаясь от волнения, переспросил Коркин. — Я? Я не знаю. А вот Витя, по моему, смог бы!

Егор Егорович поднял глаза, полные тоски:

— Когда он погиб, то был вот таким же мальцом, как вы, — закончил он.

— Дядя Егор, а этого предателя, Сеньку Чуба, поймали? — спросил Сбитнев.

— Не довелось слышать, — ответил лесник. — Может, подох от партизанской пули, а может, и сейчас еще волком рыщет по земле...

— А отец Вани так и погиб тоже? — спросила Оля.

— Отец-то в живых остался... Добрый человек подобрал его и выходил, — Егор Егорович, как бы вспомнив что-то, резко поднялся:

— Ну, так счастливо вам, оставаться, ребятки; пора мне — засиделся...

— Оставайтесь еще! Побудьте с нами! — окружили старика пионеры.

— А уха? Вы же уху нашу хотели попробовать! — забеспокоился повар, Вася Коркин.

— Ничего, ничего, ребята. Уха в другой раз. А сейчас надо торопиться дело ждет.

Егор Егорович кивнул Вере Алексеевне, вскинул на плечо ружье и походкой тяжело уставшего человека пошел в сторону лесничества.

Когда фигура старика растаяла в темноте. Вера Алексеевна спросила:

— А знаете, как фамилия Егора Егоровича? — и, помедлив, сама же ответила: — Пронин. А

Ваня — это его сын.

Одним дыханием ребята ахнули от удивления.

— А спасла Егора Егоровича тетя Глаша, — закончила учительница.

...Весь вечер пионеры были под впечатлением услышанного. Ужинали молча. И хоть уха получилась сладковатой, оттого что Коркин от волнения и по рассеянности всыпал в нее вместо соли сахару, никто не стал поднимать шум из-за таких пустяков.

— А где же Иван Иванович? — спросил Сбитнев, когда ребята начали укладываться спать, и посмотрел по сторонам.

Матвеева у костра не было.

— Не знаю. Его еще нет. Я ему оставил в котелке ухи, — ответил Коркин. — Придет, пусть кушает.

...Над горами нависла ночь. Деревья и кусты, слабо освещенные костром, стояли притихшие и неподвижные. Какая-то птичка протяжно вскрикнула несколько раз «Спа-а ать! Спа-а-ать! Спа-а-ать!» и умолкла, да в мелководной части озера, где кустились осока и камыш, ожесточенно кричали на свет костра лягушки.

«Вы-ы-вернись! Вы-ы-вернись!» — надрывалась одна, самая голосистая, а ее подзадоривал вразнобой целый хор голосов: «А ну-ка, как — по-ка-жи! А ну-ка, как — по-ка-жи!»

Но вот замолкли и эти звуки. Костер, слабо потрескивая, догорал, все погружалось в полутьму, сгущалось торжественно-грустное настроение. Изредка дежурная Женя Терехова подбрасывала в костер немного хвороста. Сухие сучья начинали тотчас пощелкивать, вспыхивали языки веселого пламени, но через несколько минут снова напал полумрак.

Витя Сбитнев долго не мог заснуть. Он лежал на спине и смотрел в звездное небо.

Как всегда в горах, где воздух чист, небо было очень близко. Звезды, яркие и крупные, точно начищенные латунные пуговицы, казалось, были нашиты на темный бархат неба. Некоторые из них слабо мерцали, и от этого чудилось, что они раскачиваются на ниточках. Вечно глядят они на землю с необъятной высоты. Все, все, что было и чего уже не стало на земле, — все они видели. Видели они и Ваню Пронина. Так будут и дальше смотреть вниз, ко всему безучастные и равнодушные.

Перед глазами Сбитнева встал образ пионера-героя. Сбитнев ясно представил себе, как, запыхавшись, бежит Ваня, а за ним гонятся длинные и непременно рыжие фашисты. Витя увидел могучие деревья и густую колышущуюся массу кустарников, в которую вот-вот должен нырнуть Ваня. Так и казалось, что сейчас ночную тишину прорежет его звонкий, тревожный голос; «Тика-а-айте! Фаши-и-сты!..»

Рядом со Сбитневым засопел и завозился на шуршащих листьях сонный Коркин. Поднял голову, глубоко и шумно вздохнул, улегся поудобнее и успокоился.

«Вечно этот Ягодка помешает! Вздыхает, как теленок», — с раздражением покосился Сбитнев на соседа.

Видения как не бывало.

Еще больше сгустилась над лагерем темнота. Все кругом погрузилось в глубокий сон. А возле чуть тлеющего костра остывала в котелке нетронутая уха — ужин так и не вернувшегося в лагерь геолога.

Газетная информация

В этот вечер полковник Коркин надолго задержался в управлении. День был очень напряженным. Коркин давал работникам задания, проводил инструктаж, разговаривал с пограничниками и все это время искал тот кусочек нити, за который бы можно было ухватиться, чтобы не работать вхолостую, наудачу. Но этой нити как раз и не было.

«Зачем сюда три месяца назад были заброшены диверсанты и взрывчатка? Для чего сидит здесь Сыч? К кому идет этот подводный осьминог?» — сверлило в мозгу.

Знать бы хоть приблизительно цель врага, чтобы не расплыться, не работать с завязанными глазами. Но этой цели полковник не видел.

Майор Силантьев вернулся поздно вечером. Полковник Коркин только зашел в его кабинет, где лейтенант Сафар Садыков копался в подшивках газет, как на пороге появился сам майор. По одному его взгляду полковник понял, что поездка не дала нужного результата. Вслед за майором шофер внес завернутый в мешок сверток. Это был большой зеленоватый прорезиненный мешок со специальным, герметически закрывающимся замком. Большой мешок с двумя лямками и пластмассовой ручкой наверху.

— Нарушитель вышел на берег в два-три часа ночи, — докладывал Силантьев. — Судя по размеру скафандра, — это человек среднего роста. Он нес какой-то груз, который был скрыт в море в этом мешке. Груз, видимо, тяжелый, так как след в почве от ног — глубокий. Следы ведут к полустанку Тихому. Слепки следов сделаны.

Майор Силантьев на мгновение замолчал и продолжал:

— В три часа семь минут от полустанка отошел товарный поезд, в три сорок шесть проходил пригородный пассажирский, в четыре пятнадцать — еще один товарный поезд в обратном направлении. Номера поездов у меня записаны. Станционные работники не могли припомнить, чтобы на полустанке появлялся человек с чемоданом или мешком. Кассой на пригородный поезд ни одного билета не было продано. Автобусы ночью через полустанок не проходили.

Вот все, что узнал майор Силантьев.

Наступило минутное молчание. Полковник Коркин несколько раз прошелся по кабинету, то и дело оттягивая пальцем ворот кителя.

— Надо побеседовать с каждым, кто был прошлой ночью на полустанке Тихом, особенно с работниками поездных бригад, — проговорил он, продолжая ходить. — Важно зацепиться хотя бы за какие-нибудь внешние приметы нарушителя, хотя он мог быть, как и Кованый каблук, в маскарадном костюме. Определить, в какую сторону он выехал с полустанка и выехал ли вообще. Поговорить с шоферами Тишинской МТС и гаража, не подвозили ли они попутчика.

Снова наступило молчание. Снова одна и та же мысль неотступно мучила полковника. Видимо, эта же мысль преследовала и майора Силантьева. Он вздохнул и задумчиво проговорил:

— Куда же он идет?

— Разрешите, товарищ полковник, — как-то смущенно сказал лейтенант Садыков.

Полковник остановился.

Две пары глаз выжидательно смотрели на Садыкова. Лейтенант смешался и покраснел.

— Ну, что у тебя, Сафар? — подбодрил его полковник.

— Я, собственно, не об этом нарушителе, а о парашютистах. Все эти три месяца думал: где они хотели совершить диверсию? — неуверенно начал Садыков.

Силантьев и Коркин ждали.

— Я вспомнил об одной информации в центральной газете, — Садыков опять замялся, — и вот нашел эту информацию. Может быть, она даст ключ к этой загадке...

Коркин и Силантьев подошли к столу лейтенанта. Тот раскрыл газетную подшивку и прочитал: «Семнадцатого января в Крыму закончилось строительство эфиромасличного комбината, который будет выпускать парфюмерную продукцию по новой, разработанной советскими учеными технологии. Первые пробы показали исключительно высокие качества духов. С началом сбора крымской розы комбинат приступит к массовому выпуску продукции».

Ни майор, ни полковник не проронили ни слова. Силантьев только опустил веки и прикусил смешливо задрожавшие губы.

— Я сам покупал эти духи. «Мир» называются. Очень хороший запах и долго не исчезает, — сказал лейтенант.

Майор Силантьев не выдержал, улыбнулся:

— То, что вы умеете отличить хорошие духи от плохих, — похвально. Но причем здесь диверсанты? Неужели вы думаете, что из-за какого-то парфюмерного предприятия, пусть даже такого, как этот комбинат, они будут рисковать людьми и средствами. Они деньги любят брать, а не выбрасывать их на ветер.

— Подожди, Иван Ефимович, пусть выскажет свою мысль до конца, — остановил майора полковник.

— Вот тут еще есть сообщение со всемирной Лейпцигской выставки, — совсем неуверенно продолжал лейтенант и развернул другую подшивку. — Сейчас, здесь: — он нашел пальцем нужную строчку. — «...Огромный интерес у посетителей выставки вызвали новые советские духи «Мир». По сообщениям многих буржуазных газет, советские духи во много раз

превосходят по стойкости всемирно известные духи фирмы «Flower». Так, корреспондент газеты «Палф» пишет, что платок, надушенный советскими духами, сохраняет запах после трех стирок. По сообщению того же корреспондента, многие торговые компании, постоянные потребители продукции фирмы «Flower», намерены отказаться от ее услуг и заключить торговые соглашения с советскими представителями», — кончил читать Садыков.

Майор Силантьев медленно отошел от стола, молча сел в кресло, потер ладонями колени.

— По-моему, это неосновательное, если хотите, несколько наивное предположение, — сказал он после минутного молчания.

— А мне кажется, тут стоит подумать. В предположении Садыкова есть какое-то зерно, — ответил полковник Коркин. — Это, может быть, опять дело рук генерала Кейка. Как мы убедились по прошлой операции, наряду с серьезной шпионской работой, проводимой по государственной линии, он не брезгует любой авантюрой, не откажется и от частного, так сказать, заказа за хорошие деньги. Вполне логично предположить, что он подрядился выполнить заказ этой самой фирмы «Цветок». Психологию Кейка понять не трудно: получить хороший куш, а потерять — почти ничего. Двух-трех диверсантов, которых он сам же делает из подонков общества, да несколько килограммов взрывчатки. Игра стоит свеч, тем более, что местонахождение комбината ему известно из прессы.

— Для подобной диверсии едва ли была бы необходимость в радиостанции, возразил майор.

— Сыч может быть постоянным агентом Кейка, связником, или по выполнении диверсии должен стать им, — вставил лейтенант.

— Правильно, — поддержал его полковник. — Поэтому он и окопался вблизи комбината. Можно предположить, что после гибели самолета Сыч просит прислать других диверсантов и взрывчатых веществ.

— Но той взрывчатки, что была найдена с парашютом, едва бы хватило для того, чтобы уничтожить такой комбинат, — не сдавался Силантьев. — Ее необходимо было бы применить только в одном месте; ну, в крайнем случае, вывели бы из строя один цех, и только.

— На этот раз, Иван Ефимович, я с тобой совершенно не согласен, возразил полковник. — Как показал анализ, каждый брусочек этой взрывчатки по силе взрыва равен сотням килограммов динамита, но не в этом дело. А вот то, что этой взрывчатки было мало, — это как раз и заставило меня задуматься над версией лейтенанта. Где у вас карта Крыма?

Лейтенант Садыков быстро вынул из ящика стола сложенную в гармошку карту и развернул ее на столе.

— Надо предполагать самое худшее, что только может придумать враг, продолжал полковник Коркин. — Замысел Кейка может быть гораздо шире, и тридцати-сорока килограммов взрывчатки в этом случае вполне достаточно для того, чтобы уничтожить много больше, чем один эфиромасличный комбинат. Смотрите сюда, — указал полковник на горную местность на карте. — Комбинат выстроен в этом городе, — конец карандаша уперся в черную точку на берегу моря. — А теперь взгляните выше. В пяти-шести километрах от города в горах расположено большое озеро. В нем миллионы кубометров воды. Как видите, глубокое узкое ущелье от плотины озера, мимо села Заветное, выходит прямо на город, — провел полковник карандашом по карте. — Чтобы подорвать плотину, загораживающую ущелье, взрывчатки нужно совсем немного.

Полковник бросил карандаш на стол и резко выпрямился:

— Случись такое... Это — гибель комбината, гибель порта, гибель многих тысяч советских людей! Вот тебе, Иван Ефимович, и парфюмерия!

Куда девался геолог?

Отряд поднялся рано. Было тихо и прохладно. Над озером стлался туман. На отяжелевшей траве блестели капельки росы. Дым от костра столбом тянулся вверх. Это предвещало хорошую погоду на день.

Поеживаясь от утренней свежести, ребята спешно умывались и торопились к веселому костру, где уже закипала в ведре вода для какао.

Галя Пурыгина чистила колбасу, Ваня Горелов открывал перочинным ножом банки со сгущенным молоком.

Вера Алексеевна, растирая лицо вафельным полотенцем, остановилась возле шалаша, взглянула на грушу, на которой висел вчера мешок Матвеева, и задумчиво проговорила:

— Как будто бы и не приходил, а мешка нет... Странный человек. Исчез и даже не предупредил. Тебе не говорил Иван Иванович вчера, куда он пойдет? — спросила она Сбитнева, копавшегося в своем рюкзаке.

— Нет, не говорил. Он вчера был какой-то чудной, — Сбитнев поднялся. Всю дорогу на гору очень торопился, молчал и злился. А через пять минут, когда вернулся с горы, — опять стал веселый и спокойный.

— С какой горы? Вы на осыпи были?

— Никакой осыпи я не видел. Иван Иванович отдал мне молоток, а сам даже не посмотрел на камни. Наверх взошел и быстро вернулся. Потом сразу заторопился обратно. Мы только у памятника Ване Пронину немного задержались. Тут он опять почему-то разозлился. Потом сказал: «Почтим память героя!» Вот и все. Ну, а когда спустились вниз, он остановился вон в тех кустах и сказал, что подойдет через минуту. Больше я его не видел.

— Да, действительно странно, — проговорила учительница. Ее серые глаза насторожились, в уголках рта появились резкие складочки.

Наскоро позавтракав, отряд двинулся вверх по склону горы. Идти было тяжело. Ноги, натруженные за прошедший день, побаливали.

Подъем был крут. Часто делали привалы. Несмотря на то, что застоявшийся воздух на теневой стороне горы был холодный, у ребят на лбу выступила испарина.

Так, с частыми остановками, шли минут сорок. Наконец, лес поредел, и, пробравшись через кустарник, отряд вышел на плоскогорье, щедро освещенное утренним солнцем.

Ребята в изнеможении опустили на каменистую почву, поросшую сочной травой.

Перед их глазами открылась живописная картина. Лесистые горы чем дальше, тем становились прозрачнее. Издали панорама гор и плоскогорья казалась пушистым зеленым ковром, собранным в мягкие складки. Передний краем гигантский ковер опускался в море.

Лес слабо парил. Погода была ясной. Одно облако кольцом обвивало далекую гору, отчего казалось, что вершина горы повисла в воздухе.

В ущелье, откуда поднялся отряд, еще плыла седоватая дымка. Озера отсюда не было видно.

А на противоположной стороне ущелья, у самого края плоскогорья, на каменном постаменте возвышался, сверкая на солнце золотом звезды, памятник Ване Пронину.

Отдав салют обелиску, отряд двинулся по направлению к морю.

Шли больше часа. Нагорье было слегка всхолмленным. Кое-где зеленели небольшие заросли леса и кустарников. На холмах почти не было растительности, зато ложбины между холмами заросли густой и сочной травой.

Вера Алексеевна, как и прежде, рассказывала ребятам о том, что их окружало, но Сбитнев заметил, что она совсем не улыбалась. Исчез ее прежний задор, и по лицу то и дело пробегала тень скрытой тревоги.

Только однажды Вера Алексеевна засмеялась.

Ребята давно заметили впереди пасущуюся отару овец. Подойдя ближе, все удивились: овцы были каменные, из серого, с синеватым оттенком известняка. Даже вблизи эти камни поразительно напоминали лежащих и стоящих в разных позах животных. Тузик, бегавший между застывшими каменными овцами, усиливал это впечатление.

Всюду в камнях виднелись глубокие овальные отверстия. Некоторые камни были продырявлены насквозь и просвечивали.

— Что это, их шашель, что ли, побил? — с веселым недоумением спросила Оля Пахомова.

Вот тут-то Вера Алексеевна и засмеялась, но как-то не от души, и учительским тоном спросила:

— Как образовались эти камни, кто скажет?

— Вода разъела, — ответил Коркин.

— Правильно! Вода, в которой всегда есть углекислота, — злейший враг известняковых гор. Она разрушает их ежедневно и ежечасно. Видите, какие здесь прекрасные луга, — указала она на долину, — но скот пасти можно далеко не везде, потому что нет воды.

— Но ведь бывают же дожди, ливни?! — изумилась Оля Пахомова.

— Бывают. Но вода моментально, как через решето, уходит в землю. Там, внутри этих гор, сотни каналов, галерей, есть подземные залы, озера, протекают реки. Это плоскогорье приносит жителям Крыма очень большую пользу. Оно собирает и распределяет атмосферную влагу и поит ею весь полуостров. Здесь берут свое начало множество речек, текущих и на север и на юг, — объясняла Вера Алексеевна.

Этот рассказ взволновал ребят, и они еще долго оглядывались на застывшую каменную отару, тщетно ожидавшую неуловимой воды.

С севера подул свежий ветерок. Впереди отряда, возле горбатой горы, стали сгущаться облака, превращаясь в тяжелую свинцовую тучу.

— Как бы дождь не пошел, — опасно проговорила Галя Пурыгина.

Ребята то и дело посматривали в сторону горы; оттуда доносился глухой рокот.

Вновь набежавший ветер дохнул влагой. А фиолетовая туча клубилась, все больше и больше окутывала и вот уже совсем скрыла горбатую гору. Все чаще погромыхивал гром. Казалось, это гора, отгоняя тучу, недовольно бормочет и шевелится, задевая каменными боками соседние горы.

Но вот ветер стал рвать тучу на небольшие лоскуты и уносить их в сторону моря. Через полчаса от нее остались только жалкие хлопья. Гора успокоилась.

Отряд спускался все ниже и ниже. Теперь уже с южного склона плоскогорья хорошо был виден извилистый берег моря.

Входя в глубокое ущелье, ребята слышали какой-то шум. Чем дальше они шли, тем шум становился сильнее. Наконец, между деревьями, прямо перед собой ребята увидели водопад.

Падая с пятиметровой высоты, поток ревел, разбиваясь об огромные камни на мириады брызг.

— Дождь поднял воду, — стараясь перекричать рев водопада, громко сказала Вера Алексеевна. — Как бы не снесло мостик.

Вслед за учительницей пионеры поспешно поднялись по камням вверх и метрах в шестидесяти выше водопада увидели зыбкий, из трех жердей, мостик, переброшенный с берега на огромный валун.

Начали переправляться.

Большинство ребят смело переходили по пружинящим жердинам на валун, а затем, прыгая с камня на камень, достигали противоположного берега. Задержка получилась с Галей Пурыгиной. Несколько раз она всходила на мостик, но, взглянув вниз, где совсем близко под ногами двигалась мутная пузырчатая вода, боязливо отступала назад.

— Не смотри на воду, гляди на меня! Ну, смелей, смелее, решительней! — подбадривала ее с валуна Вера Алексеевна.

Наконец, девочка робко прошла до половины мостика и бегом проскочила оставшееся до учительницы расстояние.

— Вот и все! А ты боялась, — подхватила ее Вера Алексеевна и, помогая прыгать с камня на камень, повела к берегу.

По мостику стал перебираться Коркин с Тузиком на руках. Он сосредоточенно смотрел на жерди, выискивая место, куда ступить. Сзади за ним наблюдали Сбитнев и Шумейкин.

— Смотри, смотри, как Ягодка идет! Трусит, как девчонка, — толкнул Сбитнева Шумейкин. — Пугнем его, а, Витя?

Глазки Шумейкина недобро загорелись, уголки большого рта поплыли к ушам.

Когда Коркин дошел до середины мостика, Шумейкин озорно подмигнул Сбитневу, взбежал на упругие жерди и слегка подпрыгнул на них.

Коркина подбросило. Балансируя всем телом, он закачался из стороны в сторону, оступился, выронил Тузика и, взмахнув руками, свалился в поток.

Ребята, видевшие его падение, в ужасе закричали.

Вера Алексеевна оглянулась, изменилась в лице, рванула с плеч лямки рюкзака. Но Сбитнев опередил ее. Бросив Шумейкину под ноги мешок и фуражку, он прыгнул с берега в воду.

Окунувшись с головой, Коркин вынырнул, проморгался и попытался плыть. Но тяжелый рюкзак и намокшая одежда сковывали его движения, тянули вниз. Коркин стал изо всех сил махать руками, стараясь удержаться на поверхности.

Руки путались в ремнях фотоаппарата, натыкались на всплывшие термосы. Лицо то и дело закрывала висевшая на шнурке шляпа. Поток все быстрее и быстрее относил Васю вниз по течению.

— Спасайте! Спасайте! — метался на берегу Шумейкин.

А с другого берега неслись голоса:

— К камням прибивайся, Вася.

— К берегу гребь, к берегу!

Но Коркин не понимал, что ему кричали. Испуганные голоса сливались в одно протяжное «а-а-а». Впереди нарастал гул водопада, на дне глухо перестукивали камни. То и дело ногами мальчик нащупывал их, на мгновение упирался, но вода неумолимо тащила его дальше.

Тузик, барахтавшийся некоторое время рядом, бросил своего хозяина и повернул к берегу.

Коркин увидел сбоку плывущую жердь.

«Наша. По ней мы переправлялись», — как-то механически подумал он.

Вася хотел было ухватиться за жердь, но отяжелевшая рука не дотянулась, и жердь, обогнав его, проплыла мимо. Взглянув по направлению ее движения, Коркин увидел, что метрах в тридцати впереди вода, изгибаясь горбом, обрывается: оттуда, куда она падала, доносится страшный гул.

Носок ботинка снова ударился обо что-то твердое. Коркин изо всех сил уперся ногами в камень и сразу почувствовал, как напирает сзади вода, рвет за штаны и рубаху, тянет вперед.

Насмерть перепуганные ребята бежали вслед за Коркиным по берегу. Сбитнев, отчаянно работая руками, плыл вразмашку; он быстро нагонял Коркина.

Вера Алексеевна сорвала с рюкзака страховую веревку, обогнала ребят и бросилась в воду. Поток сбил ее с ног. Но учительница быстро вскочила и взметнула веревку:

— Держи-и-и-и! — крикнула она.

Но Коркин не расслышал. На мгновение он снова увидел жердь. Набирая скорость, она скользнула на гладкой поверхности переката, высунулась до половины из воды и, мелькнув концом, исчезла. Вася напрягал последние силы, но камень, о который он опирался, сдвинулся, ушел из-под ног. Коркин вскрикнул и захлебнулся. Упрямая сила связывала ему руки и ноги,

переворачивала его тело. Мальчик только ловил мгновения, чтобы вдохнуть воздух. Конец веревки пролетел над ним.

«Все!» — мелькнуло в его сознании. Он зажмурился. Перед глазами встало клокочущее пеной дно, ребристые камни, о которые разбиваются стеклянные струи водопада.

Что-то больно ударило в бок. Коркин открыл глаза и увидел два зубчатых камня, торчащих из воды. Мальчик судорожно ухватился левой рукой за один из камней. Но вода безжалостно потянула тело вперед, и пальцы соскользнули.

— А-а-а-а, — отчаянно закричал Коркин.

В это мгновение Сбитнев врезался между камнями, уцепился за них и, вытянувшись, успел схватить Коркина за рюкзак.

Только теперь, увидев прямо перед собой огромную волну переката, Витя вздрогнул от ужаса: в десяти метрах впереди была верная смерть.

Напрягаясь изо всех сил, он подтянул к себе Коркина.

— Не бултыхайся зря! Хватайся руками! Да не за меня, за камень, — крикнул он в искаженное страхом лицо Коркина.

Коркин прижался к спасительному камню, встал на ноги, глаза его начали приобретать осмысленное выражение.

— Я думал — все! А ты здорово!.. Не побоялся! — благодарно посмотрел он на Сбитнева.

— Ладно тебе! Еще целоваться полезешь! Держись крепче! — прервал его Витя.

— Я всем расскажу, какой ты!.. — не унимался взволнованный до слез Коркин, окончательно

поверив в свое спасение. — Хочешь, я тебе полевой бинокль подарю? И дружить с тобой будем, — бормотал он, стоя по грудь в воде и постукивая зубами. — Идет? Я давно собирался тебе сказать...

— Лови-и-и! — донеслось до мальчиков.

Вера Алексеевна снова, как лассо, бросила веревку. Сбитнев ловко поймал конец ее, крепко обвязал Васю под руками.

Он с облегчением вздохнул, когда увидел, что, растянувшись цепочкой вдоль веревки, ребята потащили Коркина к берегу, где по пояс в воде встречала его Вера Алексеевна.

...Целый час сушились на поляне перед водопадом. Мокрую одежду развесили на кустах и камнях. Девочки помогли Коркину разложить для просушки содержимое рюкзака. К счастью, он был крепко затянут, вещи и продукты только чуть подмокли, а фотопленки, за которые больше всего волновался Коркин, оказались совсем сухими.

Сбитнев в одних трусах сидел в стороне ото всех на зеленой лужайке. Он злился на ребят за то, что они восхищались его поступком. Еще он бранил себя за то, что напрасно обругал Галю. Она встретила его на берегу первой и, радостно блестя глазами, протянула руки:

— Ой, Витя, как же это ты решился!

— Ну, что глаза вытаращила? Или не видела! — грубо перебил ее Сбитнев.

У Гали упали руки. Она вспыхнула и отвернулась. Витя и теперь видел перед собой растерянное, сразу как-то осунувшееся лицо девочки. Он исподлобья покосился в ее сторону и с минуту наблюдал за тем, как Галя тщательно протирала платком фотоаппарат Коркина. Надо бы извиниться, но Сбитнев стыдился, не умел и не знал, как это сделать.

— Ты что так насупился? Может быть, ушибся? — подошла к нему Вера Алексеевна, уже переодевшаяся в клетчатую кофту и черные сатиновые брюки.

— Да нет. Я ничего...

— О доме, может быть, беспокоишься? — Вера Алексеевна села рядом со Сбитневым и стала заплетать конец тугой пшеничной косы. — Мать выздоровела?

— Да, уже работает...

— Ты хорошо делаешь, что помогаешь маме по дому, — участливо сказала Вера Алексеевна. — Только не надо особняком держаться. А то ты все «сам» да «сам». Ни с кем, порой, ни считаться, ни советоваться не хочешь.

Сбитнев недовольно засопел.

— Вот и вчера, — купаться пошел самовольно да еще и Коркина с собой сманил.

— Мы и не купались совсем. Просто я захотел лицо сполоснуть, — сразу ошетинился Сбитнев.

— А ведь Олег Шумейкин не пошел, хотя ему, наверное, тоже было жарко. Он ничего без разрешения не станет делать.

«Эх, не знаете вы еще Олега!» — хотел было сказать Сбитнев, но вместо этого насмешливо

пробормотал:

— Поэтому он и Васю не стал спасать. — Сбитнев чуть не сказал, что, вдобавок, Коркин и упало по вине Шумейкина, но спохватился и промолчал.

— Вот за Коркина тебе еще раз спасибо. Здесь ты действовал правильно!

Переплетчик

Высокая лесистая гора защищает село Заветное от холодных северных ветров. У самой подошвы ее белеют два ряда одинаковых, как близнецы, домиков переселенцев. Ниже прячется в зелени садов старая деревня. А еще ниже и до самого города на берегу моря четкими рядами тянутся виноградники колхоза.

С одной стороны села — глубокое ущелье, по дну которого весело бежит маленькая, но быстрая речушка, с другой — начинается густой лес.

Было часов десять утра, когда Матвеев вышел на опушку леса и в полкилометре от нее увидел село. Неподалеку на проселочной дороге стояла старенькая, выдавшая виды полуторка.

Матвеев огляделся по сторонам и пошел в заросли терна, окаймлявшие дорогу. С трудом продравшись сквозь колючие перепутавшиеся ветки, он остановился на маленькой полянке и снял с плеч тяжелую ношу. Сел, неторопливо смахнул с лица рукавом пот и развязал мешок; вынул из него затасканный клеенчатый портфель. Мешок завязал и спрятал под куст, тщательно прикрыв его сверху ветками.

Спустя несколько минут Матвеев остановился перед полуторкой, под которой лежал вверх лицом шофер.

— Что, браток, засел? — участливо спросил Матвеев.

Из-под машины выбрался паренек лет шестнадцати, с рыжей копной волос на голове и с конопатым, измазанным автолом лицом.

— Кардан шалит, — сказал паренек и вопросительно оглядел незнакомца.

— Фаэтон у тебя — что надо! — кивнул, смеясь, Матвеев на ободранную, всю в заплатах машину. — Закуривай! — протянул он пачку папирос.

— Это можно, — солидно проговорил шофер и грязными пальцами, осторожно, как стеклянную, взял папиросу. Он неумело прикурил и с первой же затяжкой до слез закашлялся.

— И давно едешь на ней? — похлопал Матвеев по облезлому капоту машины.

— Два месяца как за рулем. Ее хотели в утиль списать, да я под свою ответственность взял, — сказал паренек подчеркнуто серьезно и с достоинством, которое совсем не вязалось с полудетским выражением его лица. — Председательша наша так и сказала: «Ладно уж: доламывай, Георгий Иванович!» — это, значит, я, Жорка. «Ты, говорит, спец по этой части». А я еще на ней пользу колхозу приношу. Правда, далеко от села нас не пускают, — любовно погладил Жорка выщербленный борт машины, — больше по внутреннему маршруту ходим: конюшня, огород, коровник.

Матвеев только понимающе кивал, потом прищурил глаз:

— А что? Ее еще на ноги можно бы поставить. Наверное, председатель денег жалеет.

— Да не председатель, а бухгалтер Рязанов. У-у-у, какая жила. Первый зажимщик финансов, — оживился Жорка. — На гайку и копейки не выпросишь. Подумайте только! Человек как человек: песни поет красиво, пляшет засмотришься, а стоит о кредите заикнуться — сразу задний ход дает!

Матвеев разочарованно свистнул:

— А я думал подработать у вас: журналы переплести, бухгалтерские документы... Переплетчик я. Выходит, не стоит и связываться?

— Да чего, попробуйте, — неуверенно протянул Жорка.

Он поднял с земли заводную ручку:

— Садитесь, подвезу!

С минуту Жорка усиленно крутил ручку. Машина вздрагивала, скрипела, но не заводилась.

— Я, пожалуй, пешком пойду, — улыбнулся Матвеев.

— Ладно. Я догоню вас, — смущенно ответил Жорка и еще энергичнее закрутил ручку.

Полуторка, наконец, чихнула и скрылась в клубах дыма. Матвеев оглянулся и увидел, что Жорка на четвереньках снова забирается под машину.

В комнате правления колхоза за столами сидели двое: у окна молодая белокурая женщина с темным родимым пятном на щеке что-то писала; в углу, под табличкой «счетовод» — тщедушный мужчина в старомодном пенсне на крупном лиловом носу ловко щелкал костяшками больших канцелярских счетов. Не поднимая от стола своей большой лысой головы, он испытующе скопил глаза на вошедшего Матвеева.

— Вам переплетчик нужен? — подошел к столу счетовода Матвеев и без приглашения сел на стул. — Я из города пришел.

— Из какой артели? — не меняя позы, спросил счетовод.

— «Картонажник».

— Как будем рассчитываться — перечислением или наличными?

— Лучше наличными. Работы много?

— Порядком, дня на три.

— Когда приступать?

— Пожалуй, завтра. Надо еще кое-что подготовить...

За спиной Матвеева открылась дверь с табличкой «председатель». В комнату вошла пожилая женщина. На кофте у нее были орден Боевого Красного Знамени и медаль партизана.

— Аполлон Никитич, сводка готова? — басовито спросила она.

— Готова, — подал счетовод исписанный листок. — Вот, тут переплетчика дня на два-три берем. Куда бы его на квартиру определить?

Председатель бросила взгляд на широкую спину Матвеева, который даже не повернулся к ней лицом.

— Да возьми к себе, Аполлон Никитич. У вас место есть. Или поговори с бухгалтером. Ему, холостяку, все веселее будет.

В коридоре затопали чьи-то быстрые мелкие шажки, дверь шумно распахнулась, и в комнату вбежала раскрасневшаяся, взволнованная Зинка. Как и накануне, при встрече с пионерами-туристами, светлые косички ее задорно торчали во все стороны.

— Где Леонид Захарович? — звонко и смело спросила она, увидев пустой стол бухгалтера.

— Зачем он тебе понадобился? — улыбнулась Елизавета Петровна.

— Нужен по очень-очень важному делу.

Елизавета Петровна вопросительно посмотрела на счетовода.

— В магазин побежал за папиросами. Сказал, что скоро будет, — ответил тот.

Зинка выскочила на улицу. Елизавета Петровна, усмехаясь, покачала ей вслед головой и скрылась в своем кабинете.

Женщина с родинкой на щеке кончила писать, осторожно положила ручку на стеклянную чернильницу и подошла к счетоводу.

— У Елизаветы Петровны в кабинете никого нет? — спросила она.

— Я не дежурный, не знаю, — бросил тот, даже не взглянув на нее.

Женщина подняла брови, виновато посмотрела на Матвеева, как бы извиняясь перед посторонним человеком за нетактичность счетовода, и вошла в кабинет председателя.

Матвеев встал:

— Может быть, покажете квартирку?

В магазине был только один покупатель — бухгалтер Рязанов, красивый, атлетического сложения, светловолосый молодой человек, одетый хорошо и со вкусом. Хорошенькая продавщица Леночка Локтева не сводила с него глаз.

Рязанов, склонив голову, пробежал пальцами по клавишам аккордеона и приятным баритоном пропел:

*Моя любовь не струйка дыма,
Что тает вдруг в сиянье дня,
Но вы прошли с улыбкой мимо
И не заметили меня...*

— Вы все про любовь, Леонид Захарович... Заслушаешься вас, — томно улыбнулась

круглолицая Леночка.

— Вам, Леночка, я петь готов и денно и ночью, — с шутовой галантностью поклонился ей бухгалтер. — Эту штуковину оставьте за мной, — положил он на прилавок аккордеон, — чудесный инструмент. Так и быть — покупаю!

— Сыграйте еще что-нибудь, Леонид Захарович, — попросила Леночка.

— Вечером я вам с удовольствием сыграю, а сейчас дел — под завязку. Тороплюсь! — и Рязанов пошел к выходу.

На пороге его чуть не сбила с ног влетевшая в магазин Зинка.

— Вот он! — выпалила она и обернулась на улицу:

— Митька, сюда!

К дверям подошел как-то боком, придерживая живот руками, мальчишка лет двенадцати.

— Леонид Захарович, — затараторила Зинка в лицо ошеломленному бухгалтеру, — дирижер, Сеня завклубом, в городе, Колька-барабанщик в пионерский лагерь уехал, а у Митьки, нашего трубача, чирей на животе выскочил — надуваться не может. Вот! — показала она на мальчика, который виновато и умоляюще смотрел на бухгалтера.

— Постой, постой, — перебил девочку Рязанов. — Причем тут Колька-барабанщик и его чирей? Ничего не понимаю.

— Как при чем? К нам из города туристы в гости идут. Школьный оркестр встречать должен, а мы не можем... На барабан замену нашли: дед Пахом согласился. Дирижировать я сама буду. А чирей не у Кольки, а у Митьки. И теперь на трубе — некому. Только вы умеете... Попробуйте, пожалуйста, за Митьку.

Рязанов расхохотался.

— Правда, я не такой виртуоз, как Митька, но попробую. Тем более, что дед Пахом согласился. Пошли! Где ваш оркестр?

Зинка просияла:

— Нет, не сейчас! Это потом. Мы вам тогда скажем. Они еще там, в горах идут. В обед, наверное, только доберутся.

Николай Арсентьевич Шарый

Около часа отряд двигался по южному, сильно изрезанному склону горы. Приходилось то спускаться в ложбину, то взбираться на очередной скат. А сколько еще впереди таких горбов?

Немилосердно палило солнце.

Разомлевший Коркин с трудом передвигал ноги, Пот щипал спину. Рюкзак, кажется, потяжелел вдвое. Сказывался второй день пути: все тело ныло от усталости.

— Вася, у тебя болят ноги? — спросила Галя.

— Очень болят!

— И у меня тоже. А вот Оля говорит, — нисколько.

— Хвастает.

— Нет, правда. Она ведь, живет на четвертом этаже, в день двадцать раз туда-сюда сбегает. Вот ноги и оттренировались. Счастливая! — Галя устало поправила за спиной рюкзак. — А мы, как кроты, на первых этажах ютимся.

Коркина и Галю нагнал Сбитнев. Он молча потянул с плеч девочки лямки рюкзака. Галя испуганно обернулась. Она подумала, что это — грубая шутка, но, встретившись глазами с дружелюбным взглядом Сбитнева, послушно позволила снять с себя ношу, только прошептала:

— Зачем, Витя?

— Ладно тебе... Ты же устала? — пробормотал Сбитнев и, забросив ее мешок себе на спину, прибавил шаг. Девочка поспешила за ним.

Галю все ребята в школе считали робкой и тихой. Но она была о себе другого мнения. В душе она чувствовала себя сильным и смелым человеком. Она и делать все могла бы не хуже, а может быть, лучше других. Но только ей всегда не везло: вечно ее кто-нибудь опережал. Взять хотя бы последний сбор отряда, где разговор шел о честности. Только она обдумала свое выступление, совсем чуть-чуть осталось додумать, как поднялся Коркин и сказал почти все ее мысли. А дальше то один, то другой по кусочкам растащили остальное.

Уже потом, после собрания, когда Галя все додумала до конца, она убедилась, что напрасно не выступила. Ведь никто из ребят не сказал, например, что пионер должен быть честным не только перед другими, но и перед самим собой. А этот недостаток есть у многих ребят.

Галя и за собой нашла много нечестных поступков. Вот хотя бы в прошлую субботу: она дала себе слово, не дожидаясь, пока придет с работы мама, убрать всю квартиру. А потом заигралась на улице и, когда прибежала домой, мама уже кончала мыть полы. Значит, Галя сама себя обманула, поступила нечестно.

И Галя решила стать честной во всем. А для этого нужно только следить за собой. Ведь заставила же она себя лучше учиться?

Еще в начале второй четверти в отряде был пионерский сбор на тему: «Воспитание силы воли». Тогда-то Галя и решила испытать свою волю: дала себе слово стать отличницей. Очень трудно было, но Галя добилась своего. Теперь она уже почти догнала Женю Терехову. Осталось исправить две четверки, и она тоже станет отличницей.

Вот что значит сильная воля! А ведь раньше у нее и тройки были.

Галя любила мечтать. В мечтах она делала выдающиеся открытия, совершала самые героические подвиги, какие по плечу только волевым и сильным людям. Галя уважала сильных людей. Вот хотя бы Витя Сбитнев. И воля у него есть, и по силе с ним не сравнишь никого в классе. Потом, раз он что пообещал сделает, а не обманет, как некоторые другие. И руки особенно не распускает. А если кому и надает тумаков, то за дело. И товарища в беде не оставит. Коркина он ведь спас...

Галя долго думала: смогла бы она это сделать? И чем дальше, тем больше убеждалась, что

сделала бы, если бы только Витя не бросился первый в воду и если бы она была такой же сильной, как он.

Ей очень хотелось дружить со Сбитневым, но он с девочками вообще не водился.

Она покосилась на шагающего молча Витю.

Правда, она сегодня сильно обиделась на него за то, что он нагрубил ей у водопада. Но теперь Галя уже простила ему: хороший он товарищ, увидел, что она устала, — и помог.

Галя еще раз взглянула на Сбитнева и решила, что, конечно, и она смогла бы помочь кому-нибудь нести рюкзак, если бы только не так устала.

Они обогнали Шумейкина. Увидев за спиной Сбитнева два рюкзака, Олег лукаво прищурился на Галю. Потом оглянулся и чему-то заулыбался.

Вдруг он споткнулся и захромал.

— Что с тобой? — нагнал его Коркин.

— Ногу подвернул, — скривился Шумейкин.

Коркин сочувственно посмотрел на него, вздохнул и подставил плечо:

— Вешай свой мешок.

Олег охотно отдал рюкзак и несколько шагов шел, прихрамывая.

— Ну, как, легче? — обернулся к нему Коркин.

— Болит, Вася, — поморщился Шумейкин и отстал. За спиной Коркина он скорчил насмешливую гримасу и беззвучно засмеялся. Это заметила Галя:

— Витя, смотри-ка, что Олег придумал!

Сбитнев обернулся, глянул на Коркина, на Шумейкина и остановился:

— Разве Ваську трудно провести? Вот простофиля!

Шумейкин, видя, что на него обратили внимание, опять захромал.

— Брось мешок! — скомандовал Сбитнев, когда Вася поровнялся с ним.

— Кого-чего?.. Зачем? — непонимающе заморгал Коркин.

— Брось, тебе говорят! — Сбитнев сорвал с плеча Коркина рюкзак и швырнул его на землю. — Разжалобился!.. А тебе за такие штучки!.. — замахнулся он на Шумейкина.

— Что там еще такое, Сбитнев? — строго спросила Вера Алексеевна, подходя к ребятам.

— Да ничего! — буркнул Витя и заторопился вперед. Шумейкин подхватил свой рюкзак и побежал за ним.

— О, уже не хромает! — удивился Коркин.

Вера Алексеевна посмотрела вслед Шумейкину, нахмурилась и покачала головой...

— А почему командир не впереди? — раздался вдруг веселый мужской голос. — Здравствуйте!

Из зарослей орешника вышел рослый человек, лет двадцати шести, одетый в серый костюм. У него было приятное, открытое лицо с твердым взглядом карих глаз.

— Капитан Шарый?! — удивленно и обрадованно проговорила Вера Алексеевна, с недоумением оглядывая одежду молодого человека. — Как вы сюда попали? И в таком наряде... Давно увлекаетесь туризмом?

— Со вчерашнего дня. Спешу за вами, как и договорились, — он облегченно вздохнул. — Думал, что уже не догоню. Я шел нижней тропкой. Хорошо, что голоса ребят услышал.

Рядом с учительницей он зашагал вслед за отрядом.

— Спешите за мной?.. — вопросительно взглянула на Шарого Вера Алексеевна и смущенно покраснела. — Как договорились?.. Я, кажется, дорогой Николай Арсентьевич, вам ничего не обещала... Вы что, в отпуске?

— Нет, зачем? Вам же вчера звонили с турбазы?

— Так это о вас? Пойдите, пойдите... — встрепнулась учительница. — Вот хорошо, что я вас встретила. Понимаете, он тоже сказал, что с турбазы...

— Вы о ком?

— О геологе Матвееве. Странный человек... — И Вера Алексеевна рассказала Шарому о вчерашнем попутчике, дословно передала и то, что ей говорил Сбитнев.

— Да, действительно — странный... — протянул Шарый. Лицо его сразу помрачнело.

— Вот что, Вера Алексеевна, знайте: я иду в Заветное от турбазы, — сказал он после минутного молчания, — больше вам обо мне ничего не известно.

Следы в пещере

Большой трехчасовой привал сделали на опушке дубовой рощицы.

— Ну, вот и Заветное видно, — указала Вера Алексеевна вдаль, где возле горы белели домики.

Задымил костер, дежурные принялись готовить обед. Разморенные жарой ребята немного остыли в тени деревьев, а потом пошли бродить по роще, с любопытством осматривая нагромождения известняковых камней, которых здесь было особенно много.

— Будьте осторожны, не подходите близко к камням, — предупредила Вера Алексеевна. — Тут много щелей и провалов, которых иногда сразу и не заметишь. Их засыпает опавшими сучьями и листьями.

Вскоре у костра остались только Шумейкин и Женя Терехова, варившие обед.

Капитан Шарый задумчиво прохаживался между деревьями. Вдруг он услышал испуганный вскрик. Бросившись на голос, Шарый увидел запыхавшуюся от бега Олю Пахомову.

— Галя провалилась! — со слезами на глазах крикнула она.

— Где?

— Вон там, под деревом! — и девочка кинулась бегом обратно.

— Она рвала алычу, — на ходу объясняла Оля. — Вдруг слышу: «Ой!» — и пропала, только ветка качается. Я — «Ай!» и так и села. Прибежал Витя, а я — к вам. Вон она, алыча, — показала Оля на дерево в окружении больших серых камней. — А где же Витя? Значит, и он провалился! — в отчаянии всплеснула она руками.

Но тревога была напрасной. Провал оказался неглубоким. На дне его было много опавших листьев, и Галя не ушиблась. Сбитнев из любопытства тоже спустился вниз, в небольшую пещеру. Там их и нашли.

— Мы думали, что первыми попали сюда, а тут следов много, — разочарованно сказала Галя.

— Каких следов? — спросил Шарый, еще ничего не разбиравший в полутемной пещере.

— А вон кругом, на полу.

Николай Арсентьевич вынул из кармана электрический фонарик и осветил маленькую, с низким неровным потолком пещеру. Пол ее был покатым. У стены стояла лужица воды. Возле нее на мягком сыром иле были видны отпечатки чьих-то ног. Шарый подошел ближе и вдруг наклонился к самой земле.

Он увидел на оттиске каблука подковку. Один край ее был обломан по самый гвоздик, и отпечаток подковки с этой стороны походил на треугольник.

«Кованный каблук! — поразился Шарый. — Так вот, оказывается, куда ты забрался. А мы тебя в городе ищем». Николай Арсентьевич тщательно рассматривал следы, пытаясь определить их давность.

Заинтересованный Сбитнев подошел к склонившемуся над следом капитану. Глаза его загорелись любопытством.

— Знакомый человек, что ли, был здесь? — спросил он, глядя то на следы; то на Шарого.

— Да, кажется, знакомый, — как можно безразличнее ответил тот и, подняв фонарик, снова тщательно осмотрел стены и пол пещеры.

Видя, что Сбитнев продолжает следить за ним, Шарый добавил, кивнув на следы:

— Он, наверное, как и вы, свалился сюда. Я уж думал: нет ли в пещере новых провалов, но, кажется, нет. Значит, он благополучно выбрался. Ну, и нам тоже выходить пора, — взял он разочарованного Сбитнева за плечо.

Николай Арсентьевич помог ребятам вылезти из пещеры и сам поднялся наверх.

После сырого прохладного подземелья здесь показалось еще жарче. Ветра не было, и знойная духота висела над землей неподвижно: на разомлевших деревьях обмякли листья. А расплавленное солнце все проливало на горы потоки своих лучей. Раскаленный воздух над горами был окрашен в розовато-палевые горячие тона, и, казалось, это не цикады, а он, нагоня дремоту, звенел томительно и однообразно.

Оттого, что сухой зной переполнял все тело, обед показался ребятам слишком горячим и безвкусным.

...Отряд снова отправился в дорогу лишь тогда, когда солнце, перевалив на запад, стало остывать и дувшиеся деревья облегченно зашевелили листвой.

Заветное

С самого утра Зинка металась по селу, собирая трубы, барабаны, балалайки и отыскивая музыкантов. Уже в полдень все было готово: инструменты сложены в школе, оркестранты только ожидали сигнала. А отряда все не было. Зинка в сотый раз выбежала на улицу и поглядела в горы.

— Что они там, спят, что ли? — недовольно передернула она сухими плечиками и нахмурила белесые брови. — Тут их ждут не дождутся, а они прохлаждаются.

Наконец она увидела вдалеке цепочку людей и подала сигнал малышам, дежурившим в тени сарая. Те, поднимая голыми пятками пыль, тревожа развалившихся под заборами ленивых от жары собак, с криками понеслись в разные концы села за музыкантами.

Свернув с проселочной дороги на улицу села, пионеры-туристы увидели возле светлого здания школы людей с духовыми и струнными инструментами.

«Что это они собрались на самом солнцепеке?» — только успела подумать Вера Алексеевна, как сборный оркестр, немного вразнобой, ударил марш.

Оркестром дирижировала Зинка. Старательно дул в кларнет подросток в вылинявшей майке. Ему вторили на двух балалайках мальчик и девочка. Позади, надувая щеки, пыхтел в огромный бас паренек с веснушчатым вздернутым носом. Размеренно, с достоинством бил в барабан дед Пахом, маленький сухой старичок с белой, клинышком бородкой. Возле него, наморщив лоб, девочка колотила медными тарелками. Громче и веселее всех выводила мелодию марша труба Рязанова. Она словно смеялась. Смеялись и прищуренные глаза бухгалтера, устремленные куда-то в горы.

На Рязанова, вытянув тонкую шею, замороженно смотрел Митька-трубач. Он машинально раздувал щеки и пальцами перебирал на животе невидимые клавиши. Вдруг Митька охнул и перегнулся пополам, схватившись за живот руками. Проклятый чирей!

Проезжавший на телеге по улице пожилой колхозник остановил лошадь и удивленно сдвинул на затылок фуражку. Две женщины-соседки у водоразборной колонки перестали судачить и заулыбались.

— Ну и Чижик! Огонь-девка! Старика Пахома и бухгалтера Рязанова в оркестр запрягла, — покачала головой одна из них.

Из школьного двора, где уже стоял в тени турбазовский автобус, вышел шофер дядя Гриша. Со всех сторон к оркестру сбегалась деревенская детвора.

Даже нелюдимый, всегда мрачный счетовод Аполлон Никитич и тот высунулся в открытое окно правления. Посмотрел через свое старомодное пенсне и опять склонился над столом.

Путешественники переглядывались с недоумением.

— Так это же нас встречают! Это Зинка, сестра моя двоюродная! — громко сказал Сбитнев.

И уставшие от двухдневного похода, разморенные жарой, пионеры заулыбались, расправили плечи, подтянулись, выравнивая шаг. Даже Тузик, трусивший все время сзади, вдруг вырвался в голову отряда, где шли рядом Николай Арсентьевич и Вера Алексеевна.

Всей гурьбой, хозяева и гости, направились в обширный школьный сад. Здесь, под ветвями высоких акаций, возле ограды решено было установить палатки.

— Вы разбивайте лагерь, а я схожу к председателю колхоза, — сказал Николай Арсентьевич учительнице, снимая свой рюкзак.

В правлении колхоза по-прежнему восседал неприветливый счетовод Аполлон Никитич, напевал что-то над разложенными на столе бумагами Рязанов.

— Кто здесь будет председатель колхоза? — спросил Шарый, закрыв за собой дверь.

Аполлон Никитич исподлобья поглядел на Шарого и промолчал.

— Елизавета Петровна у себя, — указал Рязанов на кабинет председателя и снова замурлыкал.

Николай Арсентьевич постучался и вошел в кабинет, оставив дверь полуоткрытой.

— Крымская детская туристская станция организует в вашем селе пункт сбора юных туристов. Меня назначили заведовать пунктом, — услышали Аполлон Никитич и Рязанов объяснения Шарого.

— Очень приятно. Садитесь, — раздался голос Елизаветы Петровны. — Чем могу быть полезна?

— Вот отношение и смета. Я хотел бы договориться с вами... — снова заговорил Николай Арсентьевич, но счетовод встал и плотно прикрыл дверь. Голоса не стало слышно.

— Видал, какой бугай, а работать не хочет. С ребятишками забавляется. По такой комплектации ярмо бы ему на шею, да в поле! — недовольно проворчал счетовод.

Рязанов коротко рассмеялся:

— И скажет же! Другой и с похмелья такого не придумает. — Он взглянул на часы. — Не пора ли нам, Аполлон Никитич, закруглять свой рабочий день? Я сегодня как именинник хожу: наконец-то приобрел аккордеон. Давно о нем мечтал.

— Так с тебя причитается! — сразу оживились глазки счетовода.

— Само собой. Как водится. Не обмытый он и играть не будет.

В комнату шумно ввалилось четверо колхозников.

— Где голова? — с порога крикнул один из них.

— В кабинете. Занята! У нее важная персона, — ответил насмешливо счетовод.

А в кабинете председателя разговор принял совсем неожиданный оборот. Николай Арсентьевич подал председателю свое удостоверение и тихо проговорил:

— Вам привет от полковника Коркина.

Лицо Елизаветы Петровны осветилось радостной улыбкой.

— Сергея Илларионовича? Давно не виделись. Мы ведь с ним побратимы. В войну он был прикомандирован к нашему партизанскому отряду. На одном деле вместе чуть животы не положили, — начала было она, но туг же перебила себя, бросила взгляд на закрытое окно и заговорила серьезно и озабоченно:

— Очень вовремя пришли, товарищ Шарый! Я только что хотела звонить полковнику Коркину. Сегодня... — она не договорила, дверь кабинета открылась, вошел счетовод и положил на стол председателя исписанный листок бумаги. Бросив неприязненный взгляд на Шарого, он так же молча вышел.

Николай Арсентьевич вопросительно посмотрел на Елизавету Петровну.

— Счетовод наш. Раньше в городе работал бухгалтером. Через слабость к вину был в заключении. О нем как раз и речь...

В гостях

«Куда же она запропастилась?» — вертел во все стороны головой Сбитнев, но Зинки нигде не было. «И правда — как чижик. То крутилась, трещала тут, а когда стала нужна, так фьють — и нет ее», — с раздражением подумал Витя.

Он вынул из рюкзака сверток, приготовленный матерью, положил его в карман и направился мимо палаток к калитке.

— Ты куда, Витька? — окликнул его Шумейкин.

— К родным пойду в гости. Вера Алексеевна разрешила.

Шумейкин без долгих разговоров присоединился к нему.

— Я тоже пойду, — нагнал их Коркин.

— Смотрите-ка на него! Охотник по чужим гостям ходить, — поддел Шумейкин Васю. — Отчаливай, Ягодка!

— Меня Зина сама пригласила, — поднял Коркин глаза на Сбитнева, — обещала показать раннеспелый персик.

Сбитнев только пожал плечами.

Втроем они вышли на улицу. Увидев магазин, Сбитнев свернул к нему.

В магазине он показал на дешевые карамельки в бумажках:

— Дайте двести граммов.

— Подожди, не таких, а вот этих, шоколадных. Мне мама много денег дала, — полез в карман Коркин, но Сбитнев не обратил на его слова внимания. Он подал измятую трехрублевку, получил сдачу и молча направился к выходу.

— Взвесьте и мне триста граммов, но только тех, — попросил Коркин.

Он схватил покупку и выскочил из магазина, думая, что ребята ушли уже далеко. Но Сбитнев и Шумейкин стояли посредине улицы.

— Надо кого-нибудь спросить, где их дом. Я у них никогда не был, а тут еще фамилию забыл, — сказал Сбитнев.

Они медленно пошли вдоль улицы, ожидая встречного. Наконец увидели женщину, которая

несла от колонки на коромысле ведра с водой.

— Скажите, пожалуйста, как мне найти дядю? — злясь на себя и на Зинку, спросил Сбитнев.

— Дядей тут много живет. Какого тебе? — остановилась женщина.

— Дядю Петю.

— А как фамилия?

— Я забыл.

— Вот те раз. Свою фамилию забыл?

— Моя фамилия другая. Это же тетя Маруся, мамина сестра. Еще у них дочь Зинка и сын маленький Колька.

— Кто же это такие? — наморщила лоб женщина. — Кошкарёвы, что ли? Да нет, не Кошкарёвы, у тех все ребята, девок нет...

— Еще наша бабушка Василиса с ними живет, — совсем уже обозясь, сказал Сбитнев.

— Это сказочница-то? Что сказки сочиняет? Так это Бубенцовы, — оживилась женщина. — Ну да, они; и девка у них есть Зинка-юла, Чижиком зовут. Вон их дом, — указала она.

Перед домом Бубенцовых в палисаднике ярким ковром пестрели цветы, к частоколу приткнулась виноградная беседка. Дверь дома была открыта.

На середине просторной чистой комнаты ходил по кругу мальчик лет трех, в бумажной треуголке, с игрушечным ружьем и кастрюльной крышкой в руках.

— А я вам не скажу, что Зинка в питомнике, — остановился он перед ребятами.

— В каком питомнике?

— А в своем, за сараем. Вы только бабушку не разбудите, а то она барабан отберет, — показал мальчик ребятам крышку.

Мимо окна что-то прошумело, и в комнату влетела Зинка.

— О, уже пришли? А я за вами собралась! Знаешь, я где-то секатор потеряла, никак не найду, протараторила она и круто повернулась к Коркину: — Ты чего такой красный? Стесняешься?

— Нет... Два дня на солнце. Обгорел. Вот даже нос щиплет, — потрогал Вася пальцами свой красный блестящий нос.

— Шкура обязательно слезет, как пить дать! Так чулком и сползет. Это уж я точно знаю. У меня этих шкур столько послезало... У-у-у — жуть! Давай я тебе сметаной помажу, — она рванулась в сени и через секунду вбежала обратно. Не спрашивая разрешения, вымазала нос Коркина в белое, отскочила на шаг в сторону, склонив голову набок.

— Красавец! — и без всякой связи опять затараторила:

— Ты знаешь, Витя, я, когда у вас гостила, потеряла «Справочник юнната», совсем почти

новый. Только трех листов не хватало. Теперь, как без рук. Вот здорово, что вы к нам пришли! Я вам такие вещи покажу — ахнете! Колька, зачем бросил на пол крышку! — крикнула она братишке.

Ее руки, ноги, все тело были в непрерывном движении. Обращалась она словно бы и к одному Сбитневу, но круглые голубые глаза ее ухитрились посмотреть на всех троих сразу, причем она одного хватала за рукав, другого подталкивала локтем. А сама подпрыгивала, успевала поправлять льняные косички и звонко смеяться. Говорила она так быстро, что ребята стояли перед ней, не успевая ни вставить слова, ни ответить на ее вопросы. За две минуты она наговорила столько, что другому на полчаса хватило бы. Задала не менее десятка вопросов и, не дожидаясь ответов, тут же рассказала о себе, о маме, о каком-то питомнике и страшно ученом Мишке.

— А ну, пошли за мной! — она устремилась было к двери, потом резким движением метнулась обратно к Сбитневу, тронула сверток в его руках:

— Клади все на стол. Что это такое?

Шумейкин выхватил из рук Коркина кулек и подал его девочке:

— Вот мы тут конфет купили...

— Конфеты? Чудесно! После съедим, — она швырнула кульки на стол и тут же вытащила несколько конфет. На ходу сунула по одной братишке и ребятам, а свою уже разворачивала.

— Бумажки не выкидывать, — Кольке отдадим, а серебряные мне самой пригодятся!

Она бросила конфету в рот, быстро нагнулась к мальчику, сидевшему на полу, молниеносно и ловко смахнула у него под носом, вытерла пальцы о платице, другой рукой сунула куда-то на плиту крышку от кастрюли и шмыгнула в дверь.

Все это она проделала так быстро и ловко, что ребята не выдержали и рассмеялись.

— Вы чего это? — выросла девочка в дверях, раскрыв большие, удивленные глаза.

— Уж больно ты шустро поворачиваешься. Ну, прямо, как вьюн. У нас ты была вроде посмирнее, — сказал Сбитнев.

— Вот те раз — у вас! Там я была в гостях, а тут хозяйка. Здесь иначе нельзя. Делов много. Папа с мамой на работе, а на такое хозяйство семь рук надо: пол подмести, посуду помыть, за Колькой смотреть, курей покормить, за бабушкой ухаживать — она у меня все прихварывает. А тут еще — научная работа... Вот и кручусь. Меня ребята Чижиком прозвали, а причем тут Чижик? Чижи только прыгают да чирикают, а я работаю. Глупые они! — и опять выскочила за дверь.

— Вот смотрите, какие я цветы посадила! — повела она ребят в палисадник. — Верно, хорошо? — и сама же ответила: — Хорошо! Глядите, как пчелка старается, — нагнулась она над цветком, в котором копошилась трудолюбивая пчела. — Из нашего улья, из школьного!

— И много их у вас? — спросил Коркин.

— Три семейства. Дед Пахом нас ин-струк-ти-ру-ет. А он такой знающий! Куда там профессору.

— Ну и скажет же: дед Пахом и профессор... Смешно, — фыркнул Шумейкин.

— А чего смешного?.. — Зинка резко крутнулась и, будто впервые увидев, удивленно оглядела Шумейкина с ног до головы.

— Слушай, как тебя звать, почему ты такой тощий, как школьная указка? — спросила она. — У тебя, наверное, глисты! Ешь больше натошак сырые тыквенные семечки — всех повыгонишь. У нас Лешка-Сучок только этим и вылечился, — без умысла обидеть посоветовала она и задорно тряхнула косичками:

— Чего смешного я говорю? У нас юннаты, знаешь, какую научную работу проводят! К нам из области специально агроном приезжал... Персиком интересовался — Мишка вывел. Вот увидишь, мы добьемся, что нас пошлют в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку!

— Ладно уж, расхвасталась: Мишка, агроном, дед Пахом, выставка, — перебил ее Шумейкин, который все-таки обиделся за указку.

— Не веришь? — метнулась к нему Зинка. — Идем в питомник!

Она потащила ребят за сарай.

— Это наша лаборатория, — открыла Зинка дверь в большую фанерную будку, прилепившуюся к одной из стен сарая.

На полках лежали стопки брошюр, расставлены были стеклянные банки с удобрениями и картонные коробки с названиями семян различных растений. На большом гвозде висели самодельные весы из старых алюминиевых мисок.

— Солидно у вас поставлено, — серьезно сказал Коркин, осмотрев лабораторию.

— А вот это питомник! Отвоевала у мамы. Получила в полное личное пользование, — первой выскочив из будки, пригласила Зинка ребят в небольшой садик, огороженный плетнем.

Здесь было только два старых дерева, а кругом зеленели молодые саженцы, кустился виноград. Почва была рыхлая, хорошо обработанная.

— Мы тут вместе с Мишкой работаем, Жорки-шофера братом. Это наш совместный участок. Мишка, иди сюда! — громко позвала Зинка.

Из-за виноградного куста в дальнем углу сада поднялся плотный круглоголовый мальчик лет двенадцати и несмело подошел к ребятам. У него были рыжие, как у Жорки, волосы, облезлый нос пуговкой и открытые доверчивые глаза с желтой искоркой. Мишка остановился и шмыгнул носом.

— Вы не смотрите, что он такой рыжий и тихий. Он страшно умный! Лучший мичуринец школы. Мы его Тимирязевым называем, — отрекомендовала Зинка товарища.

Мишка снова шмыгнул носом, покраснел и заморгал светлыми ресницами.

— Давай, показывай участок! — потребовала Зинка.

— Ты тут хозяйка, ты и показывай, — медлительным баском, как бы обдумывая каждое слово, выговорил Мишка.

— Вот саженец персика. Мишка сделал ему копулировку от лучшего дерева из своего сада, — с разбегу остановилась Зинка перед молодым деревцом. — А это саженец абрикоса. К нему мы сделали прививку яблони, персика и груши по методу Ментора. Видите, как прижились?

Зинка подбежала к молодому деревцу с густой сочной листвой:

— А вот это — наш любимец. Раннеспелый персик. Мишка вывел! — с чувством гордости проговорила она. — Это им в области заинтересовались. В прошлом году первый урожай сняли. Вот такие вот плоды были, — сложила Зинка два кулака вместе. — А тут вот, видите, виноград: мускат, кокур, ташлы... Мишка, объясняй дальше, я побегу посмотрю, чего там Колька наработал. Его на минуту оставить нельзя: все вверх дном перевернет. Беда с ним, да и только, — всплеснула Зинка руками и исчезла. И как будто бы выключили репродуктор. Стало тихо.

Мишка покраснел, шмыгнул носом и с трудом медленно выговорил:

— Вот вроде и все!

Минуту все молчали.

— А тут что будет? — показал Коркин на небольшую свежевыкопанную продолговатую яму.

— Это для лимонов. В общем, трехлетки из горшков пересадим в грунт.

— А почему этот сад вы называете питомником?

— Это все Зинка. Говорит, раз каждое растение тут наш питомец, значит, это питомник.

— А вот и я! — как из-под земли выросла Зинка. — Так и знала: Колька высыпал соль на пол, а

солонка плавает в поганом тазу. Говорит, что кораблик. Я уж конфеты подальше убрала, — протарахтела она и звонко шлепнула себя по щеке. Мельком взглянув на убитую бабочку, авторитетно определила:

— Плодожорка — вредитель садов, — и повернулась к Мишке.

— Все объяснил?

— Угу, — кивнул тот.

— Это еще что... — снова включилась Зинка. — Вот в школе у нас участок в двадцать раз больше. Там сорок человек нас работает. Я вам покажу ахнете!

Аполлон Никитич и Рязанов вышли из правления. Четверо колхозников, проводив их глазами, уселись на стульях. Минут пять сидели молча. Потом молодой высокий мужчина, тот, который спрашивал голову подошел к двери председателя, постучался и приоткрыл ее.

— Обожди, Катречко, еще минуту, — попросила Елизавета Петровна.

— ...«Ну, — говорит, — подарки начал мне делать разные, а основное, на мою слабость стал нажимать, — что ни вечер, то водку тащит, — продолжала пересказ чьих-то слов Елизавета Петровна, когда дверь вновь закрылась, Я, — говорит, — не отказывался, думал, что он по своей доброте душевной делает это, а вчера он мне свое и выложил: «Что у тебя за жизнь? Не жизнь, а маята одна. Просто коптишь белый свет, а во имя чего? Что ты имеешь в жизни хорошего? Хочешь за один день заработать пять тысяч?» — «Как, спрашиваю, — где?» — «Очень просто, — отвечает. — Ты только будешь помогать в одном деле. Два-три часа работы ломом да лопатой — и деньги в кармане». — «А кто будет платить?» — «Я», — отвечает. — «А ты откуда возьмешь такую сумму?» — Он нехорошо так засмеялся и говорит: «Это не твое дело. Есть люди, которые за такую работу не жалеют денег. Ты скажи, согласен?» — сам смотрит на меня в упор, и из кармана пистолет тащит. Ну, я и дал согласие, а потом прибежал к вам».

Елизавета Петровна откинулась на спинку стула:

— Всю ночь, видать, бедняга не спал. Рассказывает, а сам дрожит. Да оно и верно, задрожешь, когда предложат такое.

— А что делать и где, так и не сказал? — спросил Шарый.

— Нет. Когда будет нужно, говорит, я тебя позову. И все.

— Да-а. Ну что ж, большое вам спасибо, Елизавета Петровна. Мы его давно разыскиваем, — поднялся Шарый, — не буду задерживать. Вас и так люди ждут.

Вечером

— Пещера эта, Витенька, отсюда верстах в пяти, близ Красивого озера. Гиблым местом называют ее люди, — певучим речитативом рассказывала бабушка Василиса — седая старушка с ласковым взглядом живых молодых глаз. Она сидела на кровати, ноги ее были укутаны большим клетчатый платком, который то и дело поправляла беспокойная Зинка, примостившаяся тут же.

Сбитнев устроился на низенькой скамеечке возле кровати.

В комнате горела электрическая лампочка. От самодельного бумажного абажура все кругом было окрашено в зеленоватый цвет. Через трехстворчатое открытое окно в комнату вливался свежий вечерний воздух.

— Много кто хотел узнать, чего она стонет, пещера эта... Какие вернулись — страсть напуганные, а какие в глубину уходили — те совсем не вертались. Этажей в ней неисчислимо. Провалится человек, и нет ему выхода. Вот и Маркел Углов из нашей деревни так и пропал бесследно. Было это, дай бог память, годов пятьдесят тому назад. В девках я тогда еще ходила...

Николай Арсентьевич и Вера Алексеевна шли рядом по улице. У ограды палисадника, перед раскрытым окном Вера Алексеевна придержала Шарого за руку:

— Василиса Егоровна Бубенцова — известная сказительница. Наверное, новую сказку рассказывает, — шепнула она. — Послушаем?

— ...А был Маркел первым красавцем на селе, — говорила старушка, — Силач парень! И грамоту знал. Не одна девка по нем сохла... Вот и поспорь он однажды на посиделках, что проникнет в пещеру и все в ней разузнает. Как пошел, так с тех пор мы его больше и не видели. Неделью искали по всему верхнему этажу, все щели окричали, да где там! Ни слуху ни духу. Выбили на каменной стене крест, на том и память о Маркеле осталась. И никто не знает, где сложил он свои молодецкие косточки.

Бабушка Василиса поправила за спиной подушку, уселась поудобнее.

— А после многие еще пытались ходить в нутро пещеры: и приезжие — туристы всякие и даже ученые.

— Бабушка, а все же почему она воет? Узнали или нет? — спросил увлеченный рассказом Сбитнев.

— Нет, внучек. Так до сего времени и не узнали.

— Может быть, в пещере редкие минералы есть, не слышали?

— Помню, старики сказывали, что на самом глубоком дне пещеры таятся богатства несметные. И стоном отводит пещера людей от клада. Да ведь все это сам народ сочинил, никто этих сокровищ не видел!

— Вот бы побывать там! — завозился Сбитнев на скамеечке так, что она скрипнула.

Его слова насторожили Веру Алексеевну. Посмотрев внимательно на Витю, она медленно пошла дальше по улице.

— Понимаете, Николай Арсентьевич, волнует меня этот подросток. Много противоречий в его характере. Смелый, честный, чувствительный и даже стеснительный, он в то же время замкнут и дерзок. Порой и не знаешь, как оценить его поступки.

— Трудные натуры встречаются в жизни. Особенно в таком возрасте. Очевидно, домашняя обстановка влияет на его характер, — проговорил Шарый.

— Бесспорно! — живо согласилась Вера Алексеевна. — Мальчик растет без отца. Мать всегда

на работе. А у нее — еще двое. Он старший, хозяин в доме. Отсюда — самостоятельность и самоуверенность.

— По вашему рассказу этот паренек мне показался не так уж плох. Из таких ребят, обычно, вырастают хорошие люди, — заметил Шарый...

— Да, если вовремя помочь им стать на правильный путь.

Николай Арсентьевич кивнул в сторону освещенного сельского клуба:

— Зайдемте?

— Может быть, вас одного оставить? — спросила Вера Алексеевна, поняв, что не ради развлечения Шарый хочет идти в клуб.

— Зачем? Неужели я вам так надоел? Я собирался сегодня, если вы не против этого, провести весь вечер с вами.

Только что кончилась лекция, и в клубе еще было много народу. Молодежь быстро сдвинула скамьи и стулья к стенам, освободив середину зала для танцев.

Бухгалтер Рязанов, склонившись к новому аккордеону, выслушивая его, как врач больного, наигрывал тягучий, грустный напев. Густые светлые волосы бухгалтера были гладко зачесаны назад. Только небольшая прядь их упала на лоб, закрывала глаз. Но Рязанов, увлеченный игрой, не обращал на это внимания. Под умелыми пальцами аккордеон плакал и стонал. Вот в грустную мелодию влился торопливый говор. Казалось, кто-то невнятно, захлебываясь, с надрывом стал жаловаться, но основная мелодия вдруг окрепла, налилась силой, смяла, заглушила этот голос и полилась, уже торжествуя и с угрозой.

— Хорошо играет, — остановилась в дверях Вера Алексеевна. Рязанов сидел в окружении разряженных девушек. Возле него стояла продавщица Леночка.

На скамейках у стен чинно восседали, переговариваясь, пожилые колхозники. Среди них дед Пахом; как всегда, недовольный чем-то, подвыпивший Аполлон Никитич и председатель колхоза Елизавета Петровна Фомина.

Из угла просторного зала доносился звук костяшек домино.

— А-а-а-а, наши гости! — увидев Шарого и учительницу, поднялась председатель.

— Я хотела бы узнать, когда ребятам на плантацию? — пожимая руку Елизавете Петровне, спросила Вера Алексеевна.

— Лучше всего, если сможете, часиков в пять — в половине шестого. Нам так сейчас нужна помощь. Роза в самом цвету — много рук требуется.

— С удовольствием поработаем. Это даже входит в план нашего похода.

— Вот спасибо. А на плантации для вас завтра специально будет повар готовить. Деда Пахома выделили. Он у нас кулинар заслуженный. Еще в германскую ротным кашеваром был.

— Вы, Елизавета Петровна, уж очень о нас беспокоитесь.

— Такая у меня должность, — развела руками председатель и повернулась к Рязанову: — Эй, Леонид Захарович! Хватит тебе девчатам душу беречь. Дай-ка что-нибудь веселенькое.

— Всегда пожалуйста! — вскинул голову Рязанов.

Аккордеон вздохнул во всю силу мехов и заговорил бодрым, четким перебором.

Елизавета Петровна, пристукивая каблуками, подплыла к задремавшему деду Пахому:

— Тряхнем стариной, дедушка Пахом. Покажем молодежи, как надо плясать.

— А чаво! — встрепенулся дед и сейчас же молодецки шлепнул треух на скамейку:

— Это мы можем! — дед поправил ладонью свалывшуюся бородку, и, выпятив сухую грудь, попетушину двинулся на плотную, пышущую здоровьем Елизавету Петровну.

Зрители зашевелились, заулыбались. Даже в углу зала на время перестали стучать костяшками домино.

В кругу появилась вторая пара, третья.

Елизавета Петровна и дед Пахом уже стояли у стены. Дед надрывно кашлял, и Елизавета Петровна придерживала его за локоть. А пол клуба гудел под ногами плясунов.

— Эх, сам бы вдарил, да подмены нет! — воскликнул раззадоренный Рязанов.

— Вы же, Леонид Захарович, у нас единственный, — проговорила, играя глазами, Леночка.

— А ну, дайте-ка, попробую! — протиснулся к Рязанову Шарый. Он взял аккордеон и заиграл плясовую.

Рязанов вышел на середину круга, лихо ударил в пол ногой и, отбив замысловатую чечетку, склонился в поклоне перед Верой Алексеевной.

Красивое личико продавщицы Леночки недовольно нахмурилось.

Вера Алексеевна переглянулась с Шарым и, ободренная его кивком, вышла в круг.

Из клуба вывалились дружной ватагой.

— Спокойной ночи, — шепнул Шарый Вере Алексеевне и быстро смешался с толпой.

Окруженный группой парней и девушек, он пошел по середине освещенной луной улицы, на ходу играя бодрый марш. Отстав на несколько шагов. Вера Алексеевна шла сзади до самой школы.

— Кто идет? — услышав скрип калитки, негромко окликнула ее Оля Пахомова.

— Это я, Олечка, — отозвалась Вера Алексеевна. — Как твое дежурство? Сбитнев пришел?

— Пришел.

— Все ребята спят?

— Все. Кто давно уже, а некоторые только что улеглись.

Вера Алексеевна медленно пошла между палатками. Раздался легкий шорох: из крайней палатки выполз Вася Коркин. Он тихонько подбежал к ближайшей яблоне и начал подтягиваться на толстом сучке. Тотчас под деревом появился Тузик, уселся на землю, и, в такт движениям Васи поднимая и опуская голову, стал внимательно наблюдать за хозяином.

Отвернулся угол соседней палатки, высунулась голова Шумейкина.

— Тренируешься? Чемпионом решил стать? — ехидно спросил он.

— Кого-чего? — прыгнул на землю Коркин. — Тренируюсь! Девять раз подряд могу выжать.

— Подумаешь, какая трудность — девять раз подряд подтянуться, — захихикал Шумейкин. — Я, если захочу, пятнадцать жимков сделаю.

— Захочу, — передразнил его Вася. — А ну, захоти, захоти! Попробуй-ка! Я по три раза в день занимаюсь, и то еще плохо получается.

— Так то ж ты, — Шумейкин выбрался из палатки. Он был еще в брюках и ковбойке.

— Учись, как работать надо, чемпион!

Шумейкин довольно легко подтянулся раз, другой но вдруг сорвался и упал на колени. Из кармана его ковбойки выпал и покатился под ноги Коркину круглый камень.

— Что это? — подобрал камень Вася.

— Камень какой-то. Еще днем нашел в горах, — безразлично сказал Шумейкин.

Он поднялся, вынул из кармана электрический фонарик. При его свете Коркин увидел на отбитой части камня разноцветные концентрические круги.

— Так это же агат! Полудрагоценный камень. Молодец, Олег! — воскликнул он.

— Дай сюда! — выхватив агат, Шумейкин спрятал его в карман.

— Что же ты? Перед походом как договорились: все минералы сдавать в коллекцию!

— Так то минералы... А это, ты же сам сказал, — драгоценный камень. Я его маме на брошку подарю.

— Эх, ты, а еще звеньевой! Найден в походе — значит общий, отрядный!

— А ты найди сначала, а потом говори. Что мне твой отряд!

— Вот ты какой!

— А тебе что? Искупался в водопаде — еще хочешь? — пригрозил Шумейкин.

Вера Алексеевна поняла, что ей пора вмешаться.

— Вы почему не спите? — подошла она к ребятам.

Коркин открыл было рот, чтобы объясниться, но Шумейкин опередил его:

— Я, Вера Алексеевна, агат нашел, — вынул он из кармана камень, — думал отдать его Сбитневу в коллекцию, а Коркин хочет забрать себе.

— Кого-чего? Это же неправда!.. Я, наоборот... — возмутился Коркин, но его перебила учительница:

— Я слышала ваш разговор.

Она строго посмотрела на Шумейкина:

— Спать пора!

Шумейкин юркнул в палатку, на ходу пряча агат в карман. Коркин побрел к своей палатке.

Вера Алексеевна задумчиво покачала головой, прислушалась и тихо окликнула:

— Оля!

Девочка подошла.

— Тебе в одиннадцать сменяться, — Вера Алексеевна сняла с руки часы и подала их Оле, — передашь очередному дежурному.

Погасли последние огни в деревне. В лагере юных туристов установилась тишина. Только одинокая девочка прохаживалась между палатками, оберегая сон своих товарищей.

Беспокойная ночь

Полковник Коркин пришел домой часов в одиннадцать вечера, усталый и расстроенный.

— Отец, ты мне дай завтра на день машину, — встретила его Мария Ивановна.

— Это зачем? — нахмурился Коркин, с неудовольствием наблюдая, как жена примеряет перед зеркалом новую шляпку, передергивает ее на голове то ниже, то выше, поправляет перья.

— Надо же навестить ребенка! Нельзя бросать его на произвол судьбы! Мало ли что может с ним случиться!

— Ничего не случится, — хмуро бросил Коркин, — не в Антарктиду поехал. Притом, он не один.

— Вот ты всегда так, — отвернулась от зеркала Мария Ивановна. — У тебя единственный ребенок и такое к нему равнодушие. Он не один! — повысила она голос. — Этого я больше всего и боюсь. Там, знаешь, какое хулиганье! Или ты хочешь, чтобы и твой сын стал тоже хулиганом?

Она опять повернулась к зеркалу и занялась шляпкой.

— Ты, мать, всегда преувеличиваешь. Не может весь класс состоять из одних хулиганов. Да и наверняка таких там нет. Наоборот, коллектив воспитывает мальчика.

— Уж лучше бы он сидел дома, не болело бы мое сердце, — жаловалась Мария Ивановна. — Устанет, мозоли натрет...

— Здоровее будет! Ты совсем хочешь парня испортить! Где ты раскопала эту старомодную

шляпу с такими крикливыми перьями? — не выдержал, наконец, Коркин.

— Как старомодную? — начала было Мария Ивановна, но Коркин только махнул рукой и направился к спальне.

— Так дашь машину?

— Машина занята!

— Всегда так. У тебя никогда не допросишься. Вот Анна Ивановна и в ателье, и на пляж, и куда хочет ездит, а чем я хуже нее? — обиженно заморгала Мария Ивановна.

— Я тебя уже просил на эту тему никогда не заводить разговора, — резко проговорил Коркин и, войдя в спальню, закрыл дверь.

Побаливала голова, все тело ныло какой-то нудной ломотой. Разговор с женой еще больше расстроил возбужденные за день нервы.

Беседа с железнодорожниками ничего не дала. Нарушитель, вышедший прошлой ночью из моря, успел скрыться. Второй нарушитель за три месяца! А тут еще этот неуловимый Сыч! Знать бы хоть цели врага. Предположение лейтенанта Садыкова так и осталось пока только предположением...

Коркин быстро разделся и лег, надеясь хорошенько выспаться.

Но это ему не удалось. В четыре часа ночи на машине подъехал майор Силантьев.

Взглянув в оживленное, повеселевшее лицо майора, полковник тотчас забыл об усталости и головной боли.

— Кажется, выходит по-вашему, — сообщил Силантьев.

Пока ехали в машине, майор рассказывал:

— Только что получили сообщение от капитана Шарого. Оказывается, он уже видел Сыча своими глазами. Сыч пытался завербовать одного колхозника. Об этом Шарому сообщила ваша знакомая, Фомина. Потом недалеко от Заветного в пещере Шарый обнаружил следы Кованого каблука. И, самое главное, вместе с туристской группой вчера днем шел некий Матвеев с большим грузом. Очевидно, боялся идти кружным путем по оживленной дороге и пошел напрямик через перевал. Вечером вместе с одним из пионеров-туристов он поднимался на гору, видимо, для того, чтобы сориентироваться на местности. Потом без предупреждения исчез. Все это и вызвало подозрения у руководительницы группы, и она рассказала Шарому о странном поведении Матвеева.

Машина остановилась. Когда оба вошли в кабинет, Силантьев продолжал:

— По описанию внешности, какое дал Шарый, в этом Матвееве мы узнали Завьялова; он один только сумел тогда ускользнуть от нас при разгроме операции «Шпилька». Так что наивная, на первый взгляд, мысль Садыкова, с которой, сознаюсь, до последнего времени я не мог в душе согласиться, может оказаться правильной.

— Парфюмерия?.. — скупой улыбнулся полковник, — Что предпринял капитан Шарый?

— Сообщает, что не сводит с Сыча глаз.

Полковник поднялся:

— Сейчас же звоните, чтобы усилили охрану плотины.

На посту

В спящей деревне разноголосно перекликались петухи. Перед палатками, поеживаясь, прохаживался Шумейкин. Он боязливо косился на безмолвный сад, на темные кусты за палатками, которые напоминали затаившихся животных.

Время от времени Олег включал фонарик, но когда он гас, темнота вокруг сгущалась еще больше, и становилось страшнее. Особенно пугало, что кругом стояла такая глубокая тишина, будто все вокруг умерло.

Набежал ветерок, поиграл листьями деревьев и затих.

Вдруг откуда-то издалека донесся глухой, протяжный звук. Он напоминал тяжелый вздох или стон больного. Шумейкин остановился, прислушался, Думая, что стон ему почудился. Но вот звук повторился со стороны гор яснее. Несомненно, кто-то стонал.

По спине у Шумейкина побежали мурашки. Он подошел ближе к палатке и замер. Минуту стоял, не шелохнувшись. Потом боязливо огляделся, поднял руку к лицу и при свете луны осторожно покрутил часы. Улыбнувшись, бойко отвернул брезентовую дверь палатки:

— Эй, ты, Ягодка, вставай! Два часа уже! — толкнул он ногой спящего Коркина.

Вася спросонья завозился, шурша соломой, потом, видимо, вспомнив, где он, быстро вскочил и поспешно оделся.

— Держи! — сунул ему в руки часы Шумейкин. — Да не разбей смотри, разиня! — и шмыгнул в палатку.

Коркин сладко зевнул, протер глаза кулаками и сонно огляделся по сторонам.

...Час дежурства пролетел незаметно. По-прежнему перекликались горластые петухи, да изредка тявкали спросонья собаки, и опять наступала тишина.

Коркин уже несколько раз подтягивался на сучке яблони, приседал попеременно то на одной, то на другой ноге, становился на голову, придерживаясь за траву, пытался даже делать стойку на руках, но всякий раз кулем сваливался на землю.

Заметно прояснилось. Небо над горами заалело.

Коркин взглянул на часы, подошел ко второй палатке, отвернул угол брезентовой двери и склонился над спящей Галей Пурыгиной: она должна сменить его. Луна освещала лицо девочки. Галя во сне чему-то улыбалась. Коркин постоял немного в нерешительности, потом, взглянув еще раз на девочку, тоже улыбнулся и тихо отошел в сторону. Он решил еще раза три повторить весь комплекс своих упражнений.

...Кое-где в окнах появился свет. В темноте за домами раздались первые голоса. Возле правления колхоза заурчал мотор машины. Деревня просыпалась. А Коркин все прохаживался перед безмолвными палатками.

Когда стрелка часов показала четверть пятого, Вася прокричал подъем.

Утро

Автобус, переваливаясь с боку на бок, задевая ветки деревьев, взбирался все выше и выше в горы.

Стало почти совсем светло. На одном из открытых поворотов Вера Алексеевна попросила шофера остановить машину. Ей хотелось показать ребятам восход солнца. Сама она всегда с волнением любовалась этим прекрасным зрелищем, ради которого не раз поднималась на вершину Ай-Петри.

Пионеры высыпали из автобуса и столпились на краю дороги. Отсюда сбегал вниз почти отвесный спуск. Там, глубоко, сквозь туман еле различимо виднелась деревня. А за ней далеко-далеко распласталось море.

Все кругом было затянуто холодной синеватой пеленой. Только небо с вылинявшими на востоке звездами теплое, розовело, золотилось тем ярче, чем ниже к горизонту. Над самой водой светилась тонкая красная нить. Свинцово-серое море казалось твердым: кинь камень — отскочит.

Кругом стояла неподвижная тишина.

Постепенно алая нить набухала, теперь уже она была похожа на гигантский мазок огненно-красной акварели, положенный неведомым художником. Мазок все больше разгорался, и вот из воды показался краешек сверкающего солнечного диска. Быстро, как на театральной сцене, диск выползал вверх, словно кто выталкивал его снизу, рос, накалялся так, что глазам

становилось больно смотреть, и вот, наконец, расплавленным червонным золотом брызнули первые солнечные лучи.

— Ура-а-а! — закричали ребята, приветствуя рождение нового дня.

— Смотрите! Смотрите, как разбегаются лучики! — захлопала в ладоши Оля Пахомова.

Ярко озарились вершушки гор. Желтая полоса света быстро спускалась вниз по склонам, растворяя холодную туманную пелену. Все вокруг окрашивалось в праздничный золотисто-оранжевый цвет. Солнце оторвалось от горизонта и, кажется прекратив движение, повисло над водой.

Море преобразилось, заиграло светлыми, нежными красками, заискрилось, заплескалось о песчаный пологий берег.

Разрезая наискосок волны, от берега уходили в море на белужий лов три рыбацких баркаса.

...Плантация розы была разбита в неглубокой долине. Автобус проехал мимо поля, засаженного табаком, и остановился возле большого навеса у дороги.

Высокие пышные кусты розы, усыпанные цветами, разливали приторно пряный аромат. Там и тут мелькали цветные косынки, соломенные шляпы, фуражки, медленно двигаясь по рядкам меж розовых кустов.

Не успели ребята выйти из автобуса, как к навесу, дребезжа, подкатила полуторка Жорки. Из кузова первой выпрыгнула Зинка.

— А вот мы вас и догнали, — подскочила она к Сбитневу. — Мы с Мишкой прибежали в сад, а вас уже и след простыл. Хорошо, что Жорка подвернулся. Мы будем работать в вашей бригаде. Ладно? Мишка, иди сюда!

Из-под навеса вышла Елизавета Петровна. Увидев ребят, она крикнула в сторону плантации:

— Фрося, расставляй людей, — и направилась к Вере Алексеевне.

— Сегодня выходной. На воскресник, видите, сколько народу прибыло. С такой армией мы часа за три управимся, — улыбнулась она и взглянула на часы: — А вы даже раньше времени приехали.

— Почему? Точно в пять, как и договаривались, — посмотрела Вера Алексеевна на свои часы.

— Нет, сейчас только половина пятого. Они у вас на полчаса торопятся. Да и по солнцу видно...

— Удивительно... — подняла брови Вера Алексеевна и перевела стрелки часов. — Никогда с ними такого не случалось.

Стоявший поблизости Шумейкин бочком попятился от учительницы, наскочил на Зинку и столкнулся с шофером.

— Ты чего это, Олег, как краб, боком лезешь? — придержал дядя Гриша за плечи мальчика.

— Фуражку забыл... в автобусе, — нашелся Шумейкин и вскочил на ступеньку машины.

Дядя Гриша рассмеялся:

— Вот чудак! Фуражку ищет, а она у него на голове...

Звеньевая Фрося, бойкая, подвижная девушка, расставила ребят по рядкам. Около автобуса остался только дядя Гриша. Он покопался в моторе, что-то почистил, подкрутил и закрыл капот.

— Здравствуйте, Григорий Ильич, — подошел к нему Жорка. — Как ваш голубой экспресс в горах себя чувствует?

За сутки Жорка успел подружиться с неторопливым шофером из турбазы.

— Ничего, бегают.

— Красавец! — с детской завистью окинув взглядом автобус, вздохнул Жорка и погладил ладонью никелированную фару.

Дядя Гриша снисходительно улыбнулся:

— А твой примус как, коптит?

— Да нет. Зачем коптит? Вот карбюратор вчера маленько капризничал, так я вмиг профилактику сделал! Сейчас мы на полном ходу.

От навеса отъехала машина, груженная круглыми металлическими баками с лепестками розы.

Дядя Гриша проводил машину взглядом и закрыл дверцу автобуса:

— Ну, что ж, пойдем поможем? — кивнул он в сторону плантации.

— Не могу, Григорий Ильич, — развел руками Жорка, — розу на завод транспортировать надо. Особого распоряжения жду.

— Ну, ну. Коль имеешь такую команду — жди, — согласился, дядя Гриша и пошел к сборщикам розы.

Ребята двигались по междурядьям, переходя от куста к кусту. Коркин долго не мог привыкнуть к непривычной работе. То обрывал цветок только с одного бока, то ронял нежные лепестки на землю и, косясь на ребят, торопливо подбирал их.

Первое время он вздрагивал при каждом уколе шипа, потом пересилил себя и не стал обращать на это внимания. Он старался не отставать от товарищей и с завистью и уважением поглядывал на Зинку.

«Как она быстро управляется», — думал он. Девочка шла уже шагов на десять впереди всех.

А Зинка словно и не работала, только пританцовывала вокруг каждого куста и тараторила без умолку:

— Знаете, мы розу теперь будем возить на новый завод. Говорят, большой-большой. Я там еще ни разу не была...

Она то и дело оборачивалась к ребятам, жестикулировала, не переставая в то же время быстро и ловко обрывать лепестки.

— А знаете, чтобы получить килограмм розового масла, надо собрать полторы-две тонны лепестков, — крикнула она и тут же добавила:

— Вы хоть побыстрее идите, а то мне совсем даже не с кем будет разговаривать.

К Вере Алексеевне, работавшей вместе с ребятами, подошла звеньевая Фрося:

— Товарищ учительница, нам бы двоих ребят на отнoску лепестков.

Вера Алексеевна выпрямилась:

— Виктор, ты пойдешь, — сказала она Сбитневу, потом задержала взгляд на Шумейкине. Тот с надеждой смотрел на учительницу, и она, помедлив, добавила:

— Ну, и ты, Олег!

Шумейкин охотно побежал вслед за звеньевой. Его совсем не радовала работа на этих колючих кустах.

Под навесом, куда Сбитнев и Шумейкин принесли первую корзину лепестков, стояла Елизавета Петровна. Она делала карандашом какие-то пометки в потрепанном блокноте. Возле нее переминался с ноги на ногу Жорка.

— Так как же, Елизавета Петровна, можно? — тянул он, умоляюще глядя на председателя. — Я полночи профилактику делал, всю схему проверил. Хотите, при вас заведу?

— Знаю я твою таратайку, — отмахивалась от него Елизавета Петровна. — Тебя в поле с навозом пошлешь, и то душа болит. А тут груз-то какой чистое золото! — она повернулась к Сбитневу и Шумейкину.

— Вы, ребята, корзину вот сюда, в тень, подальше от солнца ставьте, — указала она под стену,

на которой висело несколько фонарей «летучая мышь».

Вскоре вдоль стены под навесом выстроилось в два ряда более десятка корзин.

Шумейкин недовольно сопел. Оказывается, эта работа ничуть не легче. Витька чуть не бегом таскает корзины, и ему приходится бегать. «И чего Сбитнев из кожи лезет?» — думал он, но помалкивал, зная крутой нрав товарища.

На плантации звеньевая спросила их:

— Много уже корзин набралось?

— Штук четырнадцать-пятнадцать, — вытер Сбитнев вспотевший лоб.

Фрося озабоченно посмотрела на дорогу и вслед за ребятами пошла под навес.

— Отправлять розу надо бы, — сказала она председателю. — Масло теряется! А машина с завода еще не скоро вернется. Не рассчитали мы с транспортом.

— Елизавета Петровна, ну чем не транспорт?! — ударил себя в грудь кулаком Жорка. — Честное комсомольское, вмиг доставлю! Вот увидите!

Фрося испытующе поглядела на полуторку:

— Может, правда, попытаемся, Елизавета Петровна? Сейчас одной машиной все равно не управиться. Людей-то вон сколько. Прямо в корзинах и отправим. Накроем сверху брезентом, и все, — она взглянула на Жорку. — А в случае если застрянет — перегрузим. Несколько ребят с ним пошлем.

Жорка просиял всем своим конопатым лицом:

— Елизавета Петровна, я со всей ответственностью... — воодушевился он, но председатель не дала ему договорить:

— Ладно, мучитель ты мой. Поезжай! Но если и на этот раз застрянешь сразу же в утильсырье твою таратайку сдам.

— Да я!.. — радостно вскрикнул Жорка и, не договорив, бросился к своей машине.

Стонущая пещера

Через полчаса машина бодро бежала под гору неровной лесной дорогой. Сбитнев, Зинка и Шумейкин сидели в кузове, поминутно кланяясь ветвям, которые то и дело хлестали по кабине.

Когда машина отъехала километра два от плантации, под брезентом, между корзинами что-то завозилось и заскулило.

— Тузик? Как он сюда попал? — удивились Сбитнев и Зинка.

Шумейкин принял ногу, и из треугольной щели между корзинами выкатился лохматый комочек.

— Кто его посадил в машину? — нахмурился Сбитнев.

— Я... Пускай прокатится, — отвел глаза Шумейкин.

— Ты не крути. Ты что задумал? Завезти решил собаку, Ваське насолить? — возмутился Сбитнев.

— И ничего я не задумывал. А вообще от этой скотины никакой пользы, только под ногами путается...

— А от тебя какая польза!? — вскипела Зинка. — Тузик, Тузинька, иди сюда! — погладила она собачонку.

— Ты мне головой ответишь за каждый волос с Тузика! Понял?! — прикрикнул Сбитнев на притихшего Шумейкина.

...В кабине, сосредоточенный и торжественный, Жорка всей грудью налегал на руль, стараясь удержать прыгающую на камнях и скрипящую во всех суставах машину. Рядом с ним трясся на сиденье Мишка.

Жорка знал, что по этой глухой дороге почти не ездят, но, соблюдая правила, он перед каждым поворотом сигналил. Лес оглашало простуженное сипение, тревожа дремавшего у Зинки на коленях Тузика.

Жорка поглядывал на брата глазами, в которых сияли гордость и торжество.

Вскоре лес поредел. Дорога прямой линией пересекала большую поляну. Жорка отпустил тормоза, и машина побежала быстрее.

— Ну как, братан, идем? — спросил Жорка. Сквозь напускное равнодушие на его лице проступила самодовольная улыбка.

— Ничего, подходяще, — медленно выговорил Мишка. Шмыгнув носом, он подпрыгнул и клацнул зубами: колесо машины наехало на камень.

— Вот то-то, — произнес довольный Жорка. — А Елизавета Петровна все сомнева... — он не договорил. Сзади раздался выстрел.

— Сели! — испуганно округлил глаза Мишка. Жорка яростно нажал на тормоза.

Сбитнев и Зинка соскочили с покосившегося кузова и склонились над осевшим скатом.

— Вот беда! С Жоркой всегда так — известный аварийщик, — тряхнула косичками Зинка.

Сбитнев с трудом вытащил из покрышки большой согнутый гвоздь и подал его подбежавшему Жорке:

— Вот!

Тот повертел в руках злополучный кусочек металла и в сердцах швырнул его на землю:

— Из-за ржавого гвоздя авторитет теряю! И надо ему обязательно меня найти.

— Что же теперь делать? — спросил Шумейкин, спрыгнув на землю.

— Што-што... — сердито передразнил его Жорка. — Мишка, тащи домкрат!

В кузове машины заскулил и заскреб когтями Тузик. Зинка спустила его на землю:

— Иди, лохматенький, побегай пока.

Тузик радостно взвизгнул, понесся кругами по поляне и скрылся в кустах.

Жорка сплюнул, почесал под фуражкой затылок, осмотрел скат.

— Может, чем помочь? — предложил Сбитнев.

— Сами справимся! Из вас помощники...

Жорка кипел от досады. «Так хорошо начал рейс, и вот тебе! Теперь Елизавета Петровна нипочем не доверит», — горевал он.

«Ну и ковырайся сам», — обозлился Сбитнев и отвернулся.

Он осмотрелся по сторонам и стал подниматься на холм за дорогой. Зинка и Шумейкин догнали его.

— Ты не обижайся на Жорку, — примирительно заговорила Зинка, — Он вообще у нас хороший. И полуторку свою ужас как любит. Первое время, когда машину списали, — даже спал в ней. Чтобы другие шофера части не растащили.

— Любит, а ругается, — вставил Шумейкин.

— А ты молчи, подлиза, — прикрикнула Зинка.

Олег вскинул на нее сердитые глазки, покосился на Сбитнева и смолчал.

Утреннее солнце щедро заливало все кругом ярким светом. Прямо перед собой ребята увидели опушку густого леса. Над шапками деревьев подымалась огромная двугорбая гора.

Внизу слева были видны море и далекий город на его берегу.

На дороге взметнулась желтоватая пыль. От порыва внезапно налетевшего ветра затрепетали, зашумели листвой деревья. И опять стало тихо.

«Дождь, что ли, будет?» — подумал Сбитнев и поглядел вверх. Но небо было чисто.

Вдруг окрестность огласил глухой и низкий стон. От неожиданности ребята вздрогнули.

— Что это? — изменился в лице Шумейкин. Он тотчас вспомнил, что слышал похожий звук ночью, во время дежурства.

— Пещера воет, — таинственно прошептала Зинка.

— Где она? — сразу встрепенулся Сбитнев.

— Да вот же, вот! Видишь? — указала девочка на двугорбую гору с темным зевом пещеры на крутом склоне.

Глаза у Сбитнева загорелись. Он оглянулся на дорогу. Жорка, лежа на боку, крутил ручку подъемника. Мишка вытаскивал из-под сиденья запасную камеру.

— Пойдем, посмотрим? — заговорщически сказал Сбитнев Зинке и кивнул вниз, на машину: — Они еще с полчаса провозятся. А мы только туда и обратно. Тут метров триста всего.

— Что ты! — всплеснула руками Зинка. — Это гиблое место! Что бабушка говорила?

— Тоже еще... Подумаешь, бабушка сказала, — иронически протянул Шумейкин. Он вызывающе вскинул голову:

— Пойдем, Витя, одни. Не слушай ее!

— Не надо, слышите! — выскочила вперед Зинка, загораживая путь к горе.

— Ладно тебе... Ну, посмотрим с краю и обратно. Что же тут страшного? — возразил Сбитнев и направился к лесу.

— Упрямый же ты, как Фенька — дяди Егора коза, — засеменила рядом с ним Зинка. — Та как заберется на синюю скалу за домом, ничем ее оттуда не сгонишь. Орет, а не слезет. А то возьмет еще да вниз свалится, в ущелье. Сколько раз ее из речки вытаскивали.

— Можешь оставаться, — пренебрежительно сказал совсем осмелевший Шумейкин.

— Ты лучше замолчи, пока я за тебя не принялась! — крутнулась к нему Зинка. — Еще нос задирает. Боевой какой! А то я из тебя быстро перышки повытрясу.

Шумейкин посмотрел в спину Сбитнева, ожидая поддержки, но тот шагал молча.

Лесом ребята подошли к подножию горы. Метрах в тридцати вверху в каменной стене зияла черная дыра. По склону громоздились огромные ноздреватые глыбы известняка. Сбитнев первый стал пробираться между камнями наверх.

— Только в глубину не ходить. Уговор? — крикнула Зинка.

— Ладно уж, давай руку, — обернулся Сбитнев.

Ребята забрались на плоскую площадку перед входом и остановились передохнуть.

Лесистое нагорье полого спускалось к морю. На берегу раскинулся город, а ближе виднелись

домики Заветного.

— Вон он, комбинат, на который мы едем! — указала Зинка на белые корпуса цехов на окраине города.

— Витя, посмотри, какое большое озеро! Вот бы покупаться, — вскрикнул Шумейкин.

Зинка и Сбитнев увидели километрах в двух от себя продолговатую извилистую ленту воды между горами. Спереди воду подпирала высокая подковообразная плотина, от которой, извиваясь, мимо Заветного шло глубокое черное ущелье прямо на город.

— Там купаться не разрешают. На плотине всегда охрана ходит, ребят прогоняют, — ответила Зинка.

Ребята повернулись к пещере. В нее вело два входа. Один был широкий, почти круглый, другой чернел изломанной вертикальной щелью.

Пахло сыростью и холодом. Войдя в пещеру, ребята сделали несколько шагов и остановились. После яркого дневного света трудно было что-нибудь рассмотреть.

— Может, хватит? — нерешительно проговорил Шумейкин, робко оглядываясь по сторонам.

Никто не ответил. Ребята с трудом разглядели впереди гигантский подземный зал с высоким потолком.

— Гляди! — толкнула Сбитнева Зинка. На стене чернел грубо выбитый крест. Под ним крупно славянскими буквами в три строки были выдолблены слова: «Маркелу Углову. Вечная память земляку. 1893 год».

Оцепеневшие ребята с минуту стояли молча перед надписью.

«Так вот оно, это гиблое место!» — Сбитнев взгляделся в сырой мрак пещеры. Что же скрывается в глубине этого страшного подземелья? Он еще раз прочел давнюю полустертую временем надпись и вдруг ниже ее увидел другую, сделанную поблекшим суриком. Витя подошел ближе и с трудом разобрал:

«1909. Апрель. Член географического общества И. С. Закатов. Погиб при обследовании».

— Как здесь страшно, — шепотом проговорил побледневший Шумейкин. Зинка только крутила во все стороны головой.

— Что же тут страшного? — нарочито громко сказал Сбитнев, и сейчас же огромный подземный зал загудел. Витя нарочно кашлянул, зал снова ответил гулом.

— Давайте, оглядим все хорошенько, — предложил Сбитнев. — Может, еще какую-нибудь надпись найдем.

Ребята стали внимательно осматривать глыбистые стены. Там и тут попадались имена, какие-то цифры, инициалы и отдельные буквы, написанные мелом или нацарапанные чем-то твердым. Стены рассказывали о людях, посетивших это дикое подземелье в различные годы.

В одном месте на гладком куске стены ребята увидели расплывшуюся от сырости фиолетовую надпись, сделанную чернильным карандашом: «Тут были Вентерев, Мятин, Ковалева, Шумаков. Июнь 1948 г.» В другом месте «Вася+Зина». Крупные неровные буквы были написаны копотью:

— Вот еще какая-то Зинка тут была, — уже без робости сказала Зинка.

— А это что? — остановился Шумейкин. Зинка и Сбитнев подошли к нему и увидели еще одно

выскобленное в камне страшное повествование: «8 августа 1913 г. Михаил Скопцев ушел и не вернулся. Ждали 5 дней». Внизу надпись: «Друзья».

— Что же это такое? Сколько людей тут сгинуло? — растерянно, шепотом проговорила Зинка.

Сбитнев недовольно покосился на нее и спросил Шумейкина:

— У тебя, Олег, фонарик с собой?

— Тут, — ощупал Шумейкин карман, — а зачем?

— Ты что еще задумал? — встревожилась Зинка.

— Ничего особенного. Посмотри, наверху сталактиты какие. Посветить бы.

Глаза ребят уже свыклись с темнотой, и теперь они могли видеть в полумраке уходящий вдаль неровный пол пещеры, заваленный камнями, и мрачные своды зала с множеством трещин и натеков. С потолка свисали сталактиты. Вернее, это были остатки сталактитов, желтевшие на потолке, как потухшие бронзовые люстры.

Сбитнев направил луч фонарика вверх — и желто-бурые камни ожили. Стекловидные кристаллы кальцита на изломах засверкали красными, желтыми, синими блестками.

— Ох, красота какая! — восхищенно вскрикнула Зинка.

— Вот бы отломать и домой отвезти! — забыл о своем страхе Шумейкин.

Незаметно, шаг за шагом, ребята продвигались в глубь пещеры. Внезапно зал окончился. Из него в гору вели снова два хода. Справа зияла широкая черная пасть коридора, уходящего вниз, слева высокий и узкий проход круто сворачивал в сторону.

«Эх, жаль, что возвращаться надо. Машину, наверное, уже починили», подумал Сбитнев, а вслух сказал:

— Что особенного в этом зале? Тут всякие Васьки плюс Зинки уже давно побывали. — Он заглянул в коридор: — Вот обследовать бы там все. Узнать, что там есть! Отчего пещера стонет!

— Что ты! Жить тебе надоело? Возвращаться надо! Бабушка говорила, что это души погибших стонут, — запротестовала Зинка и оглянулась на выход, за которым сиял яркий дневной свет.

Шумейкин и Сбитнев тоже повернулись к выходу. Вдруг откуда-то из темноты подземелья, давя к земле и оглушая, раздался чудовищный звук. Казалось, это какое-то гигантское животное издает предсмертный стон.

Шумейкин испуганно метнулся в сторону и внезапно, вскрикнув, исчез.

От неожиданности Сбитнев и Зинка замерли. Опомившись, оба кинулись туда, где секунду назад стоял Шумейкин. В полу возле стены они увидели неширокое отверстие провала, которое полого спускалось вниз. Сбитнев склонился над провалом.

— Олег, где ты? — крикнул он громко и вздрогнул от мысли, что ответа не будет. Но сейчас же снизу донесся дрожащий голос Шумейкина:

— Я тут!

Обрадованный Сбитнев, согнувшись, стал осторожно спускаться по скользкому стволу.

— Витя, погоди! Надо веревку достать. Так опасно! — заволновалась Зинка.

— Давай посмотрим сначала. Может быть, Олег недалеко, тогда и веревки не нужно.

— Поймай, я сзади буду ползти и на всякий случай тебя придерживать.

Зинка ухватила Витю за ремень, и они сделали несколько шагов, цепляясь за мокрые стены. С темных камней, свисавших над головами ребят, капала вода.

— Олег, выбирайся к нам! — крикнул в темноту Сбитнев.

— Не могу... Не вижу ничего.

Ребята прошли еще немного. Спуск стал круче.

— Осторожнее, Витя, не поскользнься, — сказала Зинка.

— Ты стой здесь. Не двигайся, — распорядился Сбитнев. — Я еще немного спущусь, и если так же круто...

Зинка вскрикнула. Поскользнувшись, она сбила с ног Сбитнева, и они оба, проехав на боку по скользкому полу, упали на грязное дно подземелья.

Пахло гнилым деревом. Где-то рядом всхлипывал Шумейкин. Сбитнев вскочил на ноги, ощупью помог подняться Зинке.

— Ты не ушиблась?

— Нет, — ответила она растерянно.

Витя в полумраке увидел скорчившегося Шумейкина.

— Разбился?

— Ногоу зашиб.

— Идти можешь?

— Не знаю. Колено болит.

Сбитнев помог Шумейкину подняться, ощупал его ногу. Тревога была напрасной, нигде никаких повреждений не было.

Убедившись, что никто не пострадал при падении, Сбитнев облегченно вздохнул и осмотрелся, но кругом было темно, только лица Зинки и Шумейкина слабо различались, освещенные каким-то верхним светом. Только тут Сбитнев сообразил, что потерял фонарик. Падая, он цеплялся за камки и выпустил его из рук. Теперь фонарик остался где-то наверху. Сбитнев поднял голову и метрах в пяти над собой увидел отверстие, через которое они проникли сюда. Фонарик лежал на середине спуска и светил в потолок узкой пещеры, поэтому-то и можно было кое-что разглядеть. Отлогий спуск заканчивался на высоте примерно трех метров обрывом.

— Что же теперь будет? — всхлипнул Шумейкин.

— Надо кричать. Может быть, Жорка придет, — неуверенно сказала Зинка.

— А ну-ка, давай, становись мне на плечи, — нагнулся Сбитнев, постараемся выбраться.

Зинка вскарабкалась на плечи брата, пошарила по скользкой отвесной стене руками:

— Не достаю.

— Там есть хоть за что уцепиться?

— Ничего нет. Кругом гладкий камень, — девочка спрыгнула вниз.

Некоторое время они молча смотрели вверх. Потом Сбитнев решил сам проверить стену, найти хоть какую-нибудь трещину или выступ, за который можно было бы зацепиться и подняться наверх. Он встал на плечи Зинке и Шумейкину и долго шарил руками по стене, но безрезультатно.

— Становись, Олег, мне на спину, а ты, Зинка, полезай ему на плечи, сказал он.

Девочка с трудом взобралась на плечи Шумейкину.

— До края достаю, а взяться не за что. Кругом гладко. Фонарик рядом, но рукой не достать, — доложила девочка.

— Давай спускайся, — сказал Сбитнев. — Надо палку добыть.

Ползая по дну пещеры, ребята разыскали в темноте несколько полуистлевших сучьев, неизвестно кем сюда заброшенных. Снова составили трехэтажную пирамиду. Зинке, наконец, удалось столкнуть фонарик вниз. Теперь хоть была возможность осмотреть при слабом свете фонаря пещеру и попытаться найти второй выход.

Подземелье оказалось большим залом с косо нависшим потолком и неровным полом.

Сбитнев осветил отвесную стену, спуск и продолговатое отверстие наверху и мрачно заключил:

— Здесь нам не выбраться!

Светя фонариком, ребята обошли всю пещеру и в дальнем конце ее, в стене, увидели узкую щель, которая кончалась тупиком.

«Настоящая мышеловка», — с досадой подумал Сбитнев.

Пришлось вернуться на прежнее место.

Некоторое время ребята кричали в надежде, что их услышат.

— Да кто сюда ходит! — вздохнул, наконец, Сбитнев.

Снова обошли всю пещеру, и снова без всякого толка. Наконец, Сбитнев решил: с трудом протиснувшись в узкую щель, он дошел до тупика и вдруг скрылся. Несколько секунд Зинка и Шумейкин стояли в темноте, не шелохнувшись. Но вот в щели показался свет и появился Сбитнев.

— Тут есть какой-то ход, — сказал он. — Вы ждите меня здесь, а я обследую.

— Нет, пойдем все вместе, — плаксиво ответил Шумейкин. — Тут такая темнота. Страшно!

— Ну, как хотите, — повернулся Сбитнев.

Там, где щель кончалась, Зинка и Шумейкин увидели внизу небольшое круглое отверстие. Вслед за Сбитневым они спустились вниз и, согнувшись, двинулись по узкой норе. В некоторых местах даже так передвигаться было невозможно. Приходилось ползти на четвереньках.

Боками и затылками ребята то и дело стучались о холодный, мокрый камень. В голову невольно закрадывалась мысль: «А что, если камень сверху придавит?» — и по телу пробегал озноб.

Или, казалось, что норе не будет конца, а может быть, она, наоборот, вдруг окончится, а повернуть обратно будет невозможно. По временам Сбитнев окликал ребят.

— Вот и все, — сказал он, наконец, поднимаясь на ноги, и осветил фонариком холодный, мрачный, как старый заброшенный погреб, небольшой зал. Все те же дикие, неровные стены, низкий провисший потолок и грязный покаты́й пол, заваленный скользкими камнями.

Зал сворачивал влево.

Водя фонариком по сторонам, Сбитнев медленно пошел вперед. Зинка и Шумейкин двинулись следом.

За поворотом ребята увидели в стенах два выхода, а впереди, в полу, снова темнело отверстие. Сбитнев осторожно наклонился, направляя свет вниз, но он не достиг дна. Стены отверстия, расширяясь книзу, обрывались, а дальше была непроницаемая темнота. Видимо, внизу тоже был зал.

Витя столкнул ногой в отверстие камень и успел сосчитать до двадцати трех, пока услышал отдаленный приглушенный стук.

Первый коридор в стене быстро сужался до тесной норы, похожей на ту, через которую ребята только что проникли в это подземное помещение. Второй проход был широкий.

Не сговариваясь, один за другим, ребята двинулись по этому проходу. Коридор постепенно уходил вверх. Взявшись за руки, они поднимались метров двадцать по камням, дальше пещера

шла вниз и сворачивала вправо.

У поворота Сбитнев помог Зинке и Шумейкину спуститься с крутой ступени и посветил вперед...

Ребята невольно вскрикнули от удивления. Они стояли в огромном сталактитовом зале. Сотни сверкавших разными цветами сталактитов спускались с высокого потолка. Одиночные и сросшиеся в причудливые группы, сталактиты напоминали ледяные сосули, какие появляются после оттепели зимой на карнизах крыш. Только эти сосули были каменные и гигантских размеров.

Сбитнев поводил фонариком из стороны в сторону, и сталактиты заискрились, переливаясь всеми цветами радуги. Некоторые из них нависали совсем низко над полом, а снизу навстречу им тянулись сталагмиты — такие же сосули, только гораздо более толстые и неуклюжие. Они застыли по всему полу, приняв самые фантастические формы. Одни напоминали людей, другие каких-то животных, третьи походили на колокола или груши. В тишине отчетливо было слышно, как падали сверху звонкие капли воды.

Восхищенный необычным зрелищем, Сбитнев забыл даже о случившейся с ними беде. Он снова медленно повел фонариком, и сказочный зал заиграл, загорелся многоцветными огнями.

На влажной поверхности каменных сосуль загорались, гасли и вспыхивали вновь бесчисленные искры. Они словно кружились в каком-то волшебном танце, перескакивая с места на место, беспрерывно меняясь в цвете. Это преломлялся и отражался свет в бесчисленных кристаллах кальцита.

Луч фонарика остановился, и тотчас пляска прекратилась. Миллионы искр, застигнутые врасплох, затаились каждая на своем месте и ждали только движения луча, чтобы пуститься в новый хаотический танец.

Несколько минут ребята любовались фантастическим фейерверком.

«Так вот что таится внутри горы! — подумал Сбитнев. — А где же то непонятное, что заставляет стонать пещеру?»

— Эх, если бы все это было наверху! Чтобы все могли любоваться, восхищенно произнесла Зинка и вздохнула. Ее слова напомнили ребятам о том, что надо искать выход. Они пошли между сталагмитами по залу. Капли воды падали на голову и плечи, ползли за воротник. Только теперь ребята почувствовали, что они уже продрогли в холодном подземелье.

Некоторые сталактиты опускались до самого пола, образуя каменные колонны столбы. Ноги то и дело попадали в воду, но ребята не обращали на это внимания. Они осматривались по сторонам, ища выхода.

Залу, казалось, не будет конца. Он изгибался, опускался, поднимался, и всюду в воздухе висели каменные сосули, искрящиеся бесчисленными огоньками. Ребятам казалось, что они идут сказочным лесом, в котором все деревья растут сверху вниз.

Осмотрели несколько выходов, ведущих из зала, и выбрали коридор, который шел на подъем. Здесь не было сталактитов, но стены пузырились белыми, синеватыми и бурыми каменными натеками. Камни источали холод и сырость.

Некоторое время ребята карабкались вверх, по скользкому, как лед, полу, потом спустились вниз. Коридор уходил все дальше и дальше в глубь горы.

Наконец Сбитнев остановился:

— Надо возвращаться, а то еще, чего доброго, заплутаемся.

— Правильно! — поддержала его Зинка. — Будем кричать. Может быть, нас там уже ищут, а мы вон куда забрели. Пошли быстрее назад!

Сбитневу как раз и не хотелось, чтобы их искали. «Опять начнутся нравоучения и попреки, — думал он. — Надо самим выбраться. Да и посмотреть еще ничего не успели». Однако идти дальше было опасно, и, вздохнув, Сбитнев решил возвращаться и ждать помощи. Он еще раз посмотрел на пестрые стены пещеры и повернул назад.

Снова то вытаскивали друг друга на подъемах, то придерживали на спусках, а холодному каменному стволу пещеры, казалось, не будет конца. Приходилось все время светить под ноги, чтобы не упасть на скользком полу или не свалиться в провал.

Наконец ребята увидели впереди готической формы арку со свисающей бахромой из сталактитов.

— Ну вот и зал, — облегченно вздохнула Зинка и невольно залюбовалась необычным архитектурным украшением.

Ободренные, все прибавили шагу. Но, к удивлению ребят, это был совсем другой зал: большой, почти круглой формы грот, с целым озером воды на середине. С потолка свисали громадные сталактиты. На стенах искрились тысячи мелких сосулек. Они срослись между собой в драпировки и ряд за рядом поднимались от воды до самого потолка. При свете фонарика сосульки казались стеклянными.

— Куда же это мы забрели? — ахнула Зинка.

Ребята остановились, с невольным страхом глядя на подземное озеро, в котором, может быть впервые за время его существования, отразились нависшие над водой сталактиты. Одни только начинали расти и были размером не больше морковки, другие нависали над головой стволами гигантских деревьев. И с каждого сталактита через равные промежутки времени срывались капли воды. Падая на поверхность озера, капли звучали, каждая на свой лад. Сколько столетий звенела здесь эта музыка? Капля за каплей, капля за каплей, пока не образовалось это подземное озеро.

Сбитнев обошел грот, осветил его стены, но выхода не обнаружил.

— Мы случайно не тем коридором пошли, — сказал он. — Придется вернуться.

Снова двинулись в путь. Теперь Сбитнев часто светил фонариком по сторонам и на полу, пытаясь найти свои следы.

Вскоре пещера разделилась на три рукава. Сбитнев осмотрел пол перед каждым из них, но никаких следов на гладком известняке не обнаружил. Несколько минут ребята стояли в раздумье: куда идти?

— Давайте пойдём туда, — указала Зинка на правый широкий проход. Видите, там пол какой неровный. По такому мы и шли сюда.

Действительно, коридор то поднимался, то опускался. Это радовало ребят. Коридор изгибался и влево и вправо. И это ободрило подземных путников. Они помнили, что шли сюда тоже извилистым путем.

От главного ствола, по которому шли ребята, в обе стороны отходили новые коридоры. Они продолжали идти самым широким. Перед новой развилкой Сбитнев остановился:

— Вернемся немного назад. Кажется, опять не сюда идем.

Пошли в обратную сторону. В одном месте Сбитнев увидел в иле след и бросился к нему. Это был отпечаток Зинкиной сандали. Всего несколько минут тому назад она поскользнулась и съехала с камня в грязь. Разочарованные, ребята постояли, отдыхая, потом снова пошли вперед.

«Не догадался пометки делать на стенах, раззява!» — обругал сам себя Сбитнев, светя по сторонам и надеясь увидеть знакомые приметы. Но дикие бурые стены были всюду одинаковы. Как их различить? Сверху свисали огромные глыбы камня. И во всех рукавах, по которым они бродили, попадались такие глыбы.

Перебравшись через новый подземный холм, снова остановились передохнуть. В наступившей

тишине до слуха ребят донесся монотонный гул.

— Что это? — в один голос спросили шепотом Зинка и Шумейкин. Глаза их радостно засветились.

Все долго прислушивались. И хотя ребята не могли определить, что это за шум, он вселял какую-то надежду. В глубине подземелья, где веками царили мрак и тишина, всякий шорох, всякий звук казался живым, желанным.

Ребята поспешили вперед, настороженно прислушиваясь к непонятному гулу, который становился все сильнее.

Гул перешел в рев, когда ребята остановились у входа в большой зал. Ничто здесь не напоминало о живом существе, но было очевидно, что источник шума находится в коридоре, вход в который виднелся в стене зала. Почему-то крадучись, сдерживая дыхание, ребята гуськом стали подбираться к этому отверстию.

Может быть, пещера тут кончается, и это выход на волю, где работает какая-то машина?

Метров пятьдесят на цыпочках, бесшумно шли узкой пещерой в оглушительном реве. Казалось, над головой дышал, работал огромный завод с тысячью гудящих машин, возле которых трудятся люди. Как удивятся они выходцам из подземелья! Ребята жадно всматривались в темноту, ожидая, что за очередным поворотом они увидят, наконец, долгожданный дневной свет.

Вот и поворот. Ребята остановились, взглянули по направлению света фонарика и в страхе попятнулись. Пол перед ними воронкой уходил вниз. На противоположном конце зала из огромного отверстия падал и исчезал в бездне громадный водопад. Целая река устремлялась с ревом в гигантскую воронку, пытаясь наполнить ее до краев. Но тщетно, вода стремительно проваливалась в бездонную глубину.

Сбитнев отвел фонарик от водопада. В темноте воронка продолжала поглощать ревущую воду. Стало еще страшнее, и ребята, не сговариваясь, бросились обратно. Не разбирая пути, почти бегом шли до тех пор, пока не стих шум подземной реки.

Наконец шедший впереди Сбитнев остановился и устало опустился на камень. Несмотря на холод, на лбу его выступила испарина.

Некоторое время сидели молча, приходя в себя после быстрой ходьбы. Тишину нарушил Шумейкин.

— Надо идти, — сказал он жалобно.

— Куда? — спросил Сбитнев.

— К выходу, назад.

— У нас теперь везде назад.

— А как же быть? — запинаясь, тихо проговорила Зинка.

Сбитнева передернуло. Перед глазами возникли надписи на стенах пещеры, крест, выбитый в память Маркелу Углову.

Послышались всхлипывания. Сбитнев осветил фонариком и увидел на камне скорчившегося Шумейкина. Олег уткнулся лицом в руки и судорожно вздрагивал от рыданий. Рядом с ним сидела Зинка. В широко раскрытых глазах ее была растерянность.

— Ну, чего завыл? Без тебя тошно! — грубо крикнул Сбитнев.

— Пропадем мы тут...

— Конечно, пропадем, если будем нюни распускать.

— Не найдем мы теперь выхода... — продолжал всхлипывать Шумейкин.

— Отдохнем и будем пробиваться наверх. Не может быть, чтобы не было выхода.

— Ты что ж думаешь — нас здесь так и бросят? Ясно, не бросят! — пришла в себя Зинка. — Жорка, конечно, догадается, что мы в пещере. Надо только поближе к выходу пробиться.

Шумейкин притих и, размазывая рукавами ковбойки грязь на лице, поднялся.

Сбитнев осветил фонариком вперед и заметил, что он горит гораздо слабее, чем прежде.

«Ну, если еще и свет погаснет, то совсем крышка», — подумал Витя и нажал кнопку. Немая жуткая чернота окутала ребят.

— Включи, страшно! — взвизгнул Шумейкин.

Сбитнев включил свет и тоже поднялся с камня:

— Пошли!

Минут двадцать ребята брели каким-то широким стволом надеясь, что он выведет их, наконец, наверх. Но подъема все не было.

Пол пещеры был завален обломками упавших сталактитов и камнями, через которые приходилось то и дело перешагивать или обходить их стороной.

Обувь у ребят давно уже раскисла от сырости, они дрожали от пронизывающего холода. На одном из поворотов Зинка удивленно вскрикнула:

— Смотрите, елка!

Действительно, в десятке метров впереди, в окружении сталактитов, ребята увидели желтоватую ель, высотой в два человеческих роста. Она стояла почти на середине небольшого зала и была густо облеплена хлопьями грязного снега. От этого ветви елки были неуклюжими, толстыми и сильно обвисали.

Только подойдя совсем близко, ребята разглядели, что елка — каменная. Это был необычной формы сталагмит. От каменного столба, вертикально поднимавшегося вверх, в разные стороны спускалось множество натеков. Каждый из них снизу оброс десятками маленьких сосулков, торчавших, как иглы на еловых ветках.

Ребята с удивлением переглянулись и, как ни торопились, осмотрели необыкновенное дерево со всех сторон. Откуда-то на вершину елки размеренно падали капли воды, и на каждой сосулке висела водяная бусинка, серебристо блестящая при свете фонарика.

— Эх, нет Васьки с фотоаппаратом, — пожалел Сбитнев.

— А мы и так все крепко запомним, — оживилась Зинка. — Домой придем, я эту елку так нарисую, — ахнете.

Глаза у нее загорелись, но тотчас Зинка вспомнила, что до дома им — ох, как далеко. Лицо ее потемнело.

— Смотри, еще пещера, — потянула она за рукав Сбитнева, который не мог оторвать глаз от каменной елки. — Посвети!

В стене чернело отверстие. Оно наполовину заросло свисавшими с потолка кинжалами — сталактитами.

Сбитнев просунул руку между каменными сосульками, посветил. Пещера круто спускалась вниз.

— Нет, лучше не надо туда, — поежилась Зинка. — Может, она идет в самую середину земли.

Ребята еще раз обошли небольшой зал и, наконец, увидели узкую щель. Новый ход вел наверх.

Взявшись за руки, стали карабкаться по скользкому полу, подымаясь все выше и выше.

Метров через семьдесят подъем кончился. Впереди был широкий зал, густо заставленный каменными колоннами.

— А тут тепло, — впервые за долгое время разжал губы Шумейкин.

— Правда, совсем тепло, — отозвалась Зинка. — Наверное, выход близко и воздух снаружи идет сюда.

Размеры зала с первого взгляда определить было невозможно, так как вокруг в беспорядке толпились каменные столбы.

Лавируя между колоннами, ребята стали пробираться в глубь зала. Чем дальше продвигались они, тем становилось теплее. Влажный воздух был пропитан неприятным запахом тухлого яйца.

Постепенно колонны стали редеть, открылась стена.

— Глядите, глядите! Опять подъем, — радостно закричала Зинка, указывая на неширокую щель в стене. По ней тонким слоем стекала вода странного лилового цвета.

Подойдя ближе, ребята разглядели, что вода прозрачна: сквозь нее просвечивало дно с крупными фиолетовыми кристаллами. Вода слабо журчала и рябила на неровностях, и от этого казалось, что кристаллы непрерывно шевелятся.

— Может быть, и правда нам тут повезет, — сказал Сбитнев. — Пойдем этим ходом. Надо только кристаллов парочку захватить для коллекции.

Он подобрал острый камень и опустился на колени, намереваясь отколоть сросшуюся друзу [2] кристаллов.

Но Шумейкин опередил Сбитнева. Он шагнул к ручью, чтобы достать понравившийся ему кристалл, оступился и с воплем отскочил назад.

— Что ты? — бросились к нему Сбитнев и Зинка.

— Ошпарился! Кипяток! — тряс рукой Шумейкин.

— Это, верно, минеральный источник, — сообразил Сбитнев и окунул палец в ручей. Вода, действительно, была очень горячая, и, к огорчению Вити, пришлось отказаться от мысли набрать кристаллов для коллекции.

Сбитнев посветил вверх по щели. Вдалеке она сужалась и сворачивала влево. Воды везде — по щиколотку. Пройти здесь было невозможно.

Витя осветил фонариком мокрую стену зала, сделал несколько шагов в сторону и, споткнувшись о камень, чуть не упал в большую лужу воды. Ноги охватила приятная теплота.

— Идите сюда, погрейтесь! — позвал Сбитнев товарищей.

Зинка и Шумейкин прямо в обуви зашли по колено в воду.

— Ох, какая красота! Тепло-то как! — счастливо засмеялась Зинка.

Продрогшие ребята с наслаждением чувствовали, как тепло растекается по всему телу. Хотелось окунуться в горячую воду с головой. Но взглянув на свет фонарика, Сбитнев пересилил себя и с трудом вытащил непослушные ноги из каменной ванны.

— Посидите тут, а я поищу выход.

Он пошел по течению горячего ручья и через несколько шагов увидел, что вода уходит под стену в широкую нору.

Зинка и Шумейкин молча наблюдали, как круглое желтое пятно света, двигаясь по неровной стене то вверх, то вниз, медленно удалялось. Вот свет скользнул куда-то вправо, вырвал из черноты несколько каменных колонн и исчез. Стало темно.

Потекли томительные минуты ожидания.

Где-то в темноте убаюкивающе плескался источник.

«Сколько теперь времени? Наверное уже обед?», — подумал Шумейкин и сразу почувствовал, как засосало в пустом желудке. Он представил себе, что на плантации сейчас ребята вокруг дымящего костра с аппетитом едят горячую гречневую кашу. Шумейкин вздохнул и звучно сглотнул набежавшие слюнки.

Зинка сидела на камне, опустив ноги в горячую воду. Уставшее тело отдыхало в тепле. Веки невольно слипались. Клонило ко сну. Девочка увидела себя на солнцепеке в питомнике, возле фанерной будки. Слабый ветерок шевелил листья на кусте винограда, и по земле в тени прыгали солнечные зайчики. Кругом было тепло и тихо.

Вдруг стайка воробьев с шумом облепила куст. С радостным чириканьем они набросились на жидкие кисти винограда и стали торопливо склевывать ягоды.

«Что они делают? Ведь виноград совсем еще зеленый — завязь только!» удивилась Зинка. Она хотела взмахнуть рукой, чтобы спугнуть воришек, но рука не поднималась. Стояла такая теплынь, что лень было даже крикнуть...

— ...будем делать? — раздался рядом голос Олега Шумейкина.

— А? Что? — встрепелась Зинка. Вокруг было темно, и в первое мгновение ей показалось, что она даже не открывала глаз. Зинка затрясла головой, но глаза по-прежнему ничего не видели.

— Я говорю: не заблудился ли Витька? Что же мы тогда будем делать? — Олег завозился в воде, и Зинка окончательно проснулась. Кругом по-прежнему было темно. Девочку тоже охватила тревога.

Наконец, вдалеке между колоннами мигнул огонек и Сбитнев окликнул ребят:

— Где вы? Вылезайте!

Шумейкин и Зинка проворно выбрались из горячей лужи и поспешили на свет фонарика.

— Ну как, нашел выход?

— Нет. Весь зал кругом обошел — ни одной щелочки. Придется возвращаться назад.

Сбитнев говорил раздраженно, с тревогой поглядывая на фонарик. Он торопился. Сколько драгоценного времени потеряли они в этом зале! А фонарик светит все слабее и слабее.

Ребята шли быстро и вскоре снова стояли перед каменной елкой. Сбитнев подошел к отверстию в стене, наполовину загороженному сталактитами.

— Ждите тут! Я осмотрю эту пещеру, — сказал он Олегу и Зинке.

— Витя, давай лучше поищем другой ход, который идет наверх. Ведь нас уже там разыскивают, — сказала Зинка.

— Правильно, а эта пещера уходит вниз. Идемте назад! — поддержал ее Шумейкин, но Сбитнев грубо оборвал его.

— Стой, раз тебе говорят!

Он нагнулся, с трудом протиснулся между двумя сосульями в узкий коридор. Пройдя несколько шагов в стене, увидел новый ход.

— Спускайтесь сюда! — позвал Сбитнев товарищей.

Через некоторое время ребята оказались перед огромным провалом. Из черной глубины доносился плеск невидимой воды. Вероятно, это была та самая подземная река, которую ребята уже встречали на своем пути.

Обойти провал можно было только вдоль стены по узкому выступу. К счастью, вплотную к этому выступу с одного края провала на другой лег длинный обломок сталактита.

Сбитнев перевел Шумейкина и Зинку по этому ненадежному мостику и сам прыгнул к ним на площадку. От толчка сталактит сдвинулся с места и свалился вниз. Через несколько секунд в провале раздался громкий всплеск.

Путь назад ребятам был отрезан.

— Идем, идем! — подогнал Сбитнев оторопевших товарищей.

Они прошли три зала, соединенных арками. Темно-зеленые стены первого зала были испещрены желтоватыми прожилками. Потолок щетинился тысячами мелких сталактитов.

Войдя во второй зал, Зинка невольно вскрикнула:

— Гляньте, будто табак развешан!

Вдоль одной из стен под потолком висели плоские и бурые, как листья табака, сталактиты. В этом же зале ребята увидели пористые сталактиты, очень похожие на кисти винограда. На неровном полу там и тут стояли каменные столбы с плоскими широкими шляпками, напоминавшие грибы.

В глубине третьего зала ребята остановились перед густым частоколом из круглых, как скалки, каменных прутьев, спускавшихся с потолка до самого пола.

Дальше идти было некуда.

Сбитнев поднял с земли желтый полупрозрачный обломок и с недоумением повертел его в руках. Такие сталактиты им еще не встречались. Подумав, он положил обломок в карман.

— Куда же теперь? — наморщила лоб Зинка.

— Я же говорил, что надо возвращаться, — всхлипнул Шумейкин, — не послушали...

Снова и снова осматривали они стены зала: выхода не было.

Наступила гнетущая тишина. Отчаяние начало овладевать ребятами. Вдруг Зинка увидела под ногами тоненькую струйку воды, сочившуюся из-под груды сталактитовых обломков.

«А что если за этими палками пещера продолжается?» — с надеждой подумала девочка. Сердце радостно заколотилось. Зинка толкнула Сбитнева локтем и показала на ручеек. Витя понял ее без слов: он отдал девочке фонарик, схватил обеими руками один из каменных прутьев и с силой рванул на себя. Хрупкий сталактит легко рассыпался на куски. Сбитнев кивнул Олегу: «Ломай!» — и мальчики стали пробивать дорогу в сталактитовом лесу.

Зинкина догадка оказалась правильной: добравшись до стены, ребята увидели отверстие, из которого вытекала струйка воды.

— Есть выход! — облегченно вздохнули все трое и, толкая друг друга, полезли в нору.

Ход постепенно расширялся и привел в большой зал, пол которого круто поднимался вверх и был сплошь покрыт небольшими овальными ванночками, доверху наполненными холодной водой. Она сочилась из одной ванночки в другую.

вернуться

2

Друза — сращение кристаллов в форме щетки.

«Как в Бахчисарайском фонтане», — невольно подумал Сбитнев, вспомнив прошлогоднюю экскурсию в дворец-музей.

Ванночки напоминали чугунные жаровни. Ступая по ним, как по ступеням лестницы, ребята легко стали подниматься вверх.

Вдруг под ногами Зинки что-то хрустнуло, и девочка, вскрикнув, опустилась на пол.

— Что такое? — обернулся к ней Сбитнев.

— Ногу подвернула, — Зинка стала ощупывать ступню, — камень под ногу попал. Наверное, вывихнула. Ой, как больно!

Сбитнев присел и начал руками растирать девочке ногу в щиколотке.

— Ничего, сейчас мы ее приведем в порядок. Это растяжение, — успокаивал он, а сам боялся, как бы это действительно не был вывих.

Дрожащий от холода Шумейкин молча стоял рядом.

— А ну, пошевели ногой. Больно? — спросил Сбитнев.

Зинка пошевелила.

— Уже лучше. Хватит, Витя, а то я совсем заоченею. Тут такая вода ледяная, прямо жуть! — съежилась девочка.

Сбитнев помог ей подняться.

— Попробуй наступить, сможешь идти?

— Ничего, терпеть можно, — ободрилась Зинка. — Я уж думала, что сломала ногу! И камень-то был такой маленький... — Она нагнулась к ванночке и вынула из воды почти круглый светлый камушек величиною чуть меньше грецкого ореха.

— Что это? — удивленно вскрикнула она и протянула находку Сбитневу.

Камушек был мутно-белый, с голубоватыми и желтоватыми оттенками. Гладкая, словно отполированная, поверхность его сверкала характерным перламутровым блеском.

— Жемчуг! — восторженно вскрикнул Шумейкин. — Знаешь, какая это драгоценность! У матери есть золотая брошка с жемчугом. Только у нее камушек гораздо меньше, как горошина.

— Пещерный жемчуг? — с недоумением проговорил Сбитнев, не подозревая, что именно так и называется это кальцитовое образование.

— Да нет же, какой там пещерный!.. Жемчуг добывают в морях из специальных ракушек. Наверное, кто-то проходил тут и потерял жемчужину, — сказал Шумейкин, не спуская глаз с необыкновенной находки.

Сбитнев увидел на одной стороне камушка излом, вспомнил, как что-то хрустнуло под ногой девочки, и сообразил, что камень этот возник в пещере. Но чтобы поддержать дух товарищей, он бодрым голосом ответил:

— Верно, Олег. Значит, где-то недалеко выход. Идемте!

Он обнял одной рукой прихрамывающую Зинку и вместе с ней стал подниматься вверх.

Впереди в стене зияла высокая щель. Добираться к ней надо было по выпуклому, гладкому натеку. Цепляясь за малейшие шероховатости камня, Сбитнев кое-как залез в щель и по одному втащил туда ребят.

— Смотрите, тут нет воды, сухо! Значит, правда — выход где-то близко! — радостно вскрикнула Зинка, забыв о боли в ноге. Она хотела идти дальше, но Сбитнев остановил ее.

— Не торопись. Надо осмотреться, куда лучше идти, — он отстранил Зинку с дороги, и в эту минуту фонарик внезапно погас.

— Этого еще не хватало! — сердито прошептал Витя, встряхивая фонарик. Он не загорался.

— Олег, у тебя спичек нет?

— Нету.

Сбитнев осторожно сел на корточки и стал на ощупь открывать крышечку.

— Витя, где ты? — боязливо прошептал Шумейкин.

— Да здесь! Садитесь пока, отдыхайте, — раздраженно сказал Сбитнев. — Тут что-то с фонариком не ладится.

С замиранием сердца он ощупал батарейку, пластины контактов, постучал по корпусу и стеклу, — все было напрасно.

Витя похолодел: «Неужели лампочка перегорела?»...

В стороне что-то зашуршало, и вдруг темноту прорезал леденящий душу крик. От неожиданности Сбитнев вздрогнул и выпустил фонарик из рук.

Сыч

— А-а-а-а, — заплакал в деревянной кроватке проснувшийся ребенок.

— Ты что, маленький? — Шарый отложил газету, поднялся из-за стола и стал покачивать кроватку.

— Не беспокойтесь, — вошла в комнату из кухни молодая белокурая женщина с темным родимым пятном на щеке. — Он всегда перед дождем капризничает.

— Чуткий у вас барометр, — пошутил Шарый.

— Пойдем, лапочка моя, покушаем. Мы уже выпались... — ворковала мать, вынимая из кроватки ребенка. Продолжая разговаривать с малышом, она вышла из комнаты.

Шарый снова взял в руки газету, но то и дело посматривал на дом через дорогу. Пробегал взглядом по строчкам, механически читал заголовки и опять глядел в окно.

Капитан эту ночь не спал: до утра дежурил в палисаднике, наблюдая за домом с голубым крыльцом. Сыч занимал горницу у деда Пахома. Дед жил на краю села с дочерью, пятидесятилетней вдовой. Муж ее и единственный сын погибли на фронте, и женщина ухаживала за квартирантом, как за родным.

Капитан уже знал расположение комнаты и ее обстановку, знал, что в горнице есть подвал. Дверь одна. Она ведет через кухню к голубому крыльцу. Шарый выбрал место для наблюдения так, чтобы видеть и дверь и окна горницы.

Всю ночь капитан ждал, не появится ли тот, кто шел в горах с отрядом школьников.

Но никто не приходил.

Перед рассветом Николай Арсентьевич открыл дверь правления колхоза ключом, оставленным ему Елизаветой Петровной, и переговорил по телефону с майором Силантьевым.

Когда он вернулся на пост, в комнате Сыча уже горел свет. На белой занавеске окна несколько раз появилась тень мужчины.

— Не спится, — усмехнулся Шарый. — А сегодня ведь воскресенье, мог бы не торопиться вставать.

Необходимо было обследовать комнату Сыча и особенно подвал. В том, что радиостанция должна быть в этом доме, Шарый почти не сомневался, хотя пеленгатор засек его работу в нескольких километрах от села, в горах.

«Здесь радиоключ, и отсюда берет начало коаксиальный кабель», — думал Николай Арсентьевич.

Вчера Елизавета Петровна предлагала капитану поселиться в одной комнате с Сычом, Но он отказался. Это только насторожит Сыча. Шарый просил председателя о нем не беспокоиться и

заниматься своими делами. Если будет нужно, он сам к ней обратится. На этом и порешили.

Шарый составил уже план, как естественнее всего попасть в квартиру Сыча, но этот план неожиданно поломался.

От своей квартирной хозяйки Шарый совершенно случайно узнал, что вчера утром она видела Матвеева в правлении колхоза. Женщина возмущалась грубостью и некультурностью счетовода, который, по ее словам, опозорил весь колхоз перед чужим человеком — переплетчиком. Шарый, как бы между прочим, попросил рассказать, каков из себя переплетчик. Она довольно подробно описала его внешность — приметы совпали с тем, что сообщила Вера Алексеевна о геологе Матвееве.

Это нарушало все планы.

«Почему же о Матвееве ничего не сказала мне Елизавета Петровна? — размышлял Шарый, потом решил: — Вероятно, она его не видела».

«Значит, человек, назвавший себя Матвеевым, действительно шел к Сычу. Учительнице он отрекомендовался геологом, а сюда явился как переплетчик. Очевидно, встреча с Сычом у него состоялась, Матвеев принес ему какой-то груз», — делал выводы капитан Шарый.

Теперь надо ни на шаг не отставать от Сыча, между тем необходимо срочно сообщить обо всем майору Силантьеву. Как это сделать? — ломал голову Николай Арсентьевич.

По улице проехала на велосипеде девушка почтальон с туго набитой сумкой на боку. Вслед за ней пробежала группа ребят с бумажным змеем.

Николай Арсентьевич проводил их глазами и вдруг оживился. Он быстро вынул авторучку и на листке бумаги написал: «Город. Телефон 12-43. Силантьеву. Брат доехал благополучно. Приезжайте в гости. Николай».

«Сейчас почтальон будет разносить газеты, я и попрошу ее передать телефонограмму», — решил он и снова поднял глаза на окно.

Небо над горами потемнело.

«А ведь, пожалуй, верно, дождь пойдет», — подумал Шарый.

Набежавший ветер закрутил на середине дороги столб пыли. Столб покачался, как пьяный, из стороны в сторону и вдруг ринулся, вырастая все выше и выше, вдоль улицы.

Николай Арсентьевич закурил и подошел к окну. На голубом крыльце стоял человек в плаще.

«Сыч», — укрылся за кустом герани Шарый. Человек в плаще посмотрел на небо, нахлобучил на голову капюшон, быстро спустился с крыльца и завернул за угол дома.

«Надел плащ! Значит собрался куда-то в дальний путь!» — заключил Николай Арсентьевич.

Он вышел в кухню и снял с гвоздя фуражку.

— Куда же вы? Скоро обедать будем, — сказала хозяйка.

— Наши ребята, наверное, сейчас приедут. Пойду встречать. Вы меня не ждите, я с ними пообедаю, — ответил Шарый. — И попрошу: сейчас почтальон будет проходить, отдайте ей эту

телефонограмму. Пусть передаст. Телефон там записан.

Шарый протянул женщине листок с текстом телефонограммы, деньги и поспешно вышел.

...Он остановился на краю сада. Ветер шумел в густой листве персикового дерева. Николай Арсентьевич с минуту осматривался по сторонам: вдалеке, между кустами, мелькнул капюшон Сыча.

Некоторое время Шарый шел кустарником, не теряя из виду извилистую тропку, и остановился на краю ущелья.

Тропка сбегала вниз, к жидкому мостику. Шарый стал спускаться, по прежнему скрываясь в зарослях кизила.

Человек в плаще перешел мостик и задержался на опушке леса. Шарый замер на месте.

Сыч повернулся вполборота, чиркнул спичкой, но ветер загасил ее. Тогда он повернулся в другую сторону и, защищая огонь ладонями, прикурил.

«Осматривается — осторожный, черт!» — подумал Шарый.

Человек в плаще выпустил клуб дыма, раздвинул кусты и исчез в лесу. Шарый вынул пистолет, дослал патрон в ствол, положил оружие обратно в карман. Переждав минуту, он направился к мостику.

Тревога

На плантации ребята и колхозники проходили последние ряды, когда с гор стала надвигаться темная косматая туча.

— А ведь дождик будет, не даст доварить обед, — озадаченно почесал сваявшуюся бородку

дед Пахом и засуетился у костра, подбрасывая под котел сухие прошлогодние сучья розы.

Сборщики тоже с беспокойством оглядывались на тучу. Торопливо собирала лепестки с крайних кустов у дороги Елизавета Петровна. К ней присоединились один за другим колхозники, прошедшие свои рядки. А темная туча, захватив уже полнеба, неумолимо надвигалась.

На дороге, скрипнув тормозами, остановилась полуторка. Жорка подбежал к председателю и, безуспешно стараясь скрыть сиявшую на лице радость, отрапортовал:

— Рейс закончен! Все в порядке, Елизавета Петровна!

— И без приключений? — прищурила с хитрецей глаза председатель.

— Была одна загвоздка, так — пустяковая: скат с гвоздем поцеловался. Да мы с братишкой — раз-два, и все в порядке, — кивнул Жорка на подошедшего Мишку.

Елизавета Петровна улыбнулась:

— А где же остальные ребята?

— А что, разве они не приехали? Пока я скат менял, они ушли, — ответил Жорка и, заметив недовольство на лице председателя, добавил: — Не мог же я их ждать. Сами говорили: груз какой — чистое золото! Я кричал, они не отозвались. Ну, я и решил ехать, думал, их подберет машина с комбината.

— Да как ты мог ребят на дороге оставить! Что я теперь учительнице скажу?! Где их искать?

— Наверное, в пещеру полезли, которая стонет, — предположил обстоятельный Мишка. — Я видел, как они в лес пошли под горбатой горой.

— В стонущую пещеру?..

Резкий порыв ветра рванул кусты роз, сдернул с голов людей косынки, шляпы, панамки, подхватил, закружил сухие листья, обрывки бумаги. Мигнул холодный мертвый свет над вершиной ближайшей горы, и гора будто лопнула с оглушительным треском.

Упали первые капли дождя. Звучно, как спелые сливы, они хлопали по листве деревьев, мягко ныряли в рыхлую землю плантации.

Все кинулись под навес, налетевший ветер вновь набросился на людей и обрушил на них сплошную стену воды.

— Ну и ливень, как в тропиках, — смеясь подбежала Вера Алексеевна к председателю, встряхивая вмиг промокшую кофточку.

— Беда, Вера Алексеевна! Ваши ребята, наверное, в стонущую пещеру ушли, встретила ее тревожным возгласом Елизавета Петровна.

«Сбитнев!..» — изменилась в лице учительница.

— Вы особенно не тревожьтесь. Мы найдем их! Я эту пещеру знаю. В войну приходилось там прятать оружие и боеприпасы.

Елизавета Петровна крупными шагами пошла к навесу, под которым столпились промокшие, но смеющиеся люди. Дед Пахом сидел возле горячего котла, сокрушенно глядя на растекающуюся кучу золы от залитого костра.

— Федор, бери фонари! Настя, Фрося, Петро — живо в полуторку! Жорка, заводи машину! — командовала Елизавета Петровна. — Ребята в пещеру ушли, искать надо!

Смех под навесом погас, будто залитый новым порывом ливня.

— Может, на автобусе? — заволновался дядя Гриша.

— Нет, автобус по этой дороге не пройдет, — покачала головой Елизавета Петровна и первая забралась в кузов полуторки. Вслед за ней полезли в машину Вера Алексеевна и несколько колхозников.

— Никуда не расходиться! — крикнула учительница ребятам, сгрудившимся под навесом, и повернулась к шоферу автобуса:

— Григорий Ильич, присмотрите за ними, пожалуйста.

— Не беспокойтесь, тут все будет в порядке, — ответил дядя Гриша, сочувственно глядя на Веру Алексеевну.

Жорка развернул машину и только тут увидел рядом с собой Коркина.

— Ты чего сюда забрался?

— От дождя спрятался.

— Ври больше... — нахмурился Жорка, но потом махнул рукой и прибавил газ.

Черные трещины

Выпавший из рук фонарик ударился о камень и вдруг сам загорелся. Сбитнев увидел бледное лицо, широко открытые глаза Шумейкина.

Откуда-то сверху раздался неестественно громкий голос Зинки:

— Ви-ить-ка! — Сбитнев схватил фонарик и посветил вокруг. Они с Шумейкиным сидели в двух шагах от обрыва, который был сейчас же за щелью. Зинка была метра на два ниже; она соскользнула в темноте по каменному скату, как по горке.

— Что с тобой? Ты не разбилась? — наклонился Сбитнев и удивился: его голос так же оглушительно, как и Зинин, прогрохотал в подземелье.

— Нет. Я просто испугалась, — вскочила на ноги девочка, — так темно было, а я полетела куда-то вниз.

Ее слова, будто усиленные мощным репродуктором, опять прогремели сверху.

Сбитнев направил луч фонарика вперед. Ребята находились в гигантском зале с овальным потолком. Зал был настолько велик, что их трехэтажная школа выглядела бы в нем не больше письменного стола в пустой комнате. Белые, как из полированного мрамора, стены зала были исчерчены широкими блестящими полосами. При свете фонарика они отливали всеми цветами

радуги.

— Смотрите, свет! — радостно закричала Зинка.

— Где? — встрепенулись Сбитнев и Шумейкин.

— Вон там, в конце зала! — показала девочка и запрыгала на месте: — Свет! Свет!

Один за другим Сбитнев и Шумейкин скатились по пологому спуску к Зинке.

В глубине громадного зала темноту прорезал узкий пучок света.

Забыв об осторожности, спотыкаясь и падая, Зинка первая бросилась вперед, через пустой огромный зал. Олег и Витя быстро нагнали ее. Вдруг Зинка схватила Сбитнева за руку:

— Осторожно!

Прямо под ногами зияла широкая черная трещина. Извиваясь, она рассекала пол зала от стены до стены.

Сбитнев посветил фонариком, и ребята увидели, что весь пол пещеры изрезан черными зигзагами. Они тянулись в различных направлениях, переплетаясь между собой. По краям трещин сверкали бесцветные как стекло, кристаллы.

— Спасибо, Зина! — пришел в себя Сбитнев, — Чуть не загудел. Костей бы не собрал.

Он попятился от трещины:

— Ближе не подходите, а то может край обвалиться. Будем перепрыгивать в узких местах.

Шумейкин и Зинка сделали несколько шагов вслед за Сбитневым.

— Витя, стой! Что это? — остановилась снова Зинка и наклонилась над трещиной.

Между краями трещины, над черной пустотой каким-то чудом висел камень величиною с кулак. Висел и не падал.

Зинка осторожно протянула руку, отдернула было ее, потом схватила камень и рассмеялась. Сбитнев и Шумейкин смотрели на нее с изумлением.

Зинка вскочила на ноги, взмахнула руками, засмеялась еще звонче.

— Вот тебе раз! — выдавила она сквозь смех. — Потрогайте!

Она отбросила камень в сторону.

Оба мальчика протянули к трещине руки и нащупали твердую гладкую поверхность. Они с облегчением вздохнули и тоже невольно засмеялись над тем страхом, какой внушала им недавно эта чернота.

Теперь ребята смело шагали по залу, не опасаясь так напугавших их было трещин.

Однако впереди их ждало горькое разочарование. Они увидели клочок ослепительно голубого неба, но узкая продолговатая щель светилась в своде пещеры так высоко, что до нее не добросить и камнем.

Запрокинув головы, пленники подземелья жадно смотрели вверх.

— Э-э-э-э! — закричала Зинка, не отрывая глаз от голубого окошка.

Зал подхватил, усилил ее голос и могуче прогрохотал в ответ. Другого звука ребята не слышали.

Зинка и Шумейкин крикнули в два голоса. Зал опять ответил, и вновь наступила гнетущая тишина.

— Это, должно быть, вершина горы, где люди-то и не ходят совсем, — сквозь слезы проговорил Шумейкин и безвольно опустился на пол. Зинка и Сбитнев сели с ним рядом на мягкую кучу мусора, накопившегося здесь, видимо, за многие годы. Это была слежавшаяся пыль, сучья, сухие листья.

Витя поднял и рассеянно вертел в руках веточку дуба с разлапистым листом и крупным желудем.

«Не суждено тебе взойти», — подумал он, глядя на желудь. И ему вдруг жаль стало семени, брошенного ветром на верную гибель в это мертвое подземелье. «Ты еще будешь деревом», — ласково усмехнулся он, осторожно оторвал желудь от ветки, положил в карман ковбойки и решительно поднялся:

— Пошли! Поищем другой выход. Теперь уже близко.

Сбитнев сделал шаг и невольно остановился, глядя себе под ноги на трещину. При дневном свете на первый взгляд казалось, что трещина до краев заполнена водой.

— Лед, что ли? — потрогал Сбитнев «воду». — Нет, не холодный. Что же это за камень?

По краям трещины Сбитнев увидел целую россыпь граненых прозрачных кристаллов с желтовато-ржавым налетом.

«Как в зале с горячим источником — подумал он, — только там были какие-то цветные, а эти — прозрачные. Наверное, здесь тоже когда-то был горячий источник, и вода текла по этим трещинам».

Носком ботинка Сбитнев отколочил несколько кристаллов, лизнул их. Они были безвкусными. Витя положил кристаллы в карман — для коллекции.

Через несколько шагов ребята наткнулись на новую трещину. Дневной свет сюда не достигал, И, странно, при свете фонарика трещина вновь была непроницаемо черной. Объяснить это, конечно, никто не сумел.

Выходя из зала, ребята еще раз, сложив ладони рупором, крикнули вверх синему небу, золотому дню: «Эге-е-ей! Эге-е-ей!» Никто им не ответил.

...Они прошли не более тридцати шагов по широкому коридору, когда позади что-то стукнуло. Зинка, которая шла последней, остановилась:

— Слышали?

Мальчики обернулись.

— Там, в зале, что-то упало.

Ребята прислушались, но все было тихо.

— Наверное, тебе почудилось, — проговорил Сбитнев.

— Может быть... — пожала плечиками Зинка.

Постояв немного, ребята снова двинулись дальше черным туннелем.

Кто кричал?

Зинке не почудилось. В зал действительно упал сверху камень: ребята уходили от человека, который слышал их зов и спешил к ним на помощь.

...Часов в восемь утра лесник Егор Егорович Пронин на попутной машине приехал в Заветное. Он хотел осмотреть участок леса за Верблюд-горой и наметить деревья для порубки.

Всякий раз, когда Егору Егоровичу приходилось бывать в Заветном, он навещал семью своего друга, погибшего партизана Илясова, у которого остались жена и двое детей. Зашел он к ним и на этот раз.

Уже несколько лет Егор Егорович по мере возможности старался помогать вдове и осиротевшим детям. Но теперь девочки подросли, стали работать в колхозе, и он навещался к Илясовым реже.

— Давненько не были у нас, — радостно засуетилась вдова Илясова, высокая пожилая женщина с приветливым худощавым лицом. Она усадила нежданного гостя к столу.

— Все некогда было, Захаровна, виновато проговорил Егор Егорович. — Ну, как живете?

— Слава богу. Обижаться грех.

Женщина загремела посудой.

— Посидите пока, я сейчас, — с тарелкой в руке она вышла в сени.

Егор Егорович окинул взглядом чистую просторную комнату и отметил про себя, что семья друга твердо встала на ноги. На окнах висели хорошие тюлевые занавески, на столе появился радиоприемник. Над ним, на стене, Егор Егорович заметил вырезанный из газеты девичий портрет. Лесник узнал старшую дочь Илясовых — Марину, звеньевую табаководческой бригады. «Ай да Маринка! Молодец! — улыбнулся Егор Егорович. — В газете портрет напечатали. Видать, в отца выросла на работу охочая».

Вошла хозяйка с большим куском сала и десятком яиц на тарелке.

— Не ждали вас, угощать-то прямо не знаю чем.

— Да вы не беспокойтесь, Варвара Захаровна! Я не голодный.

— Не знаю и знать не хочу. Вот посидим, поговорим, старое вспомняем. Ведь давно не виделись. Думали, что уж вы совсем забыли нас.

Она достала соленые огурцы и капусту, нарезала ломтиками на сковородку сало. На столе появилась бутылка вина.

Егор Егорович улыбался в усы, наблюдая за ее быстрыми движениями. Он вспомнил, как много лет назад часто сиживал за этим столом рядом с Кириллом Илясовым, и Варвара Захаровна так же хлопотала тогда у плиты. Немало горя пришлось хлебнуть вдове с детьми. Но сейчас, глядя на суетящуюся Варвару Захаровну, Егор Егорович был рад за нее: как и прежде, у нее есть чем встретить и угостить гостя.

Только когда Варвара Захаровна принесла со двора охапку мелкого хвороста, он нахмурился:

— Что, дровец-то у вас нет?

— Нету. Недели три уж как вывелись. Хворост собираем, сучки, что придется. Оно и грешно весной-то дрова палить.

...Часа через два Егор Егорович был уже далеко от Заветного. Он ехал в телеге по извилистой лесной дороге. Егор Егорович решил, осматривая лес, заодно набрать для Илясовых сушняку.

В колхозе леснику старались ни в чем не отказывать, и, когда на конюшне он попросил лошадь, ему тотчас дали серого мерина — четырехлетку.

Не доехав немного до двугорбой горы, Егор Егорович остановил подводу и стал оглядывать лес. Неподалеку он увидел на земле огромный трухлявый сук старого граба. Сук придавил молодую гибкую сосенку. Досадую, что не захватил из брички топора, Егор Егорович плечом отодвинул сук в сторону и стал осматривать пострадавшее деревце.

Вдруг он услышал со стороны горы приглушенный крик. Егор Егорович выпрямился. Легкий ветерок чуть шелестел листвой деревьев. Крик повторился. Лесник торопливо пошел между деревьями по направлению к горе.

— Кто кричал? — громко спросил он на опушке леса. Но никто не ответил. Егор Егорович окинул взглядом небольшую полянку, за которой начинался крутой склон. Осмотрел до самой вершины огромную лесистую гору.

Кругом было тихо и безлюдно.

Лесник не спеша достал из кармана банку с табаком и набил трубку.

«Наверное, в лесу кто-нибудь бродит», — решил он и, чиркнув спичкой, стал прикуривать. В это время крик повторился совсем близко. Егор Егорович пальцами затушил спичку и бросился на бугор, из-за которого, как ему показалось, донесся голос. Однако ни на бугре, ни в лощине за ним никого не было.

— Что за притча? — пробормотал Егор Егорович.

Он стал снова внимательно осматривать окрестность. Спускаясь с бугра, лесник поскользнулся и чуть не угодил ногой в яму, свалив туда непрочно державшийся камень.

— Кто тут? — громко звал время от времени Егор Егорович. Ответа не было.

Взгляд лесника остановился на двух полузасохших дубках, росших недалеко от больших серых камней. Он сразу определил, что деревьям не больше пятнадцати лет. Почему же часть ветвей у них уже засохла?

«Что с ними?» — и вдруг лесник вспомнил о яме.

«Это окно в пещеру. Деревьям не хватает пищи, — решил он. — Может быть, и кричали из-под земли?»

Егор Егорович припомнил, что крик был приглушенный.

Отыскав яму-окно, Егор Егорович низко наклонился над ней и крикнул:

— Есть тут кто?

Подземелье загудело. Егор Егорович сбросил вниз камень и определил, что пещера очень глубокая. Он снова крикнул в щель, но ответа не дождался.

Над горами прогрехотал гром, и косматая туча стала наплывать на небо.

Надо действовать!

Минут сорок, перебегая бесшумно от дерева к дереву, Шарый двигался лесом. Впереди быстро шагал Сыч. Время от времени он замирал на месте, смотрел по сторонам, прислушивался. Кроме обычных лесных звуков — щебета птиц, шороха трав, кустов и деревьев, ничего не было слышно.

Внезапно рванул ветер, деревья закачались, загудели листвою, и сначала вразнобой, редко, а потом все чаще и гуще застучали дождевые капли, а там зашумел, заплескал теплый июньский ливень.

За одну минуту Шарый промок, насквозь. Но это его не смущало. Напротив, он был рад, что теперь ему не нужно опасаться хрустнувшей под ногой ветки, треска случайно задетого сучка. Николай Арсентьевич ускорил шаг. Фигура Сыча маячила совсем недалеко.

«Предусмотрительный, — подумал Шарый, поглядывая на брезентовый плащ Сыча, — но куда же он идет?»

Оттого, что капитан не спускал глаз с Сыча, и оттого, что они шли все время лесом, Шарый не мог точно установить, где он теперь находится. Сыч на мгновение остановился и круто взял влево. Впереди была большая поляна, и он обошел ее лесом. Сквозь сетку дождя за поляной

Шарый увидел высокую двугорбую гору.

«Квадрат «12в», — быстро определил капитан. — Но зачем Сыч пришел сюда? Ведь квадрат «12а», где работал передатчик, остался позади».

Сыч задержался на опушке леса и, осмотревшись, стал взбираться между камнями вверх, ко входу в стонущую пещеру.

Человек в плаще вошел под каменный свод и дважды кашлянул. Сейчас же вдалеке, в темноте пещеры вспыхнул слабый огонек. Там, в дальнем конце зала, стоял Матвеев и молча смотрел на приближавшегося Сыча.

Сыч споткнулся и глухо выругался; чиркнув спичкой, он осветил себе дорогу, подошел к Матвееву:

— Ну, как? — спросил он хриповатым голосом. — Все в порядке?

— Все.

— Взрывчатка?

— Здесь. Недавно принес. Едва разыскал эту трющобу. — Матвеев насторожился: — Тише!.. Кажется, собака.

Оба прислушались. Но все было спокойно.

Сыч ощупью сдвинул несколько камней в небольшой нише и вынул из тайника «летучую мышь».

Матвеев поднял стекло фонаря. Сыч зажег спичку.

— Что это? Слово чихнул кто? — вздрогнул Матвеев. Сыч затоптал горящую спичку и тоже насторожился. Потом зажег другую.

— У вас, Дельфин, галлюцинации, — грубо произнес он. — Больше выдержки! В эту чертову дыру сам дьявол не пойдет.

— Вообще-то действительно... я за полчаса тут таких песен наслушался, что... — Матвеев не договорил. От чудовищного подземного вопля, кажется содрогнулись стены пещеры.

Воспользовавшись этим, Шарый чихнул второй раз. Проникнув в пещеру вторым, узким входом, он на ощупь шел вдоль стены, лишь чуть отстав от Сыча. Шагах в десяти от диверсантов он замер, втиснувшись в небольшую расщелину в стене. Шарый промок до костей, и проклятый чох чуть не выдал его. При свете «летучей мыши» в собеседнике Сыча Шарый без труда узнал Матвеева по тем приметам, какие он услышал от своей квартирной хозяйки и Веры Алексеевны.

«Дельфин, видно, его шпионская кличка», — подумал капитан.

Вой в пещере стал ослабевать.

— Что, неприятная музыка? — засмеялся Сыч и тотчас резко оборвал себя: Операцию проведем сегодня ночью! — сухо и отрывисто сказал он. — Ты будешь ждать меня здесь. На

всякий случай схоронись хорошенько. Придется уж тебе несколько часов послушать этот джаз! — кивнул он с усмешкой в сторону широкого коридора.

Сыч взял у Матвеева фонарь:

— Я тут недалеко спрятал кирку и лопату. К вечеру придет один тип — мой подручный и принесет еще инструменты. После операции этого осла надо уничтожить и так, чтобы на него могло пасть подозрение в диверсии. Оставлять в живых опасно. Он в дальнейшем мне может помешать.

Сыч поднял фонарь и посмотрел на часы:

— Пора передавать. Кейк ждет. Наконец-то я его порадую! Сегодня плотина взлетит на воздух, и вода слизнет город, как корова языком. Тогда считай, Дельфин, что твоя будущность обеспечена.

Он повернул в узкий коридор пещеры и бросил на ходу:

— Будь здесь, я скоро вернусь!

«Значит, их только двое!» — капитан Шарый слышал все от слова до слова. «О какой плотине говорил Сыч? — наморщил он лоб, пытаясь припомнить, где здесь поблизости есть плотины. — Неужели Красивое озеро?!..» — обожгла догадка.

Шарый мысленно представил, как сокрушительная лавина воды обрушится на город, и похолодел.

«Ну нет! Из вашей звериной затеи ничего не выйдет! — стиснул он зубы, не спуская глаз с Матвеева. — Сыч пошел к передатчику, который я ищу. Но теперь главное — другое... Надо действовать!» — решил капитан.

Матвеев проводил глазами Сыча и, когда свет фонаря исчез, медленно прошелся по пещере, закуривая. Как только вспыхнула спичка, Шарый сунул пистолет в карман и бросился на диверсанта.

Ослепленный светом, Матвеев не успел сориентироваться: Шарый оглушил его и опрокинул на землю.

Через минуту руки диверсанта были связаны за спиной. Шарый вынул из карманов Матвеева пистолет, пачку денег, документы, запасную обойму. Затем, перевернув диверсанта на спину, достал из-за пояса нож и отрезал уголок воротника рубашки, где нащупал ампулу с ядом.

Матвеев очнулся. Судорожно, как рыба на суше, он хватал ртом воздух.

Шарый разорвал на нем рубашку и, скрутив из нее жгут, крепко стянул ноги.

— Кричать не рекомендую! — затолкал капитан в рот Матвеева тряпичный кляп. Потом он вскочил на ноги, вынул из кармана электрический фонарик.

Зажав пальцами левой руки стекло фонарика так, чтобы он светил едва заметной полоской, капитан быстро пошел узким высоким коридором.

На крутом повороте Шарый повел лучом фонарика по неровному ряду толстых сталагмитовых колонн и устремился дальше.

«Старушка» подвела

Машина подпрыгивала на камнях, громыхала и скрипела так, что, казалось, она вот-вот рассыплется на части. Бледный, взволнованный Жорка коршуном вцепился в руль, всеми силами стараясь держать машину в повиновении. Но она скользила стертymi покрывками по мокрой почве и, как капризная лошадь, взбрыкивала на поворотах, упрямо заноса кузов в сторону.

Но не это страшило Жорку. Больше всего боялся он, чтобы машина не остановилась. Тогда прощай, изорванное сиденье, спаянный и связанный проволоками мотор, прощай, гордое звание водителя!

«Не подведи, родная! Вывези, старушка!» — мысленно молил Жорка.

Но «старушка» подвела.

Перед небольшим подъемом, на середине широкой лужи, она вдруг действительно по-старушечьи кашлянула и стала, выбрасывая над радиатором струйку пара.

Жорка пулей выскочил из кабины.

— Я сейчас, одну минуту! — торопливо поднял он залатанный капот, на котором тотчас же звонко затанцевали водяные фонтанчики.

С минуту все ждали.

— Э-э-э, чего там! Эдак мы до морковкиного заговенья будем ждать. Пошли, товарищи! Тут всего с полкилометра осталось, — сказала Елизавета Петровна и первая перевалилась через борт кузова.

Вытянувшись цепочкой, группа двинулась по обочине размытой дороги. Дождь все еще хлестал людям в спину, но на небе уже появились просветы. Ветер уносил косматую тучу в сторону моря.

Вера Алексеевна шла вслед за Елизаветой Петровной. Тревога мучила ее. Перед глазами стоял Сбитнев. Недаром он с такой жадностью слушал вчера вечером рассказ бабушки об этой злосчастной пещере!

Вера Алексеевна знала легенды, какие создал народ об этом страшном месте, знала и о людях, погибших в пещере. Сама она только однажды была в ней, еще студенткой, вместе с группой туристов. Они осмотрели тогда верхний зал при входе, прочитала трагические надписи на

стенах, но дальше идти не решились.

«Неужели этот упрямец повел ребят в подземелье?» — подумала Вера Алексеевна, и, как бы отвечая на ее мысли, рядом кто-то проговорил:

— Зинка и Олег, наверное, где-нибудь наверху. Витька их с собой не возьмет.

Зинка уже всем рассказала о страшной пещере, и Коркин теперь тоже беспокоился о судьбе ребят.

Вера Алексеевна, очнувшись, удивленно посмотрела на Васю:

— А ты почему не на плантации?

— Я в кабине был, когда ливень начался, — поднял на учительницу синие глаза Вася. — Может быть, они совсем и не пошли в пещеру, а где-нибудь прячутся от дождя?

Как бы хотелось Вере Алексеевне, чтобы это было так! Она вздохнула и посмотрела вперед, где сквозь сетку дождя чернел силуэт двугорбой горы.

Впереди раздался лай. Под ноги Коркину бросился с жалобным визгом мокрый, дрожащий Тузик.

Потоп

Желтый луч фонарика с трудом пробивал вековую темноту. Сбитнев понимал: еще час — полтора, и он совсем погаснет. Поэтому он то и дело покрикивал на измученных товарищей и спешил, спешил вперед по бесконечному лабиринту подземелья.

Пещера, извиваясь влево-вправо, то поднималась, то спускалась, разветвлялась пустотелыми щупальцами. Ребята проходили один за другим залы и коридоры и, не задерживаясь в них, торопились дальше. Они ясно понимали, что их спасение во многом зависело теперь от крохотной красной нити лампочки, тускнеющей с каждой минутой.

На коротких остановках Сбитнев выключал свет. Теплый, влажный фонарик тоже «отдыхал» на его ладони. Ныли уставшие ноги, мучительно хотелось есть. Отдохнув минуту-две, ребята снова пускались в путь.

Несколько раз они упирались в тупики или замирали перед очередным провалом. Тогда возвращались назад и в другом коридоре искали спасительного выхода.

А впереди их ожидало еще большее испытание.

В одном небольшом зале, где ребята остановились на очередную передышку, Зинка вынула замлевшую ладонь из руки Сбитнева и стала поправлять растрепавшиеся волосы.

— Ой, что это?! — вдруг вскрикнула она и отскочила в сторону. — Вода!..

Сбитнев направил свет под ноги девочке и увидел, что по залу растекается ручей. Он выползал из коридора, которым ребята только что шли.

С каждой секундой вода прибывала. Онемевшие от неожиданности ребята ясно слышали вкрадчивое бульканье и журчание бесчисленных струй. Одна из щелей в стене извергала поток, разраставшийся и набухавший буквально на глазах, словно там, в каменной стене,

открыли шлюз.

— Наверху ливень! — вскрикнула Зинка. — Здесь, говорят, потопаы бывают. Бежимте скорее!

— Бежим! — выдохнул Сбитнев и, схватив девочку за руку, бросился из зала в новый коридор.

Вода преследовала беглецов, гналась по пятам, плоскими пенистыми язычками лизала ноги. На минуту она останавливалась перед очередной выемкой, плавно крутясь по кругу, быстро заполняла ее и, перевалив гребень, снова бросалась за ребятами.

Шумейкин отставал. Он на бегу тоненько скулил и вдруг споткнулся, отчаянно закричал:

— Ви-и-итя!

Сбитнев остановился.

— Что же вы меня бросаете...

— Держи Зинку крепче за руку, не хнычь!

А поток уже обогнал ребят и устремился вперед по неровному полу коридора.

Голод, усталость, мысли о свободе, о солнце, о доме — все вылетело из головы: прежние тревоги и волнения казались пустяками в сравнении с тем, что теперь обрушилось на ребят. С каждой минутой бежать становилось все труднее. Воды уже было по колено. Она подгоняла, тащила за ноги куда-то в темноту.

Наконец ребята увидели, куда увлекал их поток. Впереди, на середине коридора, кружился огромный водоворот с воронкой в центре. Воронка то расширялась, то сужалась, и, причмокивая, засасывала воду. Ребята оцепенели, глядя на крутящийся поток.

Сбитнев первым пришел в себя.

«Что же мы бежали по течению, надо бы идти против него», — очнулся он и потащил товарищей назад.

Тяжело дыша, с шумом двигая в воде одеревеневшими ногами, они спешили уйти дальше от страшного провала, в котором кружился водоворот. Теперь ребята уже не бежали, а медленно брели навстречу течению.

Вскоре Сбитнев заметил в стене новое отверстие и повернул к нему. Через несколько мгновений идти стало легче, и обрадованные ребята прибавили шагу. Некоторое время, высоко поднимая ноги, они бежали мелководьем и уперлись в покатую стену, по которой сверху, как на водосбросе плотины, ровным слоем стекала вода.

— Тупик! — остолбенели ребята.

Снизу вода уже наполовину заполнила узкую пещеру. Значит, в большом коридоре, где они недавно были, текла уже настоящая река. Назад пути не было.

Наверху, откуда падала вода, Сбитнев заметил широкое отверстие, но сейчас же убедился, что забраться в него невозможно.

— Витя, смотри, здесь еще ход, — крикнула Зинка, указывая направо, где в стене темнело

небольшое отверстие.

— Пошли! Скорей! — обернулся Сбитнев к Олегу.

— Я не могу, — привалился Шумейкин к стене, уткнулся лицом в ладони, заплакал и сполз прямо в темную воду.

— Нюня! Затопит тут! — крикнул Сбитнев, подбежал к товарищу, резко тряхнул его за плечо. — Вставай немедленно. Не смей панику разводить! — Он силой поволок Шумейкина по коридору. Зинка шла впереди, светя во все стороны фонариком.

— Конец! — с отчаянием сказала она и остановилась.

Сбитнев отпустил Шумейкина. Ребята стояли в большом зале с озером вместо пола. Сверху, почти касаясь воды, свисали громадные сталактиты.

Где-то ревела падающая вода и по озеру ходили волны. Сбитнев посветил по сторонам.

— Смотрите, пещера уходит вверх! — радостно крикнул он. При слабом желтоватом свете Зинка и Олег с трудом рассмотрели, что противоположный берег озера круто поднимался вверх.

— Плыдем, скорей! — Сбитнев потянул за собой Шумейкина и, сделав два шага, по грудь окунулся в воду.

— Я плохо плаваю! — взвизгнул Шумейкин и выдернул руку.

Сбитнев сердито сплюнул, передал фонарик Зинке и осторожно повел за собой Олега. К счастью, озеро оказалось неглубоким и, придерживаясь за Витино плечо, Шумейкин легко переплыл его. Зинка плыла на боку, подняв руку с фонарем над головой. Она сразу отметила, что вода, в сравнении с холодом подземелья, казалась теплой, как парное молоко.

Выбравшись на берег, стали карабкаться по крутому подъему. Шумейкин, судорожно цепляясь пальцами за скользкие холодные камни, полз на четвереньках впереди.

Где-то в зале шумела вода. Но теперь она уже не пугала ребят. Они взбирались все выше и выше.

Однако, поднявшись на несколько метров вверх, они наткнулись на каменную стену. Пещера кончилась. Это была глубокая ниша, выемка в стене, каких немало встречали ребята на своем пути.

Не веря тому, что последняя надежда на спасение исчезла, они с ужасом осматривались по сторонам.

Сбитнев посветил в зал.

На уровне глаз был потолок пещеры, метра на два ниже рябило озеро, в которое уже опустили свои хоботы сталактиты. Вода медленно, но неуклонно поднималась все выше и выше.

Фонарик почти не давал уже света, лампочка тлела малиновым угольком. Чтобы сберечь хоть этот огонек, Сбитнев выключил фонарь.

В наступившей темноте ужасный стон потряс подземелье.

— Ма-ама! — вскрикнул Шумейкин и рванулся к Сбитневу.

Витя едва удержался на покатам полу и, только услышав внизу легкий всплеск, понял, что уронил в воду фонарик.

Он молча оттолкнул Шумейкина и закрыл лицо руками. Почему-то вспомнилась звездная ночь у голубого озера. И, как тогда, перед глазами встал Ваня Пронин.

«Пионеру-партизану Ване Пронину. Погиб за Советскую Родину» — выступила четкая надпись на памятнике.

«Вот как другие умирали!» — Сбитнев медленно слизнул с верхней губы что-то теплое и почувствовал соленый привкус слез.

«Своя рубашка ближе к телу»

Тряпичный кляп больно придавил язык. Матвеев глухо замычал и, выворачивая шею, огляделся по сторонам.

В полутемной пещере никого не было. Тишину изредка нарушали стоны «чертова подземелья». Матвеев попытался освободить руки. Пальцами он нащупал ремень. Подняв вверх ноги, разглядел на них белый жгут.

Диверсанта охватил панический страх: «Выследили! Накрыли! Неужели конец?»

Матвеев напряженно прислушался. И, убедившись, что в пещере никого нет, попытался подняться.

Некоторое время он извивался, переваливаясь с живота на бок, потом, выбившись из сил, затих.

Случайно взгляд его упал на большой расколотый камень возле стены. Матвеев впился глазами в плоский и острый, как лезвие топора, край камня. Это могло быть спасением!

Он подкатился к камню, скрестил ножницами связанные ноги, подогнул их под себя и рывком поднялся на колени. Повернулся спиной к камню, нащупал затекшими руками острый край и стал торопливо тереть о него ремень.

Вверх — вниз, вверх — вниз, — несколько томительных минут, и пальцы нащупали конец перепиленного ремня. Матвеев тряхнул за спиной руками: ремень упал на землю.

Вздрагивая и сопя от радости, бандит вытащил изо рта кляп, свел, наконец, онемевшие челюсти и поискал за поясом нож. Но его не оказалось. Не было и пистолета. Ломая ногти, Матвеев стал развязывать узел на ногах. Он не поддавался... Погибнуть из-за какого-то тряпичного узла! Диверсант попытался дотянуться до него зубами — не вышло...

В который раз ощупав карманы, Матвеев наткнулся, наконец, на зеркальце. Он разбил его о камень и острым осколком быстро перепилил жгут.

«Уф!.. Все!.. Скорее из этого страшного места!» Мелькнула мысль о напарнике, о Сыче, которого тоже наверно ловят. Но он отмахнулся от нее: «Пусть спасается как хочет, своя жизнь дороже!» Матвееву вспомнилось первое задание, на которое он был послан своими хозяевами полтора года тому назад. Тогда он с двумя другими диверсантами должен был

взорвать мост, уничтожить специальный эшелон. Но их накрыли. Конечно, он мог бы помочь «коллегам», так как оказался за спиной противника, когда у диверсантов завязалась перестрелка с советскими пограничниками. Но это был большой риск, и Матвеев счел за лучшее быть подальше от места схватки: в конце концов своя рубашка ближе к телу. И поступил, по его мнению, благоразумно, так как впоследствии узнал, что никто из его приятелей не вернулся с задания.

«Пусть спасается сам, как умеет», — еще раз подумал Матвеев о Сыче и бросился к светлому отверстию выхода. В ту же минуту на фоне голубого неба, заглядывавшего в пещеру, появились силуэты нескольких людей.

«За мной!» — попятился Матвеев.

Дрожащими руками он подобрал с земли ремень, разорванную рубаху и бросился в широкий коридор. В темноте, придерживаясь за стену, неуверенно двигался несколько метров, пока не дошел до большого камня, за которым лежал туго набитый рюкзак.

Сзади раздались голоса. С лихорадочной поспешностью Матвеев нащупал в боковом отделении рюкзака фонарик и нож в чехле. То и дело выглядывая из-за камня, он выбрасывал из мешка бруски взрывчатки, пока, наконец, на самом дне не нашел массивные карманные часы.

Зажав ладонью стекло фонарика, чуть-чуть присвечивая себе под ноги, Матвеев бросился в глубь пещеры. На повороте он оглянулся и увидел позади, как ему показалось, множество огней. Обливаясь холодным потом, включил фонарик и кинулся бежать по коридору навстречу подземному стону.

Поиски

— Да, так оно и есть. Они здесь, — проговорила Елизавета Петровна и выпрямилась. Вера Алексеевна все еще разглядывала следы детских ног, отпечатавшихся на влажном полу пещеры.

— Все фонари зажгли? — проверила Елизавета Петровна и обернулась к Коркину:

— Ты, паренек, останешься здесь. Будешь подавать нам сигналы голосом. А этот фонарь пусть тут стоит, — она поставила «летучую мышь» на камень перед широким коридором.

Ее голос заглушил низкий подземный стон. Коркин вздрогнул, испуганно оглянулся по сторонам. Елизавета Петровна потрепала его по плечу:

— На этот вой не обращай внимания. Ничего в нем страшного нету, — и позвала колхозников:

— Ну, что ж, товарищи, идемте!

К Коркину подошла Вера Алексеевна:

— Смотри, Вася, не отходи далеко от фонаря. Тут провалы есть, будь осторожен! — Она озабоченно вздохнула, включила фонарик и поспешила вслед за людьми.

Шли, внимательно приглядываясь, но следов больше не замечали. В небольшом зале с островерхим готическим сводом группа разделилась: пожилой мужчина, звеньевая Фрося и еще одна колхозница пошли в один рукав пещеры, остальные — в другой.

Негромко переговариваясь, Елизавета Петровна, Вера Алексеевна и двое парней миновали уже несколько залов. Под их ногами крутился Тузик, увязавшийся за Верой Алексеевной.

— Вот какой-то свежий след, — остановился вдруг один из парней. Все наклонились и стали рассматривать на влажном полу вмятину, которую оставил каблук Матвеевского ботинка. Тузик тоже понюхал след, но равнодушно отошел и побежал дальше.

— Это проходил взрослый, — определила Вера Алексеевна.

— Верно, — сказала Елизавета Петровна. — Тут ведь след пять лет будет, как свежий. Что ему — ни дождя, ни ветра.

Перед новым разветвлением пещеры все остановились.

— Вы с Федором идите туда, — показала Елизавета Петровна учительнице направо, — а мы пойдем этим особенно опасным проходом. Мне-то он немного знаком. Держитесь так, чтобы у вас всегда справа была стена. А то в два счета можно заблудиться.

Федор шел крупными шагами, как все рослые люди. На шаг сзади — Вера Алексеевна. От нее не отставал Тузик.

— Ишь ты, — снаружи дождь уже кончился, а тут все еще вода течет, кивнул Федор на пологий скат, по которому стекал ручеек, исчезая где-то под стеной.

На повороте пещеры Федор вдруг остановился.

— Что? — с надеждой спросила Вера Алексеевна.

— Там, впереди, вроде свет мелькнул...

Они постояли, внимательно прислушиваясь, вглядываясь в глубину коридора.

— Наверное, почудилось, — неуверенно проговорил парень и зашагал дальше.

— Сбитнев, Шумейкин! — громко позвала на ходу Вера Алексеевна. Голос ее прозвучал глухо и низко, и как бы в ответ пещера выдохнула протяжный стон.

Воды становилось все больше. Она била небольшими фонтанами из стен, слабо сочилась из щелей.

— Страшное дело — попасть сюда в ливень, — оглядываясь по сторонам, проговорил Федор.

Эта мысль давно уже мучила Веру Алексеевну. Она представила себе ребят в клокочущем водой подземелье и содрогнулась.

Неровный каменный пол был гладко вылизан водой. Нигде ни соринки. Лишь кое-где остались небольшие лужицы воды. Вера Алексеевна понимала, что все живое, что могло быть в пещере во время ливня давно унесено водой. Она осветила стены и замерла: нижняя половина намного выше человеческого роста была мокрой и темной.

— Провал. Дальше этого места я не ходил, — сказал Федор и осветил фонарем вниз. Огромного диаметра ствол пещеры круто, почти вертикально, уходил глубоко вниз, под стену.

— Может быть, ребята пошли тем коридором, — высказала предположение Вера Алексеевна.

— Это который у самого входа? Он небольшой, и там тупик.

Куда исчез Сыч?

— Тупик! — растерянно проговорил Шарый. — Куда же делся Сыч?

Николай Арсентьевич осветил неровную стену. Над головой, под низким потолком пещеры, он заметил узкое отверстие.

Шарый подтянулся на руках.

Нора круто поднималась вверх, и капитан увидел вдали на каменных стенах тусклое отражение дневного света.

«Так вот почему Сыч не оставлял следов! Вот почему он неуловим! — сообразил Николай Арсентьевич. — Он работал с передатчиком, не вылезая на поверхность!»

Держа пистолет наготове, Шарый с трудом протиснулся в нору.

Впереди показался кусок ярко-голубого неба. Шарый подполз к самому отверстию и прислушался. Кругом было тихо. Только теплый, напоенный влагой ветер едва шумел над головой.

Шарый выглянул наружу: никого поблизости не было. Ярко светило солнце. Далеко над морем темнела фиолетовая туча. Капитан быстро осмотрелся.

Он находился на безлесном отроге двугорбой горы, которая, загородив полнеба, нависала слева. Немного ниже простиралось голое плоскогорье, полого сбегавшее вниз к опушке леса. Сочно зеленая после дождя низкая редкая травка пушистой скатертью покрывала землю. За лесом, на берегу моря, виднелся город.

На десятки метров вокруг не было ни деревца, ни кустика, за которыми можно было бы укрыться. Только далеко внизу, у самой опушки леса, среди камней сиротливо торчали два полузасохших дубка.

«Что за черт!» — мысленно произнес Шарый и внимательно осмотрел почву кругом. Напитавшаяся влагой земля была мягкой, как тесто, но сколько Шарый ни смотрел, он не нашел следа человека.

«Ведь этот коридор не имеет другого выхода, не разветвляется. Куда же исчез Сыч?» — недоумевал Николай Арсентьевич, снова окидывая местность взглядом, и только теперь на расстоянии полкилометра увидел другое плато с одиноким, как часовой на посту, огромным камнем на вершине. Он сразу узнал это место. Это был квадрат «13а».

«Если бы Сыч выходил тогда «работать» через этот ход, мы обязательно обнаружили бы его след, — размышлял Шарый. — Да и зачем ему выбирать этот путь, идти целых полкилометра? Нет, отсюда он не мог выходить!.. Но ведь в квадрате «13 а» никаких пещер нет. На всех картах помечена только часть изученного верхнего этажа Стонущей пещеры», — одна за другой проносились торопливые мысли.

«Куда же делся Сыч?»

Шарый стал поспешно спускаться вниз.

Едва он спрыгнул на дно пещеры, как услышал отдаленный протяжный крик.

«Матвеев?.. Наверное, вытолкнул кляп!» — бросился капитан по коридору. Крик повторился. Стиснув зубы, Шарый изо всех сил бежал к выходу.

...Коркин проводил глазами уходящих и остался один. По временам из недр горы раздавались пугающие стоны, но с каждым разом они становились все слабее.

Первое время Коркин вздрагивал при каждом таком звуке, потом освоился и перестал пугаться. Фонарь рассеивал тусклый желтоватый свет. Постепенно привыкнув к полумраку, мальчик стал осматривать зал. Походил по углам; подбирая кусочки сталактитов. Молча постоял перед провалом у стены, не подозревая того, что несколько часов тому назад именно в нем исчезли ребята. Потом вернулся к фонарю.

Коркин заметил и узкий коридор, но его темнота и безмолвие пугали мальчика. Из широкого коридора хоть и раздавались таинственные стоны, но ведь туда ушли Вера Алексеевна и целая группа людей. От этого он стал как бы обжитым. А этот, другой — молчал, и казалось, что именно в нем затаилось непонятное, страшное.

«Сам себя пугаю, дурак! Страхи придумываю...» — подбодрил себя Коркин и подошел к узкому коридору. Осмотрел стены, козырек, нависший над входом, неровный ряд каменных колонн. И вдруг на полу он увидел короткий обрывок ремня.

«Кажется, Витькин, — встрепнулся Вася. — Они тут, в этой пещере, а их пошли искать совсем в другое место!»

Оттого, что Коркин представил Сбитнева, Зинку и Шумейкина в глубине узкого коридора, он сразу перестал пугать его.

«Эх, вернуть бы группу!» — подумал он и вспомнил, что ему велели подавать сигналы голосом. Коркин подошел к фонарю, громко крикнул и вздрогнул: голос его гулко раскатился по пустому залу. Вася подождал немного и стал снова и снова кричать в темноту широкого коридора.

...Издали увидев в пещере свет, Шарый взволновался еще больше. Он осторожно подобрался к выходу из коридора. Спinoй к нему возле фонаря стоял Вася Коркин. Шарый быстро осмотрелся — Матвеева нигде не было.

— Э-э-э-эй! — снова прокричал Коркин.

— Ты как сюда попал?

— Кого-чего? — вздрогнув, обернулся Вася. — Николай Арсентьевич!? Вы тоже пришли? — радостно вскрикнул он и осекся, увидев в руке Шарого пистолет.

Тот быстро сунул оружие в карман.

— Мы Витю, Зинку и Олега ищем. Пропали, — тише добавил Коркин, с тревогой глядя на взволнованное лицо капитана.

— Как пропали?

— Пошли сюда, и нет их.

— А здесь вот... — обвел рукой Шарый каменный зал, — никого не видел?

— Все ушли туда, — кивнул Коркин в сторону широкого коридора, — и Вера Алексеевна, и Елизавета Петровна, и все другие.

Шарый бросил взгляд на яркое пятно выхода: «Ушел, значит! Но один или с Сычом?»

— И давно ты тут? — спросил он Васю.

— Минут пятнадцать. Мне велели сигналы давать.

Шарый заметил в руке мальчика обрывок ремня.

— А это что у тебя?

— Ремень. Вот здесь нашел. Наверное, Витькин.

Капитан взглянул на разлохмаченный, перетертый конец ремня, на камень, возле которого его подобрал Коркин, и сразу понял все.

«Эх, разиня, прошляпил! — упрекнул себя Шарый. — Теперь ищи ветра в поле!»

— Николай Арсентьевич, а вы кого ищете? — тревожно спросил Коркин.

— Вот что: ты не маячь тут на свету. Сядь где-нибудь в темном уголке, вместо ответа сказал Шарый и исчез в узком коридоре.

«Надо было не упускать Сыча из вида. Где теперь искать его радиостанцию? Зачем пошел на риск? Вот — вместо двух зайцев — ни одного», — сетовал Шарый, хотя внутренне был убежден, что поступил правильно.

«А если стать вот здесь, между колоннами, и дожидаться возвращения Сыча! — мелькнула мысль, но он сразу же отбросил ее. — Ждать — значит бездействовать... А если Сыч уже предупрежден своим напарником? Вполне возможно, что он, как хитрый зверь, запасся вторым выходом. И теперь диверсанты уже исчезли из пещеры. Но где же он, этот выход?»

Шарый стал осматривать каменные столбы, пригнувшись, прошел в глубь выемки и остановился перед частоколом из сталактитовых прутьев толщиной в руку. Они спускались с потолка до пола. Шарый подошел ближе и увидел, что за каменной оградой была пустота. Значит, там продолжался коридор пещеры. Средний, самый большой из прутьев походил скорее на колонну толщиной в оглоблю. С обеих сторон его темнели щели, но не настолько широкие, чтобы в них мог пролезть человек. И вдруг Николай Арсентьевич увидел на этой колонне темную поперечную полоску. Шарый вгляделся внимательней и увидел, что колонна была перерезана в двух местах. Отпиленный кусок был тщательно установлен на место.

«Ловко придумал, черт!» — усмехнулся Шарый и потянул на себя отпиленный кусок колонны, открывая потайной ход в новый коридор пещеры.

Стой!

Федор и учительница повернули назад. Внезапно Тузик залаял в темноту.

Вера Алексеевна обернулась и вскрикнула.

— Свет! — показала она в глубину пещеры. Но огонек мелькнул и погас, и, сколько ни напрягали оба зрение, впереди был мрак. Тузик снова тьякнул.

— Эй, кто там? Стой! — крикнул Федор так, что, казалось, загудели стены. Но никто не ответил.

— Давайте пройдем еще немного, — предложила Вера Алексеевна.

Прижимаясь к стене, они осторожно обошли провал и двинулись дальше по каменному туннелю. Он сворачивал вправо вниз и вскоре привел в небольшой зал. С потолка свисали сосульки сталактитов. Федор вздохнул:

— Тут, видать, еще ни один человек не бывал. Надо возвращаться. Будем искать в другом рукаве.

Вера Алексеевна промолчала, чувствуя, что спутник ее прав.

Обходя зал, Федор обнаружил новый ствол пещеры.

— Подождите минуту, я сейчас вернусь, — сказал он учительнице, решив заглянуть и в эту пещеру. Он прошел несколько метров и с удивлением отметил, что пол пещеры — илистый. Воды здесь не было. И вдруг Федор увидел на этом иле четкие следы человека. Он удивленно осмотрелся вокруг и пошел по следам вперед.

...Страх гнал Матвеева все дальше и дальше в глубину горы. Диверсант не задумывался над тем, найдет ли потом выход. Сейчас у него была одна задача: уйти от преследования.

Человек без родины, без семьи, без друзей и родных, Матвеев уже забыл, что настоящее его имя Семен Чуб — так часто ему приходилось менять свое обличье. Раньше он грабил, воровал, убивал честных советских людей. Когда на страну напали гитлеровцы, бандит решил, что настало его время. Не задумываясь, он предал родину и стал служить ее врагам.

После войны Сенька Чуб перешел на службу к другим хозяевам, в специальной школе они обучили его искусству менять свой образ, обучили «новейшим», утонченным способам убийства, и Сенька — простой бандит превратился в Сеньку — диверсанта и мелкого шпиона.

Когда Сенька чувствовал свою силу, он был безжалостен. Но если приходилось отвечать за свои поступки, Чуб превращался в жалкого, дрожащего труса. Страх за свою подленькую жизнь подавлял в нем всякую волю.

Этот страх и гнал теперь Сеньку Чуба в глубину подземелья. Позади метался свет фонарей, раздавались голоса. Дрожа всем телом, Сенька бежал куда глаза глядят. Иногда бандит останавливался и, загасив свет, прислушивался. На каком-то из поворотов, оглянувшись, он увидел огни совсем близко, услышал лай собаки и резкий окрик: «Стой!» Холодный пот выступил на бледном лбу диверсанта, в смертельном ужасе он лязгнул зубами, пригнулся и с удвоенной силой ринулся вперед.

Но далеко уйти Сеньке не удалось. Пол в очередной пещере обрывался пропастью. Дальше идти было некуда. Светя фонариком, Сенька заметался на краю провала. Голоса приближались. Он кинулся к стене, съезжившись, втиснулся боком между сталагмитовыми колоннами, выключил свет и замер.

Рядом затопали тяжелые шаги. Противоположная стена пещеры осветилась, и из-за поворота

появился громадного роста человек с фонарем в левой руке.

Федор прошел метрах в двух от диверсанта, внимательно приглядываясь к следам.

«Сейчас найдет! — обомлел Чуб. — Бежать назад?.. Нет! Услышит, догонит!..» — Все это пронеслось в голове мгновенно. Сенька прижался к стене, следя глазами за Федором, как рысь за своей жертвой. «В двух шагах обрыв!» одновременно с этой мыслью он выскочил из засады и по-кошачьи бесшумно двинулся за парнем.

Сзади раздался шорох, вспыхнул яркий свет. Сенька вздрогнул, резко обернулся и едва не столкнулся с Верой Алексеевной.

— Матвеев!? — вскрикнула она.

Не более секунды Сенька стоял в замешательстве. В следующий миг он схватил учительницу поперек туловища, приподнял и швырнул на Федора. Под ногами завизжал Тузик, которому бандит наступил на лапу. Федор обернулся на шум, инстинктивно отскочил в сторону. Вскрикнув, Вера Алексеевна исчезла в провале.

Сенька Чуб кинулся в коридор, но Федор в несколько прыжков настиг его и вместе с диверсантом грохнулся на пол.

— Врешь, подлюка, не уйдешь! — хрипел он, пытаясь подмять под себя бандита. Но не зря обучали Сеньку: молниеносным движением он вывернул Федору руку, изогнулся всем телом, вскочил на ноги и снова понесся по гулкому коридору, натываясь на стены, скользя на илистом полу.

— Стой, бандюга! — не отставал Федор. Горящий фонарь плясал в его руках. И тут Сенька сообразил, что на его стороне все преимущества: он притаился за первым же поворотом коридора и выхватил нож. Тяжело дыша, из-за угла выскочил Федор и остановился, ища глазами врага. Сенька размахнулся и по рукоятку всадил нож в широкую спину парня.

Вот где твое логово!

Капитан Шарый поставил выпиленный кусок колонны на прежнее место, тщательно замаскировав вход. Осветив узкий ствол пещеры, он сейчас же заметил на влажном полу у стены четкий отпечаток сапога. Подковка на каблуке была поломана.

«Сыч и Кованый каблук — одно и то же лицо!» — осенила Шарого догадка. Елизавета Петровна говорила, что переселенцы из Рязанской области прибыли в колхоз в марте. Вражеский самолет разбился тоже в марте. Значит, сразу после высадки на парашюте Сыч мог заявиться в колхоз под видом переселенца и окопаться тут.

Капитан осторожно пошел по коридору, по-прежнему прикрыв фонарик ладонью и подсвечивая себе под ноги. Перед каждым поворотом он гасил свет и некоторое время двигался на ощупь. Убедившись, что впереди никого нет, снова включал фонарик и торопливо шел дальше. В небольшом зале он задержался, решая, каким коридором идти. Подумав немного, выбрал левый: подземный ход должен привести в квадрат «13 а», который находится где-то левее.

Действительно, в этом коридоре Шарый снова обнаружил след Кованого каблука.

Николай Арсентьевич шел еще минут пятнадцать и, наконец, увидел впереди на потолке

слабый желтоватый отсвет. Весь внутренне подобрившись, Шарый на секунду задержался и, проверив оружие, бесшумно стал красться вдоль стены. Через несколько шагов он заметил тонкую стальную проволоку, протянутую поперек коридора сантиметрах в двадцати над полом.

«Мина», — решил капитан, осторожно перешагнул через проволоку и замер: до его слуха донеслось комариное жужжание радиосигналов.

Шарый осторожно заглянул в пещеру.

Небольшой подземный зал имел форму треугольника. В дальнем конце низко нависавшего потолка была узкая щель, через которую вливался голубоватый дневной свет. Снаружи отверстие было забросано сухими ветками. Оттуда тянулась вниз антенна к портативному приемопередатчику на треноге.

Перед ним сидел на раскладном стульчике Сыч. Придерживая одной рукой наушник, другой он, видимо, писал текст радиограммы в записной книжке, лежавшей у него на коленях. Рядом на большом камне Шарый заметил телеграфный ключ. Тут же стоял горящий фонарь.

«Так вот где твоё логово!.. Хитро! А мы-то считали, что дело в коаксиальном кабеле!» — подумал Шарый, стремительно шагнув из-за укрытия. И тотчас же запрыгали, задребезжали старые консервные банки, подвешенные на стене перед радиостанцией и хитроумно связанные с проволокой, протянутой низко над полом у входа в зал.

Будто электрическим током отбросило диверсанта от приемника. Он вскочил, повернулся всем корпусом к Шарому. Николай Арсентьевич узнал весельчака, баяниста, колхозного бухгалтера Рязанова.

— Стой! — едва удержавшись на ногах, запутавшихся в проволоке, крикнул капитан. Рязанов, стреляя на бегу, метнулся в угол зала, за колонны. Шарый тоже выстрелил, но кто-то грубо и больно рванул его за правое плечо. Выпавший из руки пистолет глухо звякнул о каменный пол пещеры.

— Товарищ полковник, радиограмма Сыча! — чуть ли не бегом вошел в кабинет майор Силантьев. — Только что расшифровали!

— Наконец-то! — полковник Коркин быстро поднялся из-за стола.

Эту радиограмму он ждал с нетерпением.

«Брат прибыл. Похороны сегодня», быстро пробежал полковник глазами короткий текст на форменном бланке радиogramмы.

— Наше предположение оправдывается.

— От Шарого что-нибудь еще было?

— Нет.

Полковник Коркин положил бланк на стол, взглянул на часы.

— Сейчас же, Иван Ефимович, берите людей и поезжайте в Заветное. И быстро! Езжайте напрямую, через перевал, старой леской дорогой. Часа за два доберетесь.

— Брать будем на месте диверсии?

— Там лучше разберешься. Тебе ведь не в первый раз, — облегченно вздохнул полковник и улыбнулся впервые за много дней.

Идти некуда

— Включи свет! Слышишь, Ви-и-итька! — дрожащим голосом молил Шумейкин. Но Сбитнев молчал. Не мог он сказать товарищам, что фонарика нет и они теперь не сделают и трех шагов в этой крошечной тьме. Да и куда идти?

После теплой дождевой воды в пещере, кажется, стало еще холоднее, и мокрых с ног до головы ребят колотила дрожь. Витя уткнулся подбородком в руки, сложенные на коленях, и бессмысленно смотрел перед собой. Почему-то в памяти возникли несложные события его коротенькой жизни, которая прошла так быстро в одном городе, в одном доме.

«Мама, как же ты будешь без меня? — мысленно обращался он к матери и ясно представил себе ее лицо, утомленное, с сеткой мелких морщин под глазами. Ведь тебе так много приходится работать — и на фабрике, и дома. И все это ты делаешь для того, чтобы мы не чувствовали нужды, учились, росли. Как ты устаешь, родная! Как я ждал того дня, когда смог бы по-настоящему помогать тебе»...

Всякий, кто знал Сбитнева, не подумал бы, что у этого всегда суховатого и резкого в разговоре подростка могут быть такие ласковые и теплые слова.

«Сейчас мама, наверное, на работе», — соображал Витя, забыв, что было воскресенье. Он вспомнил с болью о сестренке Вальке, оставшейся дома за хозяйку, и о совсем глупом Мишке, который, провожая его в поход, принес клещи и котенка. «А я еще накричал на него», — подумал Сбитнев, и ему стало очень жаль несмышленого братишку.

Потом Сбитнев вспомнил, что не вернул Ване Горелову книгу «Овод» — еще подумает, что хотел присвоить!..

С запоздалым раскаянием Сбитнев обвинил себя за то, что всегда издевался над Васей Коркиным.

Почему-то вспомнилось, как он увидел однажды Коркина вместе с матерью в «Гастрономе». Она купила Васе пирожное и упрашивала, чтобы он не пил яблочный сок: он, мол, наверняка грязный и из гнилых яблок. Мария Ивановна ни на шаг не отпускала от себя сына, называла

его деточкой, ягодкой и обращалась с ним, как с ребенком. Вася только виновато оглядывался по сторонам и ежился, словно под холодным дождем.

С этого дня Сбитнев стал презирать Коркина.

Теперь Витя чувствовал себя виноватым за такое отношение к Коркину.

«Ведь в сущности Вася хоть и рассеянный, а хороший парень. Честный, прямой, умный, — думал Сбитнев. — Он, наверное, весь в своего отца». Отца Васи Коркина — полного добродушного полковника с двумя рядами орденских планок на кителе — Сбитнев видел однажды в школе перед родительским собранием.

Родители тогда еще не все сошлись, и собрание не начиналось. Отец и сын стояли в тени дерева у входа и вели шуточный разговор.

Сбитнев невольно удивился тогда, глядя на своего одноклассника. Перед ним был совсем другой Вася Коркин.

Он не робел, не ежился, не оглядывался по сторонам. Держался прямо и независимо. Говорил спокойным голосом человека, уверенного в своей правоте. Он не терялся, не твердил свое «кого-чего» и казался очень самостоятельным, умным и рассудительным. «Как же я раньше не знал, что он такой?» — подумал тогда Сбитнев о товарище.

Но больше всего его поразило тогда то, что отец и сын разговаривали, как друзья, как равный с равным. У Сбитнева, не имевшего отца, шевельнулось чувство зависти к своему однокласснику, и впервые он с уважением посмотрел на Коркина-сына. Но вскоре этот эпизод забылся, и Вася Коркин остался для Сбитнева прежним маменькиным сыночком-Ягодкой. Тем более, что в школу часто приходила Васина мать, которую Сбитнев очень недолюбливал.

Зинка громко чихнула и отвлекла Сбитнева от мыслей. Он повернулся, пристраивая удобнее замлевшую ногу, и замер в неудобной позе: в пещере появился какой-то новый, непонятный звук.

— Слышите, кто-то жует, — с тревогой прошептала Зинка.

Действительно, отдаленный звук напоминал медленное, ритмичное жевание огромного животного. С каждой секундой звук усиливался.

Так тянулось несколько минут. И вдруг непонятный звук раздавался совсем отчетливо — уже в зале. Но теперь он не был похож на жевание. Скорее казалось, что кто-то огромный с жадностью гигантскими глотками пьет, роняя воду струйками с губ. Иногда звук замирал, но сейчас же раздавался снова и с большей силой.

Окаменевшие от ужаса ребята тесно прижались друг к другу. Они не верили в сказочные подземные чудовища, но в эту минуту у каждого появилась невольная мысль: «Неужели это то, что так страшно стонет в пещере?!»

Сыч идет к выходу

Капитан Шарый подхватил упавший пистолет левой рукой и, преодолевая боль в плече, бросился за Рязановым. Случилось то, чего он больше всего опасался: шпион, по-видимому, запасся вторым выходом.

Рязанов скрылся в щели между толстыми сталагмитами. Шарый остановился за одним из них и осторожно выглянул. Сейчас же в темноте раздался выстрел. Пуля ударила над головой и рикошетом отскочила в противоположную стену.

«Я на свету — отличная мишень», — подумал Шарый, оглянувшись на «летучую мышь», стоявшую возле титикающей радиостанции. Он быстро снял с головы фуражку и осторожно высунул ее с правой стороны сталагмита, а сам бросился в левую. Расчет оказался верным: один за другим щелкнули два выстрела, и оба по фуражке; третий, запоздалый, выпущенный наугад, не причинил капитану вреда. Шарый уже был скрыт темнотой. Пробежав несколько шагов, Шарый остановился. Впереди послышалось шуршание плаща. Николай Арсентьевич пошевелил правой рукой и с радостью почувствовал, что она начинает действовать. Видимо, пуля не потревожила кости. Он отвел правую руку с фонарем в сторону, немного вперед, и включил свет. Рязанов метрах в тридцати впереди шел на ощупь, как слепой, держась за стену руками. Сзади на полу валялся брошенный плащ. Попав в яркий луч света, шпион заметался, точно заяц, от одной стены коридора к другой и, обернувшись, дважды выстрелил по свету. Капитан тотчас же выключил фонарик.

Этих секунд было достаточно, чтобы выбрать путь, и Шарый несколько метров смело пробежал в темноте, не рискуя врезаться в стену. Затем он снова осветил шпиона, и снова Рязанов делал отчаянные скачки из стороны в сторону и опять выстрелил. Николай Арсентьевич с удивлением заметил, что расстояние между ними не сократилось, а даже увеличилось. Видимо, Рязанов хорошо ориентировался в пещере.

«Во что бы то ни стало надо взять его живым. Буду бить по ногам!» — решил Шарый, включил свет и увидел знакомый поворот пещеры и натянутую над землей проволоку.

«Значит, выход все-таки один. Сыч идет к подпиленной колонне», — понял капитан.

Неожиданная встреча

Сброшенная бандитом в провал, Вера Алексеевна упала в воду. Это спасло ее. Вынырнув, она не услышала голосов, взглянула вверх и увидела, что свет исчез.

«Откуда взялся здесь Матвеев? Что с Федором?» — с трудом приходила в себя Вера Алексеевна, механически плавая на одном месте. Вдруг она сообразила, что в руке у нее фонарик — как хорошо, что всего несколько минут тому назад она надела ремешок его на руку! Вера Алексеевна передвинула рычажок, но свет не загорался.

«Надо вылить воду. Короткое замыкание», — решила она и попыталась встать на ноги. Но дна не достала. Тогда она вытянула вперед руку и наугад поплыла, пока пальцы не коснулись каменной стены. Но здесь встать на ноги было невозможно.

Вера Алексеевна медленно плыла вдоль стены, придерживаясь за нее рукой с фонариком. Стена сворачивала то вправо, то влево, и учительница повторяла за ней все повороты.

Правая рука стала уже устывать, но Вера Алексеевна упорно продолжала плыть. В одном месте, нащупав небольшой выступ, ока отдохнула на весу и снова поплыла.

Вскоре Вера Алексеевна поняла, что находится в огромном зале. Она определила это по тому, с какой силой здесь раздавался каждый звук, покашливание, плеск воды. Даже капли, падающие с руки при взмахе, осыпались в воду с каким-то металлическим звоном.

Когда Вера Алексеевна начала уже терять силы, ноги, наконец, почувствовали твердую опору.

Она встала и с облегчением выпрямилась. Вода доходила до пояса.

Учительница с минуту отдыхала, пошевеливая ноющей от усталости рукой, потом открыла крышку фонарика, тщательно вытряхнула из него воду, нажала кнопку и...

— Вера Алексеевна! — раздался восторженный вопль.

Ошеломленная учительница едва не упала. Держась за стенку, она вскинула фонарик и прямо перед собой, в неглубокой норе увидела Сбитнева, Зинку, Шумейкина.

— Ребята! Дорогие мои! — бросилась к ним Вера Алексеевна.

Зинка скатилась прямо на плечи учительнице, целовала ее в нос, в щеки куда попало и сквозь счастливые слезы смеялась и что-то быстро говорила. Вцепившись в руку Веры Алексеевны, с радостным всхлипыванием прижимался к ней Шумейкин. Сбитнев спустился вниз последним. Он с недоумением и восхищением смотрел на неожиданную спасительницу.

Вера Алексеевна нежно обнимала ребят. Она притянула за плечи и Сбитнева, но он осторожно и неловко отстранился и, отвернувшись, украдкой вытер кулаком глаза.

— Наконец-то нашли! Как же вы сюда попали? — спросила Вера Алексеевна и тут же подумала, что сейчас этот вопрос задавать не стоило бы.

Но Зинка уже затараторила:

— Олег провалился. Мы хотели его вытащить и сами вниз скатились... А тут ливень. Мы от воды спасались... А вы как узнали, что мы тут сидим? Где мы только были, что видели, расскажем — ахнете! Я же говорила вам, что нас обязательно найдут. Вот видите! — повернула она к ребятам счастливое лицо.

— Провалился... — перебил ее обиженно Шумейкин. — И вовсе не я виноват. Это Витька затеял в пещеру.

— Хорошо, хорошо. Потом разберемся, — остановила его учительница. — Сейчас давайте искать выход.

Так приходит решение

Несколько минут Коркин бегал из стороны в сторону, пытаясь собраться с мыслями. Внезапное появление вооруженного Николая Арсентьевича, его взволнованный вид, странные,

непонятные вопросы и такое же внезапное исчезновение — все было настолько неожиданно, что Вася не успел ничего сообразить.

«Что же я бегаю, как угорелый? Ведь он мне велел спрятаться», — вдруг остановился Коркин и прислушался.

Кругом было тихо, только в висках отчаянно стучало. На камне как ни в чем не бывало спокойно горел фонарь, по углам и в черном зеве коридоров лежала загадочная, пугающая тьма.

Там где-то, в глубине горы — целая группа взрослых, в другом коридоре исчез Николай Арсентьевич. А он, Вася, беззащитный, остался один в этом таинственном, страшном зале. Коркин огляделся по сторонам и поежился: из темноты, казалось, следят за ним тысячи глаз. Как хотелось выскочить из этого каменного мешка на волю, на солнечный простор, где все так ясно и понятно! Но ведь он оставлен тут для сигнализации, его голоса ждут люди!

«Как же быть: ведь Николай Арсентьевич не велел кричать!.. А почему не велел?.. Зачем сказал, чтобы я спрятался?... Значит, так надо! А тут еще этот вой... Но кто же тогда на самом деле Николай Арсентьевич? Ведь он говорил, что идет из турбазы. И зачем у него пистолет?» — одна за другой проносились мысли в голове мальчика.

Он вспомнил, что Вера Алексеевна разговаривала с Николаем Арсентьевичем, как со старым знакомым. «Наверное, он из милиции, ищет какого-то преступника», — заключил Коркин.

«Да что же это я, как истукан, стою на самом свету?» — спохватился он и стал поспешно искать себе укрытие. Спрятался за большой камень у стены, но в ту же минуту решил: «Нет, здесь сидеть нельзя. Снаружи от входа видно, из большого коридора — тоже».

Он вскочил и, зачем-то пригибаясь, перебежал к противоположной стене, забился в небольшую нишу. Но тотчас убедился, что и здесь ему не место: спереди на него падал свет фонаря.

«Может быть, фонарь потушить? — подумал он. — Но тогда Вера Алексеевна заблудится. Потом Николай Арсентьевич ничего не сказал о фонаре. Где же спрятаться?»

Снова вскочил на ноги и заметался из стороны в сторону. Наконец попал в узкий коридор. В полумраке он едва различил неровный ряд каменных колонн и решил, что здесь самое подходящее место. Забился в самый дальний угол между колоннами и притих.

Несколько минут Коркин сидел тихо, прислушиваясь к стуку собственного сердца. И вдруг его снова охватило смятение.

«Сижу тут, как суслик, а сейчас тот, кого ищет Николай Арсентьевич, придет, потушит фонарь, и все наши заблудятся, а сам он убежит», — подумал Коркин.

Ему представилось, что уже не один преступник, а целая вереница их, воровато оглядываясь, цепочкой выходит из коридора.

«Но если я сейчас выйду, они меня просто убьют, — похолодел он. — Неужели я трус?» — тут же задал он себе вопрос и не мог на него ответить. Вася чувствовал, что надвигаются какие-то события, и не знал, как поступить. До сих пор в его жизни ничего необычного не происходило. Он стал припоминать случаи, вычитанные из книг, но ничего похожего не вспомнил.

«Нет, надо все-таки идти в зал. Что я забился в нору», — решил он и вдруг услышал отдаленные выстрелы.

Коркин вскочил, потоптался на месте и снова запрягался в угол.

Несколько минут стояла тишина, потом совсем рядом послышался шорох. Коркин остолбенел: «Вот оно!»

Раздался глухой стук, как будто о стену ударили чем-то мягким. От колонны отвалился большой кусок и упал, чуть не придавив Васе ногу. Над самой головой мальчика кто-то злобно забормотал на непонятном, чужом языке.

«Это тот, кого ищет Николай Арсентьевич!» — мелькнула догадка. «Что же делать? Сейчас он убежит!.. А как бы поступил Витька?» — Но рассуждать было некогда. Решение пришло само собой. Забыв об опасности, Вася вскочил на ноги. В то же мгновение кто-то шукой выскользнул из отверстия в колонне и сбил мальчика с ног. Коркин упал на бок. Около его лица мелькнула нога в ботинке. Вася вцепился в нее руками. Рязанов глухо взвыл и грохнулся на пол, выронив пистолет. Он потянул ногу и поволок за собой Васю. Увидев, что его держит мальчишка, диверсант изо всей силы оттолкнул Коркина и вскочил на четвереньки.

В потайном ходе вспыхнул свет: высунувшись по пояс, Шарый навел пистолет на бандита.

— Стой! — выстрелил он вверх.

Рязанов рванулся в темноту коридора. Сзади снова хлестнул выстрел.

Опомнившись, Коркин увидел, что Шарый, с трудом выбравшись из потайного хода, бежит, пошатываясь, в глубь коридора. Вася вскочил на ноги и бросился вслед за Николаем Арсентьевичем.

Капитан, услышав сзади топот, отпрянул в сторону, к стене. Держа наготове пистолет, он повернул фонарик назад и включил свет. Коркин с разбегу чуть не наскочил на Шарого.

— Стой! Куда! — оттолкнул его капитан и, качаясь, словно пьяный, опять побежал по коридору. В голове у него гудело, мокрая на плече рубаха прилипла к телу.

Коркина поразили тяжелое дыхание и бледное с большими усталыми глазами лицо Николая Арсентьевича. Секунду мальчик стоял на месте, потом бросился вперед и быстро обогнал капитана.

— Назад! — крикнул Шарый.

Впереди Коркин увидел убежавшего человека. Он сильно припадал на раненую ногу и бежал неровными скачками, придерживаясь руками за стены. Однажды у мусорного ящика в своем дворе Вася нашел ворону с перебитой ногой и волочащимся по земле крылом. Вот точно такими же прыжками она убегала тогда от него.

Оттого ли, что сзади был Николай Арсентьевич, и или от чего другого, но у Коркина вдруг пропал всяким страх за себя. Томительные «переживания» исчезли. Все стало ясно и понятно: надо догнать преступника! — и мальчик прибавил ходу.

— Назад, тебе говорят! — снова крикнул Шарый, нагоняя Коркина и увидев, что коридор кончается тупиком. Но Вася не слышал окрика. Он в это мгновение увидел, что человек,

подтянувшись, забирается в темное отверстие наверху стены. Когда Коркин добежал до тупика, убегавший уже исчез в щели.

Вася подпрыгнул, ухватился за выступ, легко подтянулся вверх и вскарабкался на маленькую площадку. Стоя на коленях, он перед собой увидел стоптанные ботинки, вцепился в них и скользнул с площадки. Но бандит, видно, успел за что-то ухватиться.

— Тяни-ите! — что есть духу завопил Вася, обернувшись к Шарому.

Подбежавший капитан здоровой рукой обхватил болтающиеся ноги мальчика и дернул изо всех сил. Он едва успел отскочить, как Вася и Рязанов грохнулись на пол.

— Ни с места! — навел Шарый пистолет на поднимающегося с пола Рязанова. — Руки вверх!

Шпион медленно поднял руки.

— У-у, змееныш! — процедил он, метнув взгляд на вскочившего Коркина, и злобно бросил Шарому: — Если бы не этот щенок — только б ты меня и видел!

Свет!

Минуты радости прошли: Вера Алексеевна вспомнила о том, что случилось наверху. Справился ли Федор с Матвеевым? Сумел ли задержать его? Надо скорее выбраться из пещеры, разыскать Шарого и сообщить ему о встрече с «геологом».

Учительница осветила зал. Вода заметно спала, осталось неглубокое озерцо.

— Побудьте тут минутку, — сказала ребятам Вера Алексеевна и пошла в ближайший коридор.

Скоро она вернулась. Коридор привел ее в тупик. Выбраться наверх там было невозможно.

Где-то в стороне раздался могучий вздох. Вера Алексеевна быстро повернулась и увидела в стене зала еще одно отверстие.

— Идемте, ребята!

По пояс в воде перешли озеро вброд и вступили в туннель. Воды тут было только по щиколотку, а вскоре и совсем не стало. Вера Алексеевна шла впереди, держа Зинку за руку. За ними, спотыкаясь, брел Шумейкин. Сзади шагал Сбитнев, с интересом осматривая однообразные, унылые стены пещеры. Теперь, когда руководство маленьким отрядом перешло к Вере Алексеевне, в нем снова проснулась любознательность.

Минут двадцать мокрые, продрогшие путники шли по извилистому стволу пещеры. Изредка впереди раздавались уже знакомые, теперь почему-то не страшные вздохи.

Из одного небольшого зала, куда они попали, вело сразу четыре выхода. Вера Алексеевна подолгу стояла перед каждым из них, словно прислушиваясь. Сбитнев догадался, что учительница старалась определить направление движения воздуха. Наконец Вера Алексеевна повела ребят по одному из коридоров. Не прошли они и десяти шагов, как сзади совсем близко раздался стон, гораздо более сильный, чем прежде.

Шумейкин схватил учительницу за руку.

— Не пугайся. Сейчас попытаемся узнать, что это, — сказала Вера Алексеевна и повернула назад.

В зале они остановились и долго ждали, пока пещера вновь застонала. Звук вырывался из отверстия, которое было на уровне головы Веры Алексеевны. Она подсадила ребят, и через минуту все уже шли по неширокому коридору.

Постепенно потолок пещеры уходил вверх, стены раздвигались. В темноте коридора снова раздался зловеющий стон. Ребята даже почувствовали, как их обдало ветром. Казалось, разгневанная пещера пытается остановить непрошенных гостей. Но впереди по-прежнему спокойно и уверенно двигалась Вера Алексеевна, и ребята не отставали от нее.

Подъем окончился огромным залом. Вера Алексеевна медленно пошла в обход его, освещая угрюмые стены, в которых зияли ходы в новые пещеры.

— Свет! — в один голос радостно вскрикнули Сбитнев и Зинка.

Все сделали несколько шагов в сторону и за поворотом стены увидели наверху, в конце нового широкого коридора, круглое светящееся пятно.

— Свет! — с облегчением выдохнул Сенька Чуб и рукавом пиджака смахнул с лица пот.

Как загнанный в клетку зверь, метался он по коридорам. Он был уверен, что учительница устроила на него облаву. «Наверное, она заподозрила меня еще в лесу. А может быть, подглядела, что в рюкзаке», — думал он.

И вот, наконец, выход. Только бы выбраться из проклятой пещеры; в лесу он не пропадет — знакомые места!

С минуту, тяжело отдуваясь, Сенька отдыхал. Не спуская глаз со светящейся точки, он

медленно стал сползать вниз. Сенька опасался, что выход из пещеры охраняется. Но кругом было тихо.

Спуск окончился небольшим залом. Сенька Чуб добрался до отверстия. Оно было узкое, в него не мог пролезть взрослый человек. Но Сенька тут же отметил, что камень мягкий и выход можно расширить.

Чуб выглянул наружу. Сверху над выходом огромным козырьком нависла каменная глыба, а во все стороны отлого расходились серо-синие стены. Отверстие было как бы в центре гигантской воронки, и дуновение лобового ветра нагнетало через него, как через форсунку, воздух внутрь пещеры.

Сенька отступил, обдумывая, как бы увеличить отверстие, и вдруг услышал далеко позади человеческие голоса.

«Засада!» — обожгла диверсанта мысль. Он оглянулся и заметил в глубине одного из коридоров, выходящих в пещеру, желтый глазок фонарика.

«Облава! Попался!» — помертвел Сенька.

Он выдернул из-за пояса нож, бросился к отверстию и стал с лихорадочной поспешностью долбить известняк. Во все стороны по, летели мелкие каменные брызги.

Голоса приближались.

«Не успею, зацапают!» — скрипнул зубами Чуб. Выхватив из кармана массивные часы, он торопливо завел их, оттянул головку. Руки дрожали. Сенька поднес циферблат к самому лицу и очень осторожно перевел стрелки часов.

В пещеру ударила струя воздуха и с нарастающим гулом закрутилась по залу. Отскочив за выступ стены, Сенька размахнулся и бросил часы к отверстию.

Руки вверх!

Жорка готов был заплакать от досады: так оскандалиться перед Елизаветой Петровной!

Часа полтора он прокопался в замолкшем моторе, пока обнаружил неисправность. Наконец, мотор затарахтел. Размазывая по лицу грязь, Жорка вытер пот, облегченно вздохнул и осмотрелся по сторонам.

Над горами давно сияло щедрое солнце. Освеженные дождем деревья радостно шумели ярко-

зеленой листвой.

— И не доехал-то всего метров четыреста. Вон она, проклятая, — сокрушался Жорка, глядя на крутой склон горы, где под нависшим козырьком в глубине каменной воронки темнело круглое отверстие.

Старики рассказывали, что в былые времена в этой норе жил огненный змей, который по ночам уносил внутрь горы красивых девушек.

Другие говорили, что это — гнездо орла-великана. Орел от старости давно умер и до сих пор еще лежит там.

Но Жорка-то знает, что никакого орла и змея нет. Года два тому назад вместе со своим дружкой Фимкой они лазали туда и убедились, что это просто-напросто один из ходов в гору. Но в народе до сих пор так и называли эту дыру «Логовом змея».

«Куда же теперь... Ехать или тут обождать?» — подумал Жорка.

Вдруг в «Логове змея» загрохотало, загремело, во все стороны полетели камни, и, когда растаяло облако пыли, оторопевший Жорка увидел, что из образовавшегося пролома выскочил человек в красной майке под распахнутым пиджаком. Человек несколько метров проехал по стене воронки, сидя на корточках, и кубарем покатился вниз, под гору.

...Егор Егорович возвращался в колхоз. Телега его была с верхом нагружена сушняком.

Возле самой подошвы двугорбой горы он остановил лошадь и пошел осмотреть участок леса, не в меру густо заросший молодью.

«Придется расчищать», — подумал лесник.

Мимоходом Егор Егорович набрал большую кучу толстых сучьев, связал их веревкой. Он присел на вязанку и неторопливо раскурил трубку.

Где-то совсем неподалеку раздался взрыв.

«А ведь на гранату похоже!» опытным ухом уловил Егор Егорович и поднялся, с недоумением всматриваясь в чащу леса.

В стороне зашуршал кустарник. Егор Егорович вынул изо рта трубку и встревоженно направился к дороге.

Пока старик добирался до подводы, Сенька Чуб успел обрезать гужи, обрубить ножом постромки и уже вскочил на лошадь верхом.

— Эй! Погоди! Чего дуришь?! — появился лесник перед мордой лошади. Сенька!?. — воскликнул он, не веря своим глазам.

Чуб ударил лошадь каблуками под бока.

— Тпр-р-у-у! — успел схватиться за недоуздок Егор Егорович и, сдернув Сеньку за ногу с коня, навалился на него.

— Вот, зверюга, где ты мне попался!.. Думал, уколошил меня тогда!? — придавил он

диверсанта к земле и с остервенением стал дубасить его кулаками.

— За сына тебе! За Марью!

Сенька Чуб растерялся. Ведь Пронина он прикончил в горах! Что ж он, из мертвых воскрес? Но скоро бандит опомнился и, изловчившись, ударом колена перебросил лесника через голову.

Егор Егорович вцепился в предателя, однако Сенька Чуб и не думал убегать. Он схватил старика за горло и, путаясь в поле пиджака, искал нож.

Но пустить нож в ход Сеньке не удалось. Из кустов выскочил Жорка и с коротким криком кинулся на бандита...

Зашуршали шины по гравию дороги.

— Руки вверх! — выпрыгнул на ходу из зеленой машины Сафар Садыков с пистолетом в руке. Вслед за ним выскочили два автоматчика и майор Силантьев в гражданской одежде.

Держа руки над головой, Сенька Чуб ошалело озирался по сторонам. Длинные свалывшиеся волосы упали на лоб, лезли в глаза. По лицу текли грязные струйки пота.

Чуб понял: теперь он окончательно попался. Надо любой ценой спасти свою жизнь. И Сенька, захлебываясь, торопливо заговорил:

— Я все, все расскажу... Там, в пещере, Смайк... Американец. У него там радиостанция...

Майор Силантьев бросил на Сафара короткий взгляд, и тот вместе с одним автоматчиком исчез в кустах.

— Я только вчера в скафандре вышел из подлодки... Нам было дано задание... — торопился Сенька, но майор Силантьев перебил его:

— Остальное расскажешь потом, Завьялов. Впрочем, сейчас ты уже Матвеев?

— Не Завьялов он и не Матвеев, — опираясь на руку Жорки, приподнялся с земли Егор

Егорович. — Это Сенька Чуб — бандит, душегуб и предатель.

Неужели каждый день бывает столько света?

Эти последние пятьдесят метров пути были очень тяжелы.

Вера Алексеевна сразу определила, что выбраться отсюда к выходу нелегко. Он светился где-то вверху, в конце коридора, поднимавшегося почти отвесно вверх, своеобразными террасами-горками.

Ребята приуныли.

Учительница долго светила фонариком, осматривая террасы, и, наконец, велела ребятам дать ей пояса и все, что можно связать между собой. Сбитнев снял свой ремень, у Шумейкина, кроме ремня, оказался в кармане двухметровый плетеный шнур. Все это Вера Алексеевна крепко связала и начала взбираться на первую горку.

Ноги скользили по чуть заметным выпуклостям, но опытная туристка держалась руками за малейшие шероховатости, прижималась всем телом к неровному, покатоному полу, упорно, сантиметр за сантиметром, поднималась все выше и выше, приближаясь к площадке.

С замиранием сердца следили ребята за каждым ее движением. Наконец, Вера Алексеевна сделала последнее усилие и взобралась на вершину первой горки.

У всех вырвался вздох облегчения.

С помощью связанных ремней и веревки Вера Алексеевна по одному подняла на площадку ребят и стала штурмовать новую горку.

Так продолжалось до тех пор, пока все не оказались в небольшом зале с ребристыми стенами. Отсюда наружу вел выход на волю.

Яркое, ослепительно яркое солнце заливало всю землю. Ликующего света было даже слишком много: потребовалось несколько минут, чтобы освоиться с ним.

Сбитнев, Зинка и Шумейкин стояли и слезящимися глазами все смотрели и смотрели на солнечный простор.

Неужели каждый день бывает столько света? Как же они раньше не замечали этого?

Ребята любовались зелеными шапками деревьев, горами, уходящими в даль, неправдоподобно синим небом и не могли налюбоваться, как будто бы увидели все это впервые. Зинка даже притихла вся и стояла, затаив дыхание, крепко прижав грязные ладошки к груди.

Какой простор, какое тепло! А ведь там, внизу, ребятам казалось, что самого жаркого солнца не хватит растопить холод, которым напитало их тела сырое подземелье.

Когда они глядели так, растерянные и растроганные, на раскинувшийся перед ними светлый мир, в отверстие пещеры могучей струей ворвался воздух, вихрем закружился в маленьком зале. И тут ребята услышали, как по ходам пещеры стал удаляться в утробу горы глухой, похожий на стон, звук.

«Так вот отчего стонет пещера, — разочарованно подумал Сбитнев. Оказывается, никакой тут тайны нет. Все так естественно и просто». Этот маленький зал с неровными, ребристыми стенами был чем-то вроде камеры гигантского свистка.

«Только почему звук стал глухой и хриплый? — удивился Витя. Он вспомнил, что пещера изменила голос в тот момент, когда они осматривали выход наверх. Вверху стал тогда рождаться стон. Он нарастал, усиливался, и вдруг раздался взрыв, будто в горле пещеры что-то лопнуло...

Размышления Сбитнева прервала Вера Алексеевна:

— Ну, ребята, давайте выбирать на волю! — весело сказала она и стала осторожно спускаться по стене воронки.

Вот тебе и Коркин!

Возле сельской больницы собрался весь отряд. Поодаль у дороги стояли взрослые. Среди них дед Пахом, шофер дядя Гриша, продавщица Леночка и счетовод Аполлон Никитич.

Звеньевая Фрося взволнованно рассказывала:

— ...Дошли мы до этого места, аж мороз по коже... Под ногами обрыв, а дальше, сколько ни светили, ничего не видно. Темница жуткая, и гул стоит! То ли водопад подземный, то ли еще что, но только так и грохочет, так и грохочет, как на мельнице. Мы — обратно. Идем, слышим голоса. А это наши вернулись, а под ногами у них связанный бухгалтер наш, Рязанов. А он, оказывается, и не Рязанов вовсе, а иностранец-шпион.

— Вот гад!

— А ведь как подстраивался... Рубаха-парень! Поди раскуси такого.

— Под переселенца подкрасился. Из Рязани, мол, приехал.

— А еще кое-кто из наших девок по нем с ума сходил, — и все повернули головы в сторону бледной, испуганной продавщицы Леночки. Она покраснела и потупилась.

— Он, паразит, хотел и меня в свои сети затянуть, — торопился «раскрыть душу» Аполлон Никитич. — Все на мою слабость нажимал. Как вечер, так водку тащит. Думал, что я за рюмку душу продам. Все мне твердил: дескать, и одинокий ты, и бездомный, и в тюрьме побывал, жизнью обижен. Так говорит, умеи ловить свое счастье. Да не на того напал! — запальчиво крикнул счетовод.

Только тут все заметили, что нос Аполлона Никитича покраснел больше обычного и глаза подернуты глянцем.

— Вы не смотрите, что я выпил немного. Может последний раз это, для очищения души, — оглядел он всех виновато. — Ведь он ее, душу-то мою, наизнанку вывернул. Мне Елизавета Петровна велела до времени потакать ему. Вот сидим, выпиваем, он мне райскую жизнь расписывает, какая ожидает меня в будущем по его милости. Я головой киваю, улыбаюсь, а у самого в душе все клокочет. Так бы схватил его и задавил на месте, — потряс Аполлон Никитич жилистыми руками. — Как после такого дела не выпить? — снова окинул он всех извиняющимся взглядом.

— Что с Федором-то, Фрося? — тронула девушку за руку пожилая колхозница.

Фрося заговорила снова:

— Ну, дальше видим, идут Елизавета Петровна с Петром и мешок со взрывчаткой тащат — в пещере нашли... Ждем-пождем, а Федора и учительницы нету и нету. Чую, дело неладное. Кинулись искать. Долго бродили. Думали, уж и не найдем. Хотели было возвращаться, да собачка выручила. Слышим, скулит, тьякает. Пошли дальше и нашли: бегают собачка, фонарь стоит, горит, а возле него на боку лежит Федор. А кровищи под ним...

— Кто же это его?

— О, господи! Мать-то узнает, так снопом срезанным и ляжет, — всплеснула руками пожилая колхозница.

На шум из окна больницы выглянула Елизавета Петровна, прикрыла створки. Она стояла в коридоре и поглядывала на белую застекленную дверь операционной. Наконец из двери вышла седоволосая женщина-врач.

— Как там Федор, Марья Сергеевна?

— Все пока без сознания. Сейчас сделали ему переливание крови: очень много потерял. Рана опасная. Но если нож не был отравлен, спасем парня.

Марья Сергеевна что-то тихо сказала сестре в белом халате и зашла в соседнюю комнату. Там вторая сестра бинтовала плечо Шарому. У открытого окошка сидел на стуле Коркин. Лицо его было раскрашено зеленкой. Возле Васи стояла Вера Алексеевна.

— Как самочувствие? — спросила врач Николая Арсентьевича.

— Бодрое, как говорят моряки, — отшутился тот.

— Недельки через две и на ринг выходить можно будет, — посмеялась в свою очередь врач. — Хорошо, что кость не потревожена. — Она подошла к Коркину:

— Ну, а ты, молодец, как себя чувствуешь?

— Он у нас герой! — улыбаясь, кивнул головой Шарый и серьезно закончил: — Достоин правительственной награды. Буду ходатайствовать!

— Вот тебе и Коркин! Слыхали, медалью, а то и орденом наградят, немедленно доложила взбравшаяся на изгородь Зинка нетерпеливо топтавшимся внизу ребятам, — кто бы подумал?!

— Все с девчонками водился, а тут шпиона задержал!..

— У-у-у, как его разукрасили! — последовало новое сообщение. — А Николая Арсентьевича совсем не видно, — Зинка спрыгнула на землю, придерживаясь за плечо Сбитнева.

— Все лицо у Васьки в зеленке, — зачем-то пощупала она свои щеки.

— Наверное, больно ему! — проговорила Оля Пахомова.

— Поплачь, жалельщица! — насмешливо бормотнул Сбитнев, не терпевший никакой сентиментальности.

Зинка вспыхнула:

— А что? Завидки берут? Ты всегда себя таким героем ставишь!

— Дурочка... — беззлобно оборвал ее Сбитнев. — Ничего ты еще не понимаешь.

Он медленно отошел от ребят и сел на толстое бревно, лежавшее у ограды.

— И все понимаем! Не полез бы ты в пещеру — ничего бы с Васей не случилось, — заступилась за Зинку Оля. — Смельчак нашелся!.. — она повернулась к Шумейкину: — Ты чего это толкаешься, к калитке жмешься? Что тебе, места не хватает?

— Никто не толкается, — попятился Шумейкин и наступил на ногу Гале Пурьгиной.

— Ой, медведь, второй раз наступает, — вскрикнула та.

Но Шумейкин не дослушал ее. Он заметил, что дверь больницы открылась, и бросился навстречу Коркину, опережая радостно повизгивающего Тузика.

— Поздравляю, Вася! Здорово! Молодец! Я всегда знал, что ты у нас геройский!

Зинка подбежала к мальчикам и оттолкнула Шумейкина:

— Уйди отсюда! Поздравитель нашелся! Трус несчастный. В жизнь таких не видала!

Ребята окружили Коркина.

— Вася, расскажи, как ты его поймал?

— Очень страшно было?

— А он в тебя стрелял? — наперебой сыпались вопросы. Коркин ничего не отвечал. С удивленной и восторженной улыбкой на лице он только вертел во все стороны головой и быстро моргал синими счастливыми глазами.

Вера Алексеевна и Николай Арсентьевич простились у дверей больницы.

— Что ж, Николай Арсентьевич, мне пора! — сказала учительница.

— Возвращаетесь в город?

— Нет. Мы ведь только половину маршрута прошли. Сейчас едем в Лазурное. Завтра будем осматривать сталактитовые пещеры.

— Или вам мало Стонущей пещеры?

— Эта не для туристов. Пойдем с ребятами в обжитые, хоженые. А вы как, здесь остаетесь?

— Нет. Сейчас за мной приедет наша машина.

— Ну, тогда до встречи!

— До скорой встречи, Вера Алексеевна! В городе, — он крепко пожал ее руку левой рукой.

Сбитнев сосредоточенно строгал перочинным ножичком прутик, а сам, скосив глаза, наблюдал за ребятами. Они со всех сторон окружили Коркина, жали ему руки, хлопали по плечу. Сбитневу тоже хотелось поздравить Коркина, но что-то удерживало его. Он никак не мог еще убедить себя, что Коркин, этот «Ягодка», сумел совершить подвиг. А Вася уже не раз бросал на него удивленный, ожидающий взгляд.

«Еще подумает, что завидую!» — обозлился на себя Сбитнев и поднялся было с бревна, но заметил у калитки Веру Алексеевну, снова сел и стал строгать прутик с еще большим ожесточением.

Сбитнев относился раньше к учительнице с предубеждением и недоверчивостью. Он считал, что вообще всякий учитель обязательно покушается на самостоятельность ребят. Поэтому он всячески старался показать Вере Алексеевне, что не очень-то прислушивается к ее мнению. Распоряжения ее он хоть и выполнял точно, но делал вид, что для него это — нудная обязанность.

Теперь Сбитнева мучили угрызения совести. Учительница вызывала в нем восхищение и уважение. Она оказалась очень смелым и выносливым человеком, рисковала жизнью для их спасения и даже до сих пор не спросила с него ответа за самовольный поступок.

«Как я теперь буду ей в глаза глядеть?» — думал Сбитнев и чем дальше, тем со все большим волнением ожидал минуты, когда он должен будет держать ответ. Сбитнев не любил слушать нарекания и поучения, но теперь готов был вынести от Веры Алексеевны любую головомойку, лишь бы скорее — так хотелось избавиться от этого тягостного ожидания.

Краем глаза Витя заметил, что учительница направляется к нему.

«Наконец-то!» — весь внутренне подобрался Сбитнев.

Но Веру Алексеевну занимали другие мысли. Заметив, что Сбитнев сидит в стороне от всех, она нахмурилась:

«Что же это такое? Опять он держится особняком?» — и пока шла от калитки, пыталась объяснить себе Витино поведение. Зная самолюбивый характер Сбитнева, она невольно подумала: «Неужели его мучает зависть к Васе Коркину? Неужели он такой эгоист? И как к нему подступиться?» — но так ничего и не успела решить. Она просто подошла и мягко положила Сбитневу руку на плечо.

Витя встал, медленно поднял голову.

— Не надо. Вера Алексеевна! Я и так сам все понял! — неожиданно для себя сказал он, глядя прямо в тревожные серые глаза учительницы.

Ее озабоченное лицо просветлело, губы тронула теплая улыбка. Сбитнев облегченно вздохнул и улыбнулся в ответ открыто и доверчиво.

— А наказать тебя, Виктор, все же придется! Это и тебе и другим в науку будет!

Сбитнев улыбнулся еще шире и совсем невпопад радостно ответил:

— Спасибо, Вера Алексеевна!

Сбор отряда

После обеда отряд собрался на зеленой поляне, за палатками, в тени густых акаций. Вера Алексеевна предложила обсудить поступок Сбитнева.

Некоторое время ребята молчали, поглядывая на мрачного Витю, который сидел, сгорбившись, под деревом и усердно ковырял щепкой землю. Первой, наконец, поднялась Женя Терехова.

— Я, конечно, осуждаю недисциплинированность Вити. Поэтому предлагаю объявить ему выговор и... она замялась, — оставить его без обеда...

Ребята сразу оживились.

— Так мы уже пообедали!

— Тоже придумала наказание!

Женя покраснела и спряталась за спину Вани Горелова.

— Пусть на привале соберет хворост один за всех!

— И дежурит целую ночь у костра, — с разных сторон под смех ребят посыпались предложения.

Пунцовая от смеха Оля Пахомова встала и подняла руку.

Шум стих.

— Вот вы все смеетесь, а тут дело серьезное, — упрекнула она ребят, хотя сама смеялась больше всех. — Сбитнев с самого начала самовольничал. На озеро пошел купаться — раз. С камнями в овраг загудел — два. А теперь вот, пожалуйста, уже третий случай, с этой пещерой. За такие вещи из отряда выгонять надо.

— Правильно! — выкрикнул Шумейкин. — Он только командовать любит, а сам первый дисциплину нарушает. Ему ни в чем довериться нельзя. Он в любой момент может товарища подвести.

— Неверно! — перебила Олега Галя Пурыгина.

Она тоже осуждала Сбитнева ведь история с пещерой могла кончиться очень плохо. Но слова Шумейкина возмутили ее. И, забыв свое правило — основательно обдумать выступление, она вскочила.

— Витя не такой!.. Ты не смеешь так!.. Ты не знаешь... — выкрикнула она прямо в лицо Шумейкину, испугалась своей смелости, сбилась, но потом взяла себя в руки и повернулась к Сбитневу.

— Скажи, Витя, но только, понимаешь, по-пионерски, честно и перед нами и перед собой! — сделала она ударение на последнем слове. — Скажи: ты специально хотел... нет, не так, ты заранее решил пойти в пещеру? Или вы попали туда случайно, только потому, что машина стала? И вообще, расскажи все честно, как было...

Все притихли.

Сбитнев поднялся, серьезно, посмотрел в напряженные лица ребят:

— В эту пещеру я собирался идти.

Все сразу задвигались, зашумели.

— Но только не сейчас, а когда все подготовлю, — продолжал Витя. — Я хотел запастись мелом, чтобы отмечать повороты, взять, кроме фонарика, спички и свечи, еду, веревку. В общем, хотел по-настоящему подготовиться. Думал нарочно когда-нибудь приехать сюда, в Заветное. А тут, когда машина стала, все получилось случайно. Мы осмотрели только зал за входом и все. Хотели уже идти к машине, а пещера как застонет... Олег испугался и провалился. Мы с Зинкой хотели его вытащить и сами туда же попадали. А там уж и заплутались, — закончил он неуклюже и сел.

— Оправдывается! — подскочил Шумейкин. — Мы с Зинкой не хотели в пещеру идти, он нас потащил. А говорит — я испугался.

— Ты только не ври, обманщик! — выбежала на середину круга появившаяся откуда-то Зинка.

Она была с галстуком, в новом сиреновом платье и с аккуратно заплетенными косичками.

— Ты не из нашего отряда, и тебе никто слова не давал, — выкрикнул Шумейкин, но Зинка тряхнула косичками и угрожающе двинулась на него:

— Мне это слово и не надо давать! Я его сама возьму! Я — пионерка и могу сказать свое выступление на каком угодно сборе. Во всем Советском Союзе, понятно тебе? А вот ты врун бессовестный — это, это... Это — позор! Витька мне хоть и родня, но я его не защищаю. А когда я стала отговаривать Витьку, чтобы не ходил в пещеру, кто приставал: «Пойдем, Витя, одни, не слушай ее!» Чьи это слова, чьи?.. Твои! И правильно тут Витька все рассказал. А ты теперь слезу пустил. Ты своими слезами и так весь пол в пещере залил. И теперь еще врешь. Ты не сваливай все на других, а отвечай вместе с Витькой.

Зинка широко раскрыла рот, набрала воздуха для нового заряда и залилась пулеметной очередью:

— Ты даже учительницу свою обманул, да и весь отряд тоже! Думаешь, не знаем, что ты часы перевел? Знаем! Ты глазами-то не юли! Я сразу раскусила, когда ты шмыгнул в автобус искать фуражку, хоть она была на голове. А Тузика кто хотел в лесу выбросить? Ты? Ты! Хоть и отказывался. Обманщик! А еще звеньевой! Гнать таких звеньевых!

Зинка крутнулась на одном месте, окинула всех ребят сразу одним взглядом и уже тише закончила:

— А Витьке, конечно, тоже надо всыпать, чтобы нос не задирает, не лез, куда не следует. Вот! — она выскочила из круга, села на землю возле Гали Пурыгиной и торопливо одернула на коленях платье.

Ребята, как по команде, дружно захлопали в ладоши. Зинка удивленно смотрела на них круглыми голубыми глазами и только часто-часто моргала. Сразу подняли руки несколько ребят. Каждый хотел высказаться раньше другого. Теперь все обрушились на Шумейкина.

— Верно Зина про него сказала. Обманщик он. Что ни пообещает — никогда не выполнит. Только словами разбрасывается, — громко выкрикнула Оля Пахомова. Ее перебила Галя.

— Это Олег Васю в водопад столкнул. Он на мостике подпрыгнул. А вчера тоже его обманул. Мешок свой на него нагрузил, притворился больным.

— Дать ему выговор!

— Переизбрать из звеньевых!

— Отправить их вместе с Витькой домой, чтобы весь отряд не позорили, раздался суровый голос.

Это сказала Оля. Когда шум немного утих, она продолжала:

— Олег — он очень хитрый. Сам натворит, а на других сваливает. Сознаться у него смелости не хватает. И потом зазнайка он. Любит вперед выскочить, покрасоваться. Для этого он и к Витьке всегда подлизывался, в товарищи набивался. Чуть что, так он сразу: «Мы с Витькой решили, мы с Витькой думаем»... Вот и надумали залезть в пещеру. А теперь он всю вину с себя сваливает, — разгоряченная Оля на секунду замолкла, глубоко передохнула и закончила:

— Я еще раз предлагаю отправить их обоих домой. Пусть во дворе у себя путешествуют!

Вслед за ней поднялся Коркин.

— О том, что Олег меня нарочно толкнул в воду, — этого я не знаю. Он ведь шел сзади меня. Может быть, мостик и должен так качаться, и я просто не удержался. А вот то, что Олег часы перевел, это совсем нехорошо, не по-товарищески. И ему должно быть стыдно перед всеми.

Вася посмотрел на Шумейкина, потом на Витю.

— В пещеру, наверно, первым надумал идти Витя, а Олег, как всегда, наверно, только поддакнул, чтобы показать свою храбрость. Поэтому отвечать они должны вместе. Я предлагаю на один день исключить их из похода.

Еще с полчаса продолжалось собрание. Вера Алексеевна внимательно слушала выступления ребят и с удивлением поглядывала на Шумейкина, съежившегося за спинами товарищей.

«А я его еще в пример другим ставила, — смущенно думала учительница, ведь он мне всегда казался скромным, хорошим пионером, учится неплохо, послушный. Поэтому я и предложила тогда избрать его звеньевым».

Вера Алексеевна долго ломала голову над тем, как наказать Сбитнева и Шумейкина. «Отстранить от похода вообще, как предлагали некоторые пионеры, значит навсегда отбить у них охоту к путешествиям и окончательно восстановить против класса», — думала она. Поэтому ей и понравилось предложение Васи.

«То, что они завтра не пойдут с отрядом, не посмотрят пещеры, будет для них настоящим наказанием. А в то же время им надо отдохнуть после перенесенных волнений. Пусть посидят денек вдвоем. Только нужно сказать дяде Грише, чтобы не отпускал их далеко от автобуса», — решила она.

Поход продолжается!

Уставшее за день солнце катилось все ниже и ниже, как будто торопилось скорее спрятаться за лысую вершину далекой горы.

Перед школой, ворча мотором, стоял автобус. Дядя Гриша ходил вокруг него и монтировочным ломиком стучал по скатам.

Пионеры тащили из сада сложенные палатки, рюкзаки, весь нехитрый походный скарб. Им помогали деревенские ребята, успевшие подружиться с гостями.

Возле калитки Коркин, обвешанный всякой ношей, кряхтя, нагнулся за оброненной папкой с гербарием, но Шумейкин выхватил ее у него из-под рук:

— Ничего, Вася, я донесу, Хочешь, я тебе агат подарю? Насовсем!

— Ты его лучше в школьную коллекцию отдай, — спокойно посоветовал Коркин.

— Все-таки ты, Олег, бессовестный! — поровнялась с ребятами Оля Пахомова. — То всегда насмехался над Васей, обманывал его, «Ягодкой» дразнил, а теперь подлизываешься...

— И ничего не подлизываюсь. Откуда ты взяла? — покраснел Шумейкин.

— Не слепая. Все видят, как ты возле него увиваешься.

— Ну и пусть. А тебе какое дело? Может, мы с ним дружить будем.

Оля только окинула его презрительным взглядом и побежала к автобусу.

Шумейкин неловко потоптался на месте, потом предложил:

— Побегу, Вася, скорее места занимать. Я на двоих забронирую, — и поспешил вслед за девочкой.

Вера Алексеевна, шедшая сзади, проводила взглядом Шумейкина. «Нет, не Сбитнев, а вот кто у меня самый трудный ученик!» — она оглядела сухощавую, угловатую фигуру мальчика. — Как же я раньше не сумела разобраться в нем? Ведь он уже почти год как пришел в этот класс...»

Вера Алексеевна попыталась вспомнить в лицо родителей Олега, но так, к своему огорчению, и не вспомнила. Дома у Шумейкина она тоже не была ни разу.

«Много труда придется приложить. Этого вывести на верную дорогу будет, пожалуй, потяжелее, чем Сбитнева», — заключила она.

Возле автобуса резко остановилась «Победа» с белыми шахматными клетками. Из нее вышла Мария Ивановна Коркина с разбухшей базарной сумкой в руках. Увидев вымазанного зеленкой сына, она в ужасе бросилась к нему:

— Мальчик мой! Ягодка моя! — выронив сумку, она крепко обняла Коркина, у которого лицо сразу стало растерянным.

— Разбился! Как сердце чуяло: нельзя тебя в поход пускать. Да еще с такими, — сверкнула она глазами на подошедшего Сбитнева.

Коркин резко высвободился из ее объятий и заслонил собою Витю:

— Не надо, мама! Он тут ни при чем! Он, наоборот, спас меня.

— Где же это ты? Кто же это тебя? — не слушая объяснений, стала торопливо ощупывать сына Мария Ивановна, как бы убеждая себя, что руки и ноги еще при нем.

— Он, тетенька, шпиона поймал! Живого! — выпалила появившаяся из-за автобуса Зинка.

— Шпиона!? — вздрогнула женщина. — Вася! Ты — шпиона?..

Она заметила у дверцы кабины Веру Алексеевну и бросилась к ней:

— Это правда, товарищ классный руководитель?

— Правда, — улыбнулась учительница. Мария Ивановна побледнела:

— Как же вы это допустили?.. Ведь это, наверное, опасно... Разве можно школьник, ребенок!.. — укоризненно бормотала она.

— Так что? Будем садиться в автобус или на «Победе» поедешь? — негромко спросил Сбитнев Коркина, с лица которого все еще не сошло растерянное выражение.

— Да нет, Витя, давай садиться скорее! А то опять мама будет обниматься!.. — заторопился Коркин.

— Ладно, лезь живее! — грубовато, но дружески подтолкнул его к автобусу Сбитнев.

Все ребята были уже на местах. Шумейкин сидел в первом кресле на самом краешке и ерзал, будто кресло жгло его. Маленькие глазки тревожно металась от Коркина к Сбитневу. Он заметил, что они улыбнулись друг другу, и, видно, совсем упал духом: вскочил и шмыгнул к задним сиденьям автобуса, ища глазами свободное место.

Дядя Гриша сел за руль и закрыл дверцу кабины. Вера Алексеевна поднялась на ступеньку и через окно заглянула в автобус, проверяя, все ли ребята сели.

— Где же он? Детка! Я его домой заберу! — встрепенулась Мария Ивановна.

— Зачем же? — отозвалась Вера Алексеевна. — Не тревожьтесь о нем, Мария Ивановна. Он со всеми ребятами поедет. Поход еще не окончен...

Мария Ивановна увидела сына у открытого окна, схватила сумку и, что-то приговаривая, стала через окно бросать ему на колени бесчисленные кулечки, сверточki.

Автобус медленно тронулся. Зинка, Мишка и еще несколько ребят с криком бежали рядом с ним.

— Приезжайте к нам на тот год! Обязательно приезжайте! — звенел голос Зинки.

Юные туристы прощались, махали руками.

— А Тузик где? — спохватился вдруг Коркин и бросился к водителю:

— Остановите! Остановите!

На этот раз никто не засмеялся. Автобус остановился. В открытую дверь вскочил повизгивающий Тузик. Коркин подхватил его на руки.

...Со стороны гор донесся низкий, глухой звук.

Коркин прислушался и толкнул Сбитнева локтем:

— Слышишь? Стонет...

Сбитнев тоже прислушался, порылся в кармане.

— Знаешь, что, Вася, давай в память об этом дне посадим дерево, — подал он Коркину желудь. — Я этот желудь в пещере нашел...

— Давай! — кивнул головой Коркин. — А это что? — удивленно спросил он, увидев в руке Сбитнева друзы кристаллов.

— Это тоже из пещеры. Там огромный зал и весь пол в широких трещинах, а в них прозрачный камень. Мы думали сперва, что это лед. Только когда светишь на трещину фонариком, камня не видать. Он почему-то становится совсем черным, а не прозрачным. Наверное, это хрусталь. Я еще не спрашивал у Веры Алексеевны, — сказал Сбитнев.

Коркин стал с интересом рассматривать кристаллы, любуясь игрой света в их гранях.

— Эх, ты!.. Да ты знаешь, что это?.. Я перед походом прочел много книжек о сталактитовых пещерах. Там не может быть хрусталя. Это — исландский шпат! Очень ценный минерал! Смотри, как он преломляет свет. — Коркин положил кристаллы на руку, и сквозь один из них Сбитнев увидел, что палец, как в видоискателе фотоаппарата, раздвоился. — Если находят жилы в несколько десятков кристаллов, то их разрабатывают, они считаются государственными запасами. Так и сказано в книжке. Вы же, чудачки, сделали настоящее открытие! — сообразил Коркин и широко открыл восхищенные синие глаза.

Голубой автобус весело бежал по шоссе к солнцу, которое опускалось все ниже и ниже, заливая теплым розовым светом спокойные окрестности.

Поход продолжался!

mir-knigi.org